

Юрий Артемьев

**КОТТИ
КОТЁНОК
В ПОИСКАХ
ДОМА.**

**КНИГА
ЧЕТВЁРТАЯ.
Часть 1 и 2.**

18+ ИМЕЮТСЯ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ
НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕНСИЯ

Иногда кажется, что всё уже закончилось...

Но вдруг оказывается, что всё только начинается...

Котёнок в поисках дома. Часть 1 и 2

Юрий Артемьев

Часть первая

Пролог

— А мы в прошлом или в будущем? — спросила Алиса.

— Мы в жопе. — ответил ей Кролик.

Льюис Кэрролл

(чей-то вольный перевод с английского)

Когда же это всё закончится уже?

Боль... Снова безумная, безумная боль. Она везде, во всём теле...

Но главное то, что я не чувствую этого тела от слова «совсем»...

Что за глупый парадокс? Тела нет, а боль есть...

Раскалённые иглы боли просто ужасны. Я чувствую, как они пронзают насквозь мой воспалённый мозг.

О! У меня хоть что-то осталось...

Мозг! Если он есть, то должен же быть где-то и остальной я.

Я? Кто я? Кто я такой? И где я вообще?

А может быть даже не «Где?», а «Когда?»...

Мои мысли снова прерывает дикая боль в глубине сознания. И снова вонзаются в мозг раскалённые иглы, и снова эта боль терзает моё тело. И от этой боли никуда невозможно спрятаться, и от неё никуда не удаётся убежать. Она везде и всюду!

Кажется, что не осталось в организме такой косточки, которая бы не болела так сильно, что терпеть просто нет уже больше никаких сил... Но когда боль достигает своего пика, она растворяется в самой себе и уже не чувствуется, как боль. Просто какое-то неприятное чувство, от которого и избавиться нельзя, и терпеть уже невозможно...

Только одно бьётся в расплавленном мозгу: Боль! Боль! Боль!

А мысли...

Мысли скачут как кенгуру во время пожара в саванне...

Мысли?

Мои мысли...

Я мыслю! А значит — я существую!

Кто так сказал?

Кто-то так сказал?

Зачем так кто-то сказал?

Зачем кто-то что-то вообще говорит?

Что со мной? Что со мной творится?

Я лечу куда-то... Лечу неизвестно откуда и неизвестно куда, в густом, тёмном и липком мраке. И меня снова и снова атакует боль...

Бо-о-оль!

Странно... Чем больше боль, тем её меньше. В тот момент, когда становится так больно, что казалось бы, терпеть эту боль уже нет никаких внутренних сил, приходит полное бесчувствие.

Какой-то вакуум разливается внутри меня. Холодный и нейтральный, как абсолютный «ноль»...

Но как может быть что-то внутри меня, если меня самого нигде нет?

Кажется, что я уже думал об этом совсем недавно... Или давно? Или не думал?

Я ничего не понимаю? Я даже не понимаю, что мне надо понять? Это какой-то нескончаемый идиотизм...

В моменты, когда боль отступает, я пытаюсь заставить свой мозг работать более продуктивно. Напрягаю все электроны, электроды... или что там есть ещё в мозгах.

Нейроны? Какое глупое слово...

Слово? Слова? Кому они нужны в этом чёрном и вязком вакууме.

С кем мне тут разговаривать и на каком языке?

Язык? На каком языке я думаю?

Кажется, на русском... А какие здесь ещё бывают?

А-а-а! Меня снова корёжит, как не знаю что...

Меня, того которого нет, сворачивает в спираль, и снова пронзает насквозь...

Не спрашивайте меня, что такое спираль. Я не смогу ответить. Да и некому мне тут отвечать. И незачем...

Но вдруг неожиданно боль исчезает. Какой-то абсолютный покой, наслаиваясь на мои мысли, заполняет весь разум...

Становится тепло...

Легко...

Нет больше боли, нет страха...

Страх?

Я чего-то боюсь?

Я боялся боли. И вот теперь её нет.

Чего мне ещё бояться в этой жизни...

Жизнь?

Новое понятие и новые вопросы.

Я жив?

Я жив... Я живу... Я живой?

Или нет?

Кто я?

Там где я сейчас...

Кстати, где это я?

Там, где я сейчас больше нет ни меня, ни чего-то другого. Никого и ничего.

Абсолютное ничего.

Может это и есть смерть?... Смерть...

Я умер?

Или снова провалился в тёмную-тёмную бездну...

В жизни всегда есть место... Смерти.

И, как мне кажется, в жизни этой смерти гораздо больше, чем самой жизни. По крайней мере, про смерть напоминает всё кругом.

Мясо в привокзальных пирожках. Это мёртвая плоть каких-то животных после термической обработки. Этих животных сначала убили, потом разрезали на куски. После этого куски мёртвого мяса прокрутили мелко-мелко через мясорубку. И только потом варили, жарили...

Срезанные цветы для любимой девушки. Растения радовались солнцу и лёгкому дождю. Это если они росли где-то в поле, на свободе. А иногда растения сразу росли в неволе. В саду, в горшке или в оранжерее... Не важно. Но они росли, питаясь светом, водой и удобрениями. А потом их казнили, срезав под самый корень. И красивые яркие цветы медленно умирают в руках той, кому их подарили...

Яйцо разбитое рано утром на раскалённую сковороду. Может из него вылупился бы молодой петушок или курочка... Или утёнок с плоским клювом. А из большого яйца мог появиться целый гусь, или даже страус. Но яйцо было безжалостно разбито над пышущей жаром раскалённой сковородой. Эмбрион будущей птицы умер окончательно, превратившись в бело-жёлтую пищу, которую потом кто-то съел.

Комар, погибший при «исполнении задания». Он всего лишь был голоден и хотел есть. Ну и что, что питается он кровью. Диета у него такая. Что тут поделать... Но это же не повод бить его так сильно, чтобы всё его маленькое и хрупкое тельце расплющилось вдребезги вместе с украденной капелькой чужой крови.

А ещё в жизни есть всепоглощающий страх... Постоянный страх. Страх перед болью. Страх перед смертью...

Кто-то верит в смерть, кто-то нет...

«Смерти нет!» — твердил самурай, герой японского эпоса, вонзая себе в живот нож. И умирал. Ну а что ещё можно делать с ножом в животе, кроме как умереть. Особенно если при этом лучший и преданный друг, как положено, сносил мечом его голову.

«Я буду бессмертен!» — верил поэт, перед тем, как идти на дуэль, но убитый на этой самой дуэли. Бессмертными стали его произведения. А сам он, как и все остальные смертные, упокоился в земле. Пусть земля ему будет пухом! Мир его праху!

А ещё в Древнем Египте были фараоны. Фараоны — живые боги на земле! В это свято верили древние египтяне, тщательно бальзамируя своих богов, после их смерти. А потом нищие учёные из Европы грубо испарывали хорошо забальзамированные фараоновы животы в поисках неизвестно чего. И не было там ни богов, ни фараонов... Потому что там был только прах умерших когда-то давно людей...

Да о чём говорить?... Жизнь коротка и все мы смертны. Но как же не хочется в это верить каждодневно.

Бывают же такие счастливые моменты в этой брэнной жизни, когда не верится, что всё тлен, и что завтра придёт время умирать.

И это далёкое завтра всё ближе с каждым днём.

А так неохота.

Правда, ведь?

Тоска. Уныло. Всё постыло.

Стараюсь я не вспоминать

Про то, что не было и было.

Про то, что можно и не знать.

Про то, что жизнь короче ночи.

Про то, что смерть уже близка.

Живу я в царстве многоточий...

Их пишет вновь моя рука...

Я вижу свет в конце тоннеля,
Не видя тьмы над головой.
Осколки солнечной шрапнели
Свистят вокруг, как волчий вой.

Не зная робости и страха,
Иду по-прежнему вперёд.
Надев последнюю рубаху
Нарочно задом наперёд.

То, что горело, всё остыло.
Тоской заволокло глаза.
Всё что могло... Уже всё было.
Но отказали тормоза...

Творя добро, не видишь света.
Живя, ты губишь всё вокруг.
Жизнь коротка, почти, как лето,
Которое промчалось вдруг...

А осень плачет и тревожит.
Дожди. И жалости не жди.
И грусть тоска всё гложет, гложет...
А смерть таится впереди...

Значит, я всё-таки умер... Иначе откуда у меня в мыслях такой сумбур и полное безразличие ко всему происходящему...

Безразличие...

Всё...

Ничего...

Как тут тихо...

Застывшее время.

Что есть время?

Что оно значит здесь и сейчас?

Безвременье...

Глава первая

Мне снова снится странный сон.

Я уже видел этот сон раньше.

Он повторяется снова, и он продолжается снова и снова...

Мой сон реалистичен настолько, что я порою не понимаю где я на самом деле ...

Я тот, кто спит и видит сон?

Или я сплю, а мне спящему снится сон, в котором я как бы...

Всё так запутано, что я даже не могу подобрать слов, чтобы всё описать подробно...

Хотя именно подробностей — хоть отбавляй. А вот общей картины я никак не могу понять...

Мне кажется, что мой сон и не сон вовсе, а явь. Как будто я всё это уже видел однажды...

Нет. Не так.

Я чувствую порою, что я всё это уже пережил, а теперь мне это почему-то снится.

Но я не могу до сих пор понять и вспомнить: Кто же я на самом деле?

Я — это я, или уже кто-то другой?

Мне кажется, что я всё это уже где-то видел. И я знаю, что это называется дежавю. Моё восприятие окружающего как бы расстроено... Или растроено. Да, именно так. Я смотрю вокруг и понимаю, что смотрю не я один. А нас как будто бы трое.

Один из нас, это маленький мальчик. Он видит этот мир как бы снизу вверх. И всё понимает в силу своего возраста тоже снизу вверх. Для него эта комната — это и есть весь мир, а за пределами этой комнаты есть ещё больший мир. Огромный мир, который ему не доступен пока, но он обязательно туда попадёт и познает его.

А ещё всегда с нами маленькая девочка. Ну, это она так говорит, что она маленькая. Для малыша, который смотрит на мир снизу вверх, она почти как мама, взрослая и добрая. Хотя всё-таки нет, не как мама. Мама была другая... Так что она скорее всего, как сестра. Как старшая сестра. У неё очень короткие светлые волосы. Она сильная, но почему-то не любит показывать свою силу. Она сидит тихо-тихо и просто смотрит на всё вокруг удивлённо открытыми зелёными глазами. От неё исходит доброе тепло. К ней хочется прижаться, обнять её... Но она этого не любит. А имя у неё очень холодное — Ингрид. Хотя обычно её называют — Инга.

А третий рядом с нами — Кот. Нет не усатый полосатый пушистик на четырёх лапах. Человек. Он нас всех охраняет. Он уже очень старый. Намного старше Инги и много-много раз старше малыша. Кот — это не имя. Это позывной. Он так сказал. Если кому-то нужна его помощь, то они его так и зовут: Кот! Выручай!

У него много имён. Александр или Саша. Он воин. И он — убийца. Если бы всех кого он убил собрать в этой комнате, то стало бы тесно. Но он объяснил, что так надо было сделать. И он сделал. Когда он служил в армии, то носил на голове берет цвета голубого неба. Он и сейчас гордится тем, что когда-то очень давно служил в той армии. У них был девиз: «Никто кроме нас!» До сих пор он старается быть верным своему девизу.

Ну а то, что ему приходится всё время кого-то убивать, он сказал просто: Это — война.

А на войне как на войне. Если ты не убьёшь врага, то враг убьёт тебя. И это заложено с детства в каждом мужчине — способность к убийству.

И всякий мужчина в глубине души своей знает, что при возникновении определённых условий обладает этим правом. Даже те, кто никогда раньше не убивал, и даже те, кто и пролитой крови не видел никогда.

А там, где-то впереди, нас всех всегда ждёт неизвестность. Несмотря на знания и опыт, несмотря на прогнозы и анализ уже произошедших событий. Впереди нас всех ждёт неизвестность.

Ну а я снова маленький мальчик...

Я лежу в постели, потому что болен. Обо мне заботятся моя бабушка и мой дед.

За прошедший год я уже выучил те языки, которые не мог понять раньше. Моё сознание пребывает в каком-то сумеречном состоянии после аварии. Но я быстро обучаюсь. За этот год дед обучил меня многим языкам. И теперь я могу говорить не только с людьми, но и с... животными...

Да ещё к тому же я теперь немного телепат. Ну, не мысли читаю, а так... считываю эмоции. Эмоции не только людей и рептилоидов, но и ещё животных и растений. Этому меня уже бабушка обучала.

Мы летим. Летим куда-то очень далеко в космосе. В очень далёком от родной Земли, космосе.

Но я вот уже год не выхожу их медблока. Я трудно восстанавливаюсь после нападения ТХЭТТОВ.

Взрослым легче — они большие. Организм, чтобы подлечить какую-то часть забирает что-то из другой части. А я — маленький мальчик. Мне по земному календарю всего лишь пять с половиной лет. И у моего организма почти нет резервов для восстановления.

Никто не понимает, как я выжил. Дед говорит, что это чудо. А бабушка при этом загадочно улыбается.

Сегодня я впервые покидаю помещение медблока. Мне уж не трудно ходить и я даже пробую бегать. Но я по-прежнему ещё не до конца восстановился.

Дед хочет уже начинать учить меня боевым приёмам, но бабушка ему пока не разрешает это делать. С бабушкой даже дед не решается спорить.

Не знаю почему, но я не осознаю себя ни Ингой, ни Сашей. Зато знаю, что они всегда где-то рядом.

А кем я себя осознаю? Я не помню — кто я такой?

Мне дед много рассказывал про меня и мою короткую жизнь. Я узнал про себя новые подробности. Мои родители погибли. Их убили. Убили в бою наши враги.

Наши враги — это ТХЭТТЫ. По-другому я не могу воспроизвести название расы наших врагов. И они именно относятся к другой расе.

Дед показывал мне галлоизображения ТХЭТТОВ. Зелёный цвет кожи. Но не такой кожи как у расы людей. Кожа ТХЭТТОВ состоит из множества мельчайших чешуек. Они скорее рептилоиды. Чем люди. Хотя телосложение у них вполне гуманоидное. Две руки, две ноги. Ходят вертикально. Правда, ходят как земные кузнечики — коленками назад. У них страшные рожи. Голова плоская с боков, так что глаза почти что могут смотреть в разные стороны. А дыхательные органы находятся выше глаз. И всего лишь одно носовое отверстие,

с каким-то клапаном. Типа века на глазах. Зрачки вертикальные. Вместо ушей выступающие наросты с мембранами.

А рот... Нет. Не рот... Пасть, как у акулы. От уха до уха, а зубов, острых треугольных зубов не меньше сотни. Страшные, аж жуть берёт. Вот с такими страшилами и воюет в космосе человеческая раса. Люди заселили почти все возможные для обитания планеты. По крайней мере те, до каких дотянулись. Какой сейчас год я не знаю. Но Саша сказал, что это очень далёкое будущее от того времени когда жили он и Инга.

Дед у меня — воин с магическими возможностями. Это как боевой маг, только ещё круче. Он начал учить меня сражаться, пока что в щадящем режиме. Очень много теории, а практики мало. Саша говорит, что эти знания очень полезны. Он наверное больше всех из нас троих, ждёт начала полного обучения сражаться на мечах, на ножах, стрелять из энергетического плазмомёта и всяких других стреляющих штук.

А лечит меня в основном бабушка. Потому что она — ведьма. Обычная ведьма. Лекарь, колдунья, травница и всё прочее в одном лице. И это она учит меня языкам зверей и птиц. А ещё она учит меня эмпатии, но очень переживает, что мне плохо даётся телепатия. Эмпатия — это способность считывать эмоции других живых существ. Ну а телепатия — способность читать чужие мысли и общаться без слов. Бабушку-то я могу слышать, когда она мысленно разговаривает со мной. Это, как ещё один голос в моей голове.

Я уже привык к голосам в своей голове. Инга и Саша так со мной и общаются. А ещё теперь и бабушка так может, но сам я не могу этого делать. Бабушка сказала, что стоит какой-то блок. Поэтому бабушка ещё не знает ни про Ингу, ни про Сашу. А я ей про них не рассказываю. Это мой самый большой секрет.

Когда корабль моих родителей подбили, они погибли. Сгорели в космосе.

Но они спасли меня, выстрелив в спасательной капсуле куда-то в гиперпространство. Я так до конца этого всего не понял, и объяснить не смогу. На спасательной капсуле был маяк, но его сигнал могли слышать только те, кому он предназначался. Дед смог запеленговать и найти меня в глубинах космического пространства.

Я до сих пор не могу себе представить этот космос. Я честно пытался... Но в конце концов у меня получался большой чёрный куб внутри которого маленький-маленький я.

А бесконечность она такая бесконечная, что представить её я не могу.

За год я многое узнал.

Мы — космические беглецы. Наш клан как бы в оппозиции к имперскому межгалактическому правительству. И поэтому нас подставили, натравив на нас извечных врагов империи — тхэттов. Вот такие интриги. Чтобы победить сильных внутренних врагов, нанимают сильных внешних. Саша говорил, что это обычный приём в политике. Только конец у такой интриги может быть самым непредсказуемым, особенно для тех, кто затевает эту интригу. Мне пока трудно в этом разобраться.

Да что говорить... Я даже пока не знаю, как меня зовут. Не знаю, как зовут моих родителей. Не знаю, как называется наш клан. Не знаю, как зовут деда. Называю его просто — дед. А как зовут бабушку? Правильно! Бабушка. Меня они называют просто — мальчик или малыш.

Иногда дед, укоряя меня за плохое усвоение урока, говорит: Ты должен хорошо учиться. Ты же — наследник. А чего я там наследник — он не говорит.

Моя полная потеря памяти стала очень полезной со слов бабушки. Даже если меня

будут просвечивать или пытаться, я не смогу ничего рассказать, потому что не знаю. Потому что всё забыл.

Прошло ещё примерно полгода. По земному исчислению, конечно.

Здесь в космосе всё не так. Если два человека родились в один день, но один так и сидел всё время на планете, а другой совершил уже несколько гиперпрыжков на большой скорости, то тот, кто никуда не летал, может уже отпраздновать столетний юбилей, а тот, кто прыгает в космосе — ещё не достигнет своего совершеннолетия.

Дед стал меня чаще хвалить. Потому что я стараюсь. А ещё Саша заставляет повторять раз за разом все упражнения показанные дедом до тех пор, пока не начинает что-то получаться.

Теперь я могу в специальном отсеке пробовать себя в магии. Хотя дед называет это как-то по-другому, но мне нравится слово — магия. Саша сказал, что это настоящая боевая магия. Дед может использовать два элемента магии: огонь и воздух.

Здесь в этом специальном отсеке всё защищено. Стены, пол и потолок. Всё покрыто специальными защитными рунами. Поэтому я могу здесь кидаться огненными шарами без опаски пробить дырку с выходом в открытый космос.

У меня уже стало лучше получаться. Правда, пока ещё воздушный меч у меня слабоват. Но это пока. Дед сказал, что сила не в руках, а в голове. Стану постарше, будет получаться лучше. Главное не прерывать упражнений и медитаций.

А бабушка не только травница. Она владеет магией воды и земли. Но воды на корабле мало. Чтобы её собрать и сконцентрировать в одном месте, придётся обезводить половину корабельных запасов. Несмотря на то, что вода постоянно перерабатывается и используется снова, но всё равно её запасы не безграничны и постоянно уменьшаются. Поэтому у меня больше теоретических занятий по водным процедурам... А земли на корабле нет. Так что только теория. Немного земли есть в оранжерее, где бабушка выращивает всякие нужные ей растения. Но эту землю бабушка бережёт. За использования её в других целях она не пожалеет и родного внука. Он сама так сказала.

Сегодня у меня самостоятельные занятия по магии огня. Я был один в спецотсеке, и вот уже с полчаса метал различные фаерболы в мишень из сверхпрочного пластика. Если шарик я делал слишком большим, то он с сильным хлопком разлетался по поверхности мишени при попадании. Но сегодня мне удалось большой шарик сконцентрировать в ладони, а уж потом отправить его в полёт. Маленький сгусток огня или уже даже плазма, прожёт мишень насквозь и только потом исчез, растекшись красным плевком по стене с рунами...

Но вдруг всё затряслось. Сильно. Я еле устоял на ногах. Саша сказал, что похоже на землетрясение. Если бы я хоть раз был на Земле, то понял бы его. Но я помню себя всё время лишь на этом корабле, летящим вдали от каких-либо планет.

И тут снова тряхнуло так, что я не удержался на ногах и упал на пол...

Сознание покинуло моё тело...

Глава вторая

Во сне как наяву...

— Давай с тобой спасём котёнка.

— Зачем? Не надо! Пусть плывёт!

(Из подслушанного у реки разговора...)

В мозгу пульсирует какой-то колокольный звон.

Бум! Бум! Бум!

Я опять в каком-то безвременье. Я снова лечу в бесконечный и нескончаемый полёт, куда-то вниз в тёмную пустоту...

Боль куда-то ушла. Но почему-то подсознательно со всех сторон я ощущаю какую-то непонятную опасность. Я не вижу никакой опасности, я не чувствую никакой боли. Но мне почему-то страшно...

Страх...

Я боюсь... С тех пор, как я сгорел там, в горах... Я подсознательно чего-то боюсь. То, что я не показываю свой страх окружающим — это маска. Защитный рефлекс всех трусов. Покажи другим, что ты ничего не боишься, и бойся себе на здоровье, где-то очень глубоко внутри себя...

В последнее время я боюсь того, что каждое моё слово может стать последним.

Стоп, стоп, стоп...

Кажется, я где-то это уже недавно слышал...

А-а, вспомнил: «Подсудимый! Ваше последнее слово!» А я ему в ответ: «Ваша честь!...» Да, какая на хрен честь...

Любил он приговор прочесть,

Людские судьбы искалечить.

Он назывался «Ваша честь»,

А был, по сути — просто нечисть.

Конечно не все судьбы такие, но... лично мне всё чаще попадались индивидуумы именно в такой интерпретации...

Хотя чего это я про них вспомнил? Сам не знаю.

Разговор не о них, не про них, ну и да ну их... нах...

В последнее время я боюсь... Боюсь чего-то такого, чего сам понять не могу. Противный липкий страх проникает в мои мысли, и сидит там, пуская корешки и корни.

Я думал, что, наверное, уже отбоился. И это тоже было неправильно. Также неправильно, как мой нынешний липкий, панический страх перед всем и вся.

Нет, я не стал закоренелым трусом. Я иду по жизни ровно. Не шарахаюсь в сторону от резких звуков, не боюсь темноты, у меня нет страха высоты, замкнутых и открытых пространств. И вообще нет этих заумных фобий, которые так здорово плодят психиатры, а особенно психотерапевты и психоаналитики...

С этим у меня как-то наоборот всё в порядке. Но я периодически замечаю в себе

склонность пофилософствовать на тему страха.

А страх — это тема такая интересная и всеобъемлющая...

Что вообще такое страх?

Страх — какое-то паучье слово.

Бр-рр... Страх... Это всего лишь порождение нашего сознания.

Откуда он берётся? Он же не может возникнуть просто так?

А он так и не возникает. Он возникает из чего-то такого, что его существование позволяет. И он существует. Жрёт нас изнутри как...

Даже не буду примеры приводить. Каждый сам знает, как его пожирает его же собственный внутренний страх.

Все наши чувства и поступки определяются исключительно страхом или отношением к страху.

«Я мыслю... типа существую...»

Чушь собачья!

Боюсь чего-то... Значит — жив пока!

Но разве это жизнь? Идти по ней трясясь от страха?

Или даже никуда не идти, а сидеть в своей уютной скорлупе, боясь даже нос высунуть наружу...

Страх — это постоянное ожидание боли и смерти... И при этом страх боли и смерти, может быть ещё мучительнее, чем сама боль и сама смерть...

При этом природа страха даже не физическая.

Это только внешний страх, страх перед болью и физическим уничтожением.

С этим справляются достаточно легко brave парни в голливудских фильмах. Бах-бабах... и снесли башку омерзительному монстру.

Да и внутренний страх — совесть, угрызения, тоска и т. д., почти всегда обусловлен страхом внешним. Стоит устранить близкую видимую причину страха, и о нём почти сразу забывают. И даже потом вспоминают с бахвальством. «Ух-хх, как я там... вот... Да, я...»

Ага... Ля-ля... Нос от корабля!

Чем меньше была опасность, тем с большим энтузиазмом, преодолевший её, делится с окружающими своей победой. А уж как он преувеличивает реальную опасность, для того, чтобы слушатели прониклись его храбростью в преодолении его страха...

Ладно... Хвастунов и бахвалов мы тоже оставим в покое... Пока...

Разберём сейчас мой собственный страх.

Он похож на какой-то потенциальный или возможный страх... Не заблуждаясь, я предположу, что не я один ему подвержен.

Скажи мне, друг, положи руку на сердце, ты не боишься потерять здоровье, сейчас, именно сейчас, когда ты здоров и бодр?

Ты не боишься стать завтра (как говорил нам в армии сержант) косым, хромым, скорбящим... (вот именно... скорбящим...)?

Ты не боишься внезапно оглохнуть, ослепнуть, заболеть раком, СПИДом, сифилисом, гепатитом?...

Ты не боишься, что это всё случится с близкими тебе людьми, которых ты любишь, которые дороги тебе?

Ну, скажи, скажи! Не вздумай лгать, я не поверю...

Это самый страшный страх. Страх, который засел глубоко в крови, появившись откуда-то из подсознания.

А может быть, он всегда был с человеком на генетическом уровне? Все мы параноики в той или иной степени.

И вообще: Я боюсь повториться, но страх везде и во всём.

Мы живём, руководствуясь страхом. Может быть, даже он и есть причина нашего выживания.

Он везде и всюду сквозит в наших поступках и определяет все остальные наши чувства.

Любовь? Чушь собачья!

Безумный страх перед одиночеством, ну и слегка-слегка инстинкт продолжения рода...

Взгляни на молоденьких девочек лет пятнадцати-семнадцати. Уж замуж невтерпёж...

Ах никто не берёт... Жизнь пропадающая... Ах я несчастная...

Хотя некоторым девушкам даже нравится чувствовать себя немножечко несчастной. Романтический такой идеал — тургеневская девушка. Несчастлива, но не сильно, а чуть-чуть, чтобы внутри была загадка. Ну и в придачу загадочная улыбка Моны Лизы.

А внутри?... А внутри у девушки таится страх: Не полюбит... А полюбит, так разлюбит... Поматросит, да и бросит...

И останусь я одна, словно на небе Луна...

Самый страшный страх — постоянное беспокойство... Страх перед чем-то неопределённым. Ой! А вдруг...

И этот «вдруг» непременно наступает, если о нём, хоть иногда усердно думать.

Ведь всякая мысль материальна. И физическое воплощение мыслей случается с вероятностью N в N-ной степени. А не думать ни о чём не получается...

Да и мысли мрачные посещают нас гораздо чаще, чем добрые. Вот и приходится вынашивать, в себе самом любимом, вот такую бомбу замедленного действия.

И такая печаль и тоска настигает от осознания всего этого...

Стоп... А что такое печаль?

Печаль... Это тоже страх... Страх перед возможной утратой или страх, что ты себе не простишь, если что-то уже утрачено и уже ничего нельзя исправить.

Ах... И после недолгого самокопания мы начинаем злиться на всё и вся. Впадая в гнев, творим порой такое, что потом стыдно вспомнить.

А гнев, что есть гнев? Всего лишь отрывок прошлых страхов и желание уничтожить или подавить в себе самом его первоисточник. И неиссякаемый источник всего этого — страх.

Жадность? Патологический страх бедности.

Кому он не присущ? А учитывая то, что катаклизмы последних лет периодически подкидывают нам всяческие финансово-экономические сюрпризы, то это вполне ощутимое беспокойство реально на все сто.

Нынче густо, завтра пусто. Денег нет, одна капуста...

Не потому ли мы стараемся накопить, украсть, купить... Пока есть на что покупать.

Я не беру тех, кто там наверху балуется играя по принципу миллиардом больше, миллиардом меньше. У них своя свадьба, а у нас вечные поминки по хорошей жизни.

Сколько раз уже мы вздыхали с облегчением: Вот, наконец-то всё выровнялось. Жизнь наладилась, курс рубля устаканился...

Ни фиги. Снова кризис, снова взлёты курса валют и падение уровня жизни до

очередного абсолютного нуля.

Кто был никем, тот тем и стал.

И мы снова убегаем. От жизни, что вокруг, от самих себя... Хотя от самих себя, увы, не убежать. Разве что вообще съехав с катушек и лишившись разума. Наркотики и алкоголь прекрасно в этом помогают. Но это тоже путь в никуда.

Чувство наслаждения прекрасным это тоже страх.

Страх перед действительностью и желание уйти от неё, запереться в своём маленьком панцире, заполнив его красивыми и изящными вещами.

А ещё и возможность вклиниться в стаю себе подобных. Ах, как красиво... Ах, Ван Гог...

А Ван Гог напившись абсентом до чёртиков, обрезал себе уши в алкогольном угаре.

Это красиво? Зато в тот момент, он ничего не боялся. Ни этого мира, ни потустороннего. Ведь Ад, если он и существует — это абсолютный страх. Чернота, пустота, ощущение беспомощности... и страх, страх, страх...

Не потому ли всевозможные религии всего мира так безжалостно пугают своих верующих муками преисподней.

Но не мучения пугают, а именно страх мучений, страх неведомых истязаний, которые только можно себе представить. Или их вообще невозможно представить... Потому и страшно...

Так стоит ли мне вообще бояться чего-то?

Если будет больно, то это всё равно будет, независимо от того, боишься ты боли или нет.

Если заболешь, то надо не бояться, а бороться с болезнью и лечиться, лечиться, лечиться.

Хотя всё равно, неосознанно не избежать того мерзкого чувства, которое нас подстерегает постоянно. Посуди сам, живет на свете человек, живёт. Обычный человек, обычные проблемы. Человек доволен своей жизнью. И вдруг случается, что-то из ряда вон выходящее и всё летит кувырком...

Страшно? А что делать?

Невозможно подготовиться ко всему заранее. Даже те «инструкторы по экстремальным ситуациям» которые втирают обывателям истории о том, как вести себя в сложных жизненных ситуациях, как выжить в условиях вечной мерзлоты, в тайге, в пещере... Порой они сами не знают, как прожить на ту зарплату, которой их награждает работодатель.

Что толку от того, что он умеет разводить костёр на снегу и жрать сырую рыбу.

Случился финансовый кризис, и что теперь? Идти в тайгу, ночевать в снегу и заниматься сыроедением?

Нет. Надо жить обычной жизнью. Приносить домой деньги и кормить семью, детей. А им не сразу можно объяснить, что надо жрать сырое мясо. За это могут и статью уголовную приписать, как за издевательство над теми, кого ты обязан кормить хорошо.

А вообще разговор, наверное, совсем не об этом.

Я просто ненавижу трусость и предательство. И не только в других, а и в себе самом тоже. Себя я ненавижу ещё больше чем других. Потому что про других, я могу даже иногда думать хорошо, так как не всё про них знаю. А про себя я знаю всё. И даже такое, что никому никогда не расскажу, ни при каком раскладе.

И у тебя, и у меня есть потаённое, скрытое от всех других, мерзкое и подлое, но

надёжно спрятанное от чужих глаз и ушей.

Но кто же в этом признается? Даже порой от самих себя мы прячем всю свою мерзкую человеческую натуру. И обманывая самих себя, врём себе самим. Даже себе мы пытаемся внушить ложное представление о своих поступках и мыслях. И оправдываем сами себя... Дескать так было надо, такие были обстоятельства, иначе нельзя было...

Можно было и иначе. Но испугался вдруг, и повёл себя не так как должно, а так, как нужно было в той ситуации для спасения себя любимого от той неведомой напасти, что приключилась так внезапно.

А когда сильные в прошлом люди превращаются в тряпки — это омерзительно, и нет оправдания обстоятельствам. Эта картина ещё более пугающе выглядит, когда понимаешь, что и сам можешь оказаться в такой ситуации, когда не в силах справиться с опасностью, ломаешься и сдаёшься.

Нельзя быть постоянно «на стрёме» и быть готовым ко всему. Случается всёгда то, к чему ты не готов. Приходит беда незваной гостьей оттуда, откуда не ждали.

Кто предупреждён — тот вооружён! А как можно быть готовым к тому, чего совсем не знаешь?

Это потом, после разбора полётов, легко можно найти правильный выход или безболезненное решение всех проблем того, прошедшего периода.

Но как подготовиться к подлости, приготовленной близкими тебе людьми.

Ты веришь, что научился узнавать людскую подлость и презирать её в других и главное в себе?

Но не значит ли это, что надо либо жить одному и не подпускать к себе никого ближе, чем на расстояние удара или выстрела, либо приближать к себе лишь избранных, но при этом подозревать всех и вся в будущих грехах, и не давать ни им, ни себе расслабиться ни на секунду...

Как можно жить в таком невероятном напряжении?

Никого не пускать в свою личную жизнь дальше грязной унылой прихожей, если не хочешь обнаружить шпиона в собственной постели.

Но если уж такое вдруг случилось, следы хотя бы, чтоб шпион ноги вытирал. Это не шутка, а суровая правда жизни.

И если так думать, то видно придётся плыть одному по бурному течению жизни... И рассчитывать только на себя.

А можно ли самому себе всегда доверять?

Ни в ком нельзя быть уверенным на все сто процентов, даже в самом себе.

Не знаешь ты ведь, кто на что способен. Ты знаешь о себе всё. Но я не верю, что ты знаешь всё, на что ты способен в ситуации экстремальной настолько, что и сам не знаешь насколько.

Готов ли ты, чтобы не умереть самому от голода и холода, есть себе подобных, пусть даже и не убитых собственной рукой, а погибших рядом.

Наглядный пример уже был в истории человечества. Причём в почти что современной истории. Самолёт, упал далеко в снежных горах. Немногие выжившие, чтобы не умереть с голоду, ели погибших соседей, но продержались до прихода спасателей. А спасатели не сразу их нашли, погода была нелётной и т. д. и т. п.

Вот что бы ты делал? Медленно замерзал рядом с другими такими же замороженными трупами? Или же не побрезговал бы мясом тех, кто своей смертью давал бы тебе шанс

выжить?

Маленький, маленький шанс. Призрачный и ничего не обещающий. Это потому возникают моральные и этические угрызения, эфемерного и рудиментарного органа, под названием «совесть».

Ну? Отвечай!

Как бы ты поступил в такой ситуации?

Не знаю, но мне кажется смерти, я бы предпочёл жизнь.

А ты думаешь иначе? Ну, ну... Что-то верить с трудом.

Конечно, сидя в теплой уютной комнате, легко рассуждать о нравственности. А в реальной ситуации ты готов рассуждать об этом? Кстати, история с самолётом вполне реально, только произошла она не у нас, а где-то в Латинской Америке.

Да какая разница? У нас ещё хуже бывало.

А люди? Окружающие тебя люди...

Ты веришь им хоть на грош?

Люди лживы, лукавы, сребролюбивы. Их влечёт нажива и желание унижать себе подобных. И только страх способен привести это уродливое стадо хоть в какой-то порядок...

Оглянись вокруг! Приглядишься к тем, кто тебя окружает.

Это люди? Или стая бездомных собак?

Да и собаки, наверное, более честны. Кто тявкнет, кто гавкнет, кто ногу лизнёт. Но всегда готовы вцепиться зубами и рвать твоё мясо, коль страх свой проявишь.

Не зевай! И не показывай свой страх никому. Даже если и боишься. Всё равно. Хотя бы не показывай, что боишься...

Все боятся. И я боюсь.

Ведь страх — это не порок, а способ выжить в нашем мире. Если бы я смог избавиться от страха — я стал бы всемогущим.

Абсолютное избавление от страха, это и есть секрет бессмертия.

Но страх нельзя победить. Его можно слегка усыпить, притупить его бдительность. Но тогда рискуешь пропустить момент опасности, когда ещё можно спастись, и попадёшь в другой момент, когда спастись либо поздно, либо сложно.

А спрятать свой страх от других, и прослыть смелым человеком можно. Есть отличная норка для того чтобы спрятаться в ней. Там прятаться можно глубоко и надолго. Внутри себя.

И все про это знают. И все там прячутся. И я тоже...

Спроси кого угодно: боится ли он смерти?

Вот ты, например?

Боишься?

А чего конкретно?

Стоит ли бояться небытия?

Или всё боятся чего-то другого? А называют всё это, обобщая, словом «смерть».

Неужели это так страшно? Это же просто переход из одного физического состояния в другое.

Страх смерти можно разделить на множество подстрахов поменьше.

Страх боли перед смертью?

Но смерть прекращает боль.

Страх расставания с этим материальным миром?

Но там, за гранью, нам ничего не понадобится из того, что здесь мы ценим.

Да чего там опять из пустого в порожнее переливать одно и то же?

Страх.

Вот что правит миром.

А смерть — одна лишь в жизни точка, все остальные — запятые.

И на этом маршруте от рождения до смерти именно страх подстерегает нас на каждом шагу. То пугая нас до смерти, то наоборот предостерегая от белёсой старухи с косой.

Но страх с нами всегда и везде. Даже во сне приходит нам с кошмарами...

То просто заставляя просыпаться в холодном поту...

То показывая пророческие страшилки из возможного нашего будущего.

Я не знаю, чем закончить всё вышесказанное...

Сказать, что всё, конец?... Это было бы слишком просто.

Я уже умирал. А потом снова вернулся. И пусть я вернулся не туда, откуда ушёл, но всё же...

Так чего же мне ещё бояться?

Откуда-то издали приближаясь и усиливаясь ко мне снова прилетела боль...

Боюсь я боли или нет... Но больно всё равно...

И, кажется, сознание снова ко мне сейчас вернётся...

Глава третья

Тебе не страшно жить на этом свете?
Мне нет. Я научился убивать.
Я страх убил в себе. Он мне ответил
За то, что раньше смел меня пугать.

Убил я злость. За что? Вредила всюду.
Мешала жить... Мешала жить любя.
Убил я зависть, мелкую паскуду.
Ей отомстил за всех, и за себя.

Пытался совесть задушить. Сама издохла,
От угрызений внутренних своих.
Хотел убить любовь, она усохла.
Остался лишь короткий нежный стих.

Почти со всеми смог я разобраться.
Что там осталось? Грусть-печаль-тоска?
Да ну их! Неохота мне мараться.
Пускай живут... Пускай живут, пока...

Тебе не страшно жить на этом свете?
Убей в себе свой бесконечный страх!
Мы сами пред собой за всё в ответе.
А если что не так? Увы и ах!

Не бойся победить в себе гордыню,
Свой страх и всё, что есть вокруг него.
Оставь себе на память своё имя!
На этом свете хватит и его...

Снова сильно трянуло, я задел правым плечом за что-то твёрдое и зашипел о боли. Кричать я не стал, хотя очень хотелось... Правую руку в районе раненого плеча просто пронзало насквозь нестерпимой болью.

За окном мелькали зелёные деревья, но дорога была такой неровной, что машину снова трянуло. Я пришёл в себя. Мне было больно, мокро и...

Блин! Я... Я на Земле.

Я еду в машине... а этот болван, который не снижая скорости не пропускает ни одной ямы на дороге — это Натан. Мой боевой товарищ... Мой напарник...

— Натан! Потише! Не дрова везёшь.

Он затормозил так резко, что я чуть не влетел в лобовое стекло. Или даже чуть не

вылетел через него.

— Ты охренел, что ли?

— Инга! Ты как? Как себя чувствуешь? Что с тобой?

— Ты лучше меня знаешь, что со мной, наверное. Я после реки ничего не помню...

Вот тогда он мне всё и рассказал. Как я плыл, прямо в одежде через реку, загребая одной рукой. Как я, не доплыв чуть-чуть, потерял сознание и свалился в воду лицом вниз. Как он меня вытащил и донёс до машины.

И вот теперь он меня везёт в больницу, потому что я истекаю кровью.

— Ты о чём? В какую на хрен больницу, Натан? Там меня сразу повяжут с огнестрельным ранением. Да и тебя заодно. Где мы сейчас?

— Я не поехал в Шую, объехал слева... Мы сейчас едем в Иваново. Ещё мину двадцать...

— Никакого Иваново. Увидишь по дороге какой ручей или речку. Съезжай к воде....

Ручей нашёлся почти сразу. Небольшой. С метр шириной. То что надо. Я кое как добрался до воды. Стащил с себя куртку и рубашку. Присохшую уже ткань пришлось отирать. Кровь снова стала сочиться из потревоженной раны.

— Натан! Там в свёртке, который я принёс, вещмешок. Там должны быть и бинты...

Так. Надо рану осмотреть. Правой рукой не пошевелить. Откликается резкой болью на каждое движение. Не думая про возможность занести в рану инфекцию, пытаюсь промыть рану намоченной в ручье рубашкой. Получается плохо. Но я снова мочу окровавленную тряпку в ручье и пытаюсь стереть кровь, хотя бы вокруг раны. Сейчас не до инфекции. С этим и потом можно будет разобраться. Так... Есть входное отверстие... А сзади мне не видно.

Вернулся мой напарник с бинтами в руках. Принёс сразу много. Мне столько может не понадобится. Ну да ладно...

— Посмотри сзади! Есть выходное отверстие от пули?

Блин. Такое ощущение, что это не я от потери крови сейчас сознание потеряю, а мой друг свалится в обморок от одного только вида моей крови...

— Натан! Пожалуйста! Только не падай в обморок. Я тебя потом до машины не дотащу одной рукой. — пытаюсь шуткой вывести его из заторможенного состояния.

— Да, да. Сейчас. Нет. Сзади всё опухло. Кговь. Много кгови. И шишка какая-то.

С трудом дотягиваюсь до пресловутой шишки... Больно, блин... Но, кажется, картина проясняется. Пуля попала мне в правую руку, когда я её поднял, чтобы выстрелить в капитана. Поэтому рана получилась как бы по диагонали. Войдя в бицепс, возможно задела кость и застряла под кожей сзади на пробив её... Тут без стакана, ну то есть без рентгена не разберёшься...

— Натан! Постарайся забинтовать потуже. Не жалея бинтов. У нас их много.

С болью и матом, я чуть приподнимаю руку, чтобы ему было удобнее бинтовать.

— Тебе надо к доктогу!

— А у тебя есть с собой врач?

— Надо в больницу!

— Нельзя в больницу. Сразу нас менты загребут. И меня, и тебя.

— Но так нельзя оставлять...

— У тебя есть в Москве надёжный друг, и чтобы ещё немного медик? Кто угодно... Санитар, фельдшер, акушер. Да хоть ветеринар.

— Ветегинаг есть... — оживился Натан. — Мы в школе учились вместе. Он... Надёжный. Вадик Кац. Правда я его лет пять как не видел, но знаю, что живёт и работает он всё там же...

К этому времени он уже закончил меня бинтовать. С помощью Натана я надел чистую и сухую куртку. Правую руку я не стал впихивать в рукав. Левую надел как положено, а на правую сторону куртку просто накинул. Натан застегнул меня на все пуговицы. Думаю, что сойдёт и так.

— Смотри. Нам до Москвы часа два не меньше. Сразу поедem домой. А потом ты съездишь за Вадиком. Я подскажу, что взять с собой. Думаю, что он разберётся. Но подробностей моего ранения ему сразу не говори. И про огнестрельное ранение не упоминай. Просто скажи, что нужна его помощь. Если он надёжный друг, то поможет, особо не выясняя подробностей...

Мы подошли к машине... Да. Это я сильно сиденье извазюкал.

— Натан! Придётся сейчас машинку слегка помыть. Смотри на сиденье кровь. И на дверце тоже. Можно моей рубахой. Её всё равно уже только выбрасывать. Да и кстати, надо бы после всю окровавленную одежду припрятать. Так нельзя бросать. А то бдительные граждане могут не так понять. Лопатка есть. Можно прикопать у ручья.

Я присел на травку возле машины. Меня снова начало штормить. Но я держался. Мой соратник суетился возле машины, смывая оставленные мною следы крови.

Наконец я уселся на переднее сидение, стараясь не задевать правым плечом ни обо что. Не хватало, чтобы снова рана закровоточила. Опять машину мыть придётся...

Водитель с лопаткой в руке вернулся, и сунув шанцевый инструмент под сиденье, завёл нашего железного коня.

Я смотрел на дорогу. А в глазах мелькали белые мушки... Надо было ножи отстегнуть... Пришла в голову запоздалая мысль. Револьвер я давно засунул под своё сиденье, ещё до того, как спустился к ручью...

Мне даже удалось устроиться на сиденье поудобнее. Боль притупилась и из острой, превратилась в противную ноющую...

Из последних сил я пытался не заснуть, хотя меня просто вырубало. Так бывает после суточного дежурства, когда не удалось прикорнуть хоть на часок... Состояние такое, что стоит только прислониться к чему либо, и сон тут же накроет вязкой пеленой...

Не спать! Не спать! Это так тяжело, когда хочется закрыть глаза и спать, спать, спать...

Хорошо, что верный друг так умело попадает во все кочки на дороге, что заснуть не удастся ни за что. А меня всё равно тянет в сон.

Я знаю, что это от потери крови, от ранения, от адреналина, которого много было в крови, а теперь он... А куда он девается потом? И зачем...

Не спать!

Мы не заезжали ни на какую заправку. Я спросил про это у нашего водителя, но он убедил меня, что бензина хватит до дома... Надеюсь, что он прав. А то стоять на трассе без горючки — не в кайф. Особенно сейчас. Канистра то с горючкой у нас в запасе есть. Но думаю, что без моей помощи Натан может этот творческий процесс один не потянуть. А из меня сейчас помощник никакой.

Хотя, как теоретик я ещё могу давать полезные советы...

Кому нужны мои советы? Никому...

Не спать...

Мне показалось, что мы ехали целую вечность. Но на улице лишь только-только стало темнеть, а мы уже въезжали к нам во двор. Я не стал ничего забирать из машины. Ключ у меня давно уже был свой. Так что я решил не напрягать напарника моим подъёмом до квартиры. Сам справлюсь.

— Заскочи на заправку. Заправься до полного. А уж потом за врачом. Понадобятся: Всякие бинты, салфетки, перекись, йод или зелёнка. Ещё обязательно шприцы с иглками для внутримышечных инъекций. Новокаин, какой-нибудь антибиотик, лучше если бициллин. Третий или пятый, какой будет. Пенициллин слабоват. Пусть ещё скальпель прихватит или ланцет какой... А... Ещё нитки с иглками... Думаю всё...

Я пошёл в сторону подъезда. А «Запорожец» всё не отъезжал. У дверей я обернулся и помахал другу рукой. Он уехал.

Поднявшись на наш этаж, я с трудом левой рукой открыл замки. Неудобно. Я всё-таки не амбидекстр, а натуральный правша. Хотя стрелять и с левой могу... и с обеих рук сразу... Хотя это и довольно сложно. На дальних дистанциях я даже и пытаюсь не буду стрелять по-македонски. Кстати, сами македонцы стреляли из однозарядных пистолей и с близкого расстояния. Это уже потом в кино и книгах раздули этот способ, как супер-пупер крутой приём стрельбы.

Нет. В помещении или в тесноте окопов такой способ ещё сойдёт, как возможность послать в тушки врагов в два раза больше патронов. Но лучше если это будут револьверы, а не пистолеты. Так как выбрасываемая гильза с левого пистолета легко может и в лоб попасть, срикошетив о правый...

А револьвер — вещь полезная. Не надо потом ползать по земле и собирать гильзы, чтобы не оставлять для ментов следов преступления. Но перезаряжать револьвер дольше и сложнее. Поэтому и пистолет полезен, как запасной ствол...

Все эти мысли я старательно думал, пока поднимался по лестнице. Каждый шаг, каждая ступенька отдавалась острой болью в раненом плече.

А зайдя в квартиру, я сразу метнулся в туалет. Приспичило... Ещё как...

Блин как же неудобно действовать одной левой. Тем более во времена, когда почти всё на пуговицах. Кое-как справился, и не застёгивая штанов отправился в комнату. Расстегнул куртку и выполз из неё. Всё-таки застегнув пару пуговиц на ширинке, присел на диван. Осторожно откинулся на спинку и...

Потерялся в небытие...

Сон сразу догнал моё бессознательное тело. И как мне кажется... Мой сон продолжился с того же места, на котором он прервался в прошлый раз...

Дед влетел в спецотсек для занятий. Он был сильно взволнован. Таким раньше ни я, ни Малыш его не видели:

— Собирайся! Быстро! На нас напали!

Я не стал задавать вопросов, просто сразу ломанулся на выход. Дед бежал рядом со мной.

— Брать с собой ничего не надо. В спасательной капсуле есть всё необходимое.

— А бабушка?

— Она уже там должна быть.

— Что случилось?

— Тхэтты... — дед как всегда был лаконичен. — Они нашли нас.

Один коридор. Шлюз. Снова коридор. Наконец мы попали в отсек спасательной капсулы. Хотя скорее это не капсула, а спейс шаттл. Ну а если проще — космический челнок. По сравнению с нашим кораблём, он совсем небольшой. Но довольно внушительный по размеру, если сравнивать с кораблями землян, времён начала покорения космоса. Сразу следом за нами шлюз с шипением закрылся. Что-то завибрировало. Мы еле успели дойти до рубки управления и занять удобные кресла рядом с бабулей, как шаттл стартовал. Тело сильно вдавило в спинку... На обзорных панелях вокруг я увидел окружающие нас мириады звёзд... Впереди была какая-то разноцветная туманность... А потом...

А потом скопление звёзд бросилось мне прямо в лицо. Мелькание не прекращалось...

Видимо мы совершили гиперпрыжок... Давление стало сильнее. Настолько сильное, что я просто... Потерял сознание...

Проснулся я от шума в квартире...

В прихожей мужские голоса...

Я было напрягся, стал судорожно вспоминать, куда скинул стилеты в ножнах, отстёгнутые от рук.

Но тревога была напрасной.

Приехал Натан, а с ним ещё один мужчина. Смешной такой. Весёлый...

На вид лет под сорок. Толстенький, небольшого роста, с большими залысинами. Похож на молодого Жванецкого чем-то. Глазами, наверное. Добрые, но с какой-то хитринкой. Видимо это и есть тот самый обещанный ветеринар.

А я слишком резко попытался подняться с дивана.

Забывшись, опёрся на правую руку...

Резкая боль...

И я снова лечу в nirvanу...

Какой противный запах. Прямо под носом.

Аж, передёргивает всего.

А... Нашатырь.

Ватку под нос суют.

Это Вадик приводит меня в сознание. Натан раздвинул стол и уже стелет на него клеёнку. Вдвоём они помогли мне поместиться на столе.

Рядом со мной на этом же столе расставлены какие-то эмалированные ванночки, блестящие металлическим блеском коробочки, скляночки, баночки. На чистой белой салфетке лежат орудия пыток: Ножницы, скальпель, ещё какие-то зажимы и прочее...

Резиновые перчатки на руки врач одевать не стал. Но когда он вошёл в комнату, то держал руки вверх. Явно их только что помыл. Это правильно. Чистыми руками в рану лазить полезнее для моего здоровья.

Подойдя к столу, Вадим скомандовал растерянному музыканту:

— Полей на руки!

Натан плеснул ему на руки из большой склянки. В воздухе явственно запахло спиртом. Потом он ваткой с таким же запахом протёр место вокруг раны и начал экзекуцию.

Я лежу на левом боку, а над правым плечом колдует ветеринар. Он меня уже всего обколол.

Я примерно представляю эту технологию. Это называется новокаиновая блокада. Новокаин берёт не сразу. Но у Вадима есть чем заняться. Он делает ещё какие-то уколы.

При этом все процедуры он комментирует. Голос у него добрый, успокаивающий. Я уже узнал, что получил укол против столбняка и лошадиную дозу бициллина. Так что все микробы теперь будут подыхать ещё в воздухе на подлёте ко мне.

Рука в районе плеча постепенно немеет. На рану льётся перекись. Я почти всё вижу. Вижу, как пенится белая пена там, где только что были подтёки подсохшей крови.

— Не верти головой, пожалуйста! — Вадим говорит чисто, буквы не путает, не картавит, совсем не так как Натан.

— Хорошо, доктор!

— Вот Натан, видишь... Устами ребенка, глаголет истина. А ребёнок сказал, что я — доктор! А ты всё время — коновал, живодёр...

— Я так не говорил.

— Говорил, говорил...

— Ну, ты же лечишь лошадей!

— Добрый доктор иудей, излечил всех лошадей. А кого не излечил, тех зажарил и сварил... Пациент! Не надо дёргаться!

— Тогда не смешите меня!

— Хорошо-хорошо! А сейчас лежи спокойно и постарайся не шевелиться.

Я ощущаю, что в мою руку сзади чем-то тыкают и что-то там делают. Ощущения не из приятных, но боли как таковой я не чувствую.

Я даже понимаю, что мне сейчас надрезают кожу, чтобы извлечь пулю. Доктор ковыряется в ране...

Но боли нет... А-а...

Только тянет так...

Немного неприятно, не более...

Я потерплю. Чего уж там...

Снова перекись, снова салфетками удаляется лишняя жидкость из раны.

Чувствую... Вот сейчас почувствовал, что доктор залез своими железьяками куда-то поглубже. Но не больно. Что-то звякнуло в кювету, а на рану снова перекись.

А потом меня зашивали. И спереди и сзади, где теперь есть новое отверстие. Звучит похабно, не спорю...

Но как ещё назвать этот процесс? Защито входное отверстие от пули спереди, а потом пара швов на надрез сзади на плече, где Вадим вынимал пулю...

Короче, теперь меня мажут йодом вокруг раны.

Мне почему-то весело. И я ни с того, ни с сего рассказываю старый армейский анекдот про правильное использование йода.

«Приезжает в армейскую часть генерал с проверкой. Всё почти проверил. Заходит в медсанбат. Больных солдатиков построили в шеренгу. И он спрашивает у первого:

— Чем болеешь?

— Геморрой.

— Ну, как же ты так, боец?

— На учениях. Я же водитель.

— И как тебя лечат?

— Ватный тампон. Йодом. И мажут.

— Жалобы есть?

— Никак нет, товарищ генерал!

Подходит генерал ко второму бойцу:

— Чем болеешь?

— Гонорея.

— Ну, как же ты так умудрился?

— На учениях. Разведчик я.

— И как тебя лечат?

— Ватный тампон. Йодом. И мажут.

— Жалобы есть?

— Никак нет, товарищ генерал!

Тогда генерал подходит к третьему:

— Чем болеешь?

А тот хриплым голосом в ответ:

— Ангина...

— Ну, как же ты так?

— На учениях. Пехотинец я...

— Жалобы есть?

— Товарищ генерал! Скажите им, чтобы меня первого мазали!»

Это для меня анекдот старый, а Натан с Вадимом слушали очень внимательно. А теперь вот оба ржут, как те лошади, которых излечил ветеринар. Вадим, так вообще до слёз, всё повторяя:

— Чтобы... Первым мазали...

Я зашит, заклеен, забинтован. Пуля мне вручена на память. Надо потом будет выбросить куда-нибудь подальше.

Мы сидим втроём на кухне и пьём чай с бутербродами. Натан суетится за хозяйку, а Вадим, сидя напротив меня, поглядывает на меня с неподдельным интересом. А потом произносит вслух то, что я давно ждал, но думал про себя, а вдруг обойдётся...

Нет, не обошлось. Вопрос звучит обычно, но предполагает всё-таки хоть какой-то ответ. И я не думаю, что какая-нибудь сказочная ложь удовлетворит человека, который в нарушение всех законов, пришёл к нам на помощь по первому зову, не задавая вопросов... А вот теперь этот вопрос задаётся...

— Ребята! А теперь вы мне расскажете, что произошло? Только имейте в виду, я правду люблю, а от неправды у меня изжога и аллергия.

Мы с Натаном переглядываемся. И это не ускользает от внимания доктора Айболита.

— Послушайте! — голос ветеринара напряжён, ему явно не хочется произносить более резких слов, но холодок в интонациях уже появился... — Я не собираюсь бежать в милицию и сдавать старого друга. Но всё же, я имею право знать, во что вы меня втянули. Не правда ли? Я теперь как бы ваш соучастник. Поэтому колитесь быстро! Что вы натворили? И почему ребёнка из ПээМа подстрелили? А? Чё молчите-то? Давай, Толя! Колись! Куда ты меня втянул?

Да, сейчас он уже не похож на доброго доктора, а больше напоминает пронизательного

папашу Мюллера из сериала про Штирлица. Хотя этот фильм вроде бы ещё не сняли даже...

Понимаю, что врать ему тут бессмысленно. Он сам из меня вынимал пулю. И даже идентифицировал её, как пулю от ПМ. А пистолет Макарова — это штатное оружие ментов и военных. А учитывая, что мы не на войне...

На Натана надежды нет, что он всё правильно расскажет. Придётся мне грамотно объяснить доктору, что мы хорошие, а сам он — молодец.

Собираюсь с мыслями, а потом начинаю говорить. Говорю я долго. За окнами уже темно. Когда у меня пересыхает в горле, а отпиваю глоточек остывшего уже сладкого чая.

А потом... «Шахерезада снова продолжает дозволенные ей речи, и рассказывает она удивительные истории...»

Я начал с конца. Попытался объяснить, за что и почему были наказана банда, состоящая из трёх возможно несовершеннолетних отморожков. Рассказал про усатого мента, который покрывал своего сына. Про капитана, который знал про всё это, но ничего не делал для того, чтобы прекратить эти безобразия. Про то, как побывал в психбольнице, после первой встречи с ними. Поведал про встречу в больничной палате с Александрой, которая тоже не избежала встречи с ними.

А потом мой рассказ продолжился. Вадим от меня узнал про больничные нравы и про медперсонал этого заведения. Про изнасилования и использование препаратов для лишения воли пациентов. Про то, как я, то есть Инга пыталась уйти из больницы, и как при этом погибла Сашка. Молодая, немного глупенькая девушка, которая верила в правду, а наткнулась на циничное издевательство и унижение.

С этого момента повествование плавно перешло на интернат и происхождение шрамов на моём теле. Ведь во время операции на моём плече, я был (была) по пояс голый (голая). Вадим видел прекрасно все мои шрамы и на животе, и на спине.

Когда я подробно рассказывал про избиение и изнасилование на чердаке, а потом и скидывание меня с крыши, Вадима уже изрядно потряхивало. Ему бы сейчас не чая, а чего покрепче...

Что там ветеринары предпочитают? Вряд ли дорогой марочный коньяк. Скорее всего просто разведённый медицинский спирт.

А я продолжал. Рассказал, как очнулся на дереве, проткнутый толстой веткой, как бабочка булавкой. И потом, как в больнице у меня удалили все повреждённые органы. Хотя как врач, он уже мог примерно догадаться о нанесённых этому телу травмах. Но я добавил и окончательный диагноз, что Инга больше никогда не сможет иметь детей.

Небольшую паузу, возникшую в моём разговоре, заполнил Натан. Они с Вадимом общались редко, и доктор просто был не в курсе событий последнего года.

Собравшись с мыслями, Натан рассказал Вадиму историю, что приключилась с его семьёй. Жёстко рассказывал, с жестокими подробностями. При этом у него снова текли слёзы. Он, наверное, более эмоциональный человек, чем я. Ведь я давно уже вместо слёз, стараюсь сжать кулаки и нанести ответный удар.

Когда Натан закончил, то уже мне пришлось добавить, что и этих злодеев мы наказали... И тоже подробно рассказал как мы их вычислили, как следили, и как удалось их наказать.

Автоматически история проникновения в квартиру потребовала объяснений, почему нам так просто удалось это сделать. Это повлекло за собой рассказ о том, чья это квартира была несколько лет назад. И всё закончилось историей гибели родителей Инги и попадание

девочки в интернат.

Ну а потом мы все долго молчали. Очень долго... Уже и весь чай был допит, и чайник давно остыл... А мы всё молчали.

Прервал молчание добрый доктор Айболит:

— Ребята! А возьмите меня в свою банду!

Натан отвечает ему довольно резко:

— У нас не банда...

А я добавляю:

— У нас скорее команда, как в книжке Гайдара про Тимура... — усмехаюсь придуманному каламбуру: — Натан и его команда!

Врач мой шутливый тон не поддерживает, и очень серьёзным голосом произносит:

— Я всё обдумал. И очень прошу... Примите меня в свою команду! Я же всё-таки доктор... Вы не пожалеете...

Интерлюдия 1

Водитель грузовика. Коля.

Николай Филюшкин очень расстроился, когда вернувшись на то место, где он оставил растерянного лоха рядом с заглушим «Запорожцем». А он так понадеялся уже на неплохой приработок, который просто так вот валялся на дороге.

Нет, поначалу он как истинный водитель остановился, чтобы помочь бедолаге. Но при этом думал про себя, как обычно бурча, что дескать мол: «Понакупят машин! И откуда у людей только деньги на это?».

А подъехав поближе и разглядев водителя, так вообще выпал в осадок... «У-у, жидовская морда, да ещё и в шляпе...»

Коля не любил интеллигентов за то, что они в отличие от него не вымазаны в масле с утра до ночи и не пахнут всеми оттенками ароматов нефтяной промышленности, от бензина до соляры. А всех евреев оптом он просто не любил за то, что они умеют жить лучше него и при этом не попадаться. Вот такая юдофобия на бытовом уровне шуйского разлива...

Николай, с детства откликающийся на кличку «Филя», уже попадался и не раз. По малолетке, отсидел за кражу всего ничего, один год. Сел по глупости, да и срок мог получить меньше, но ему добавили за то, что он использовал лом в качестве «технического средства» для совершения кражи.

Освободившись, он долгое время пытался не встречать больше в неприятности, но подвели его водка и кореша. Вернувшиеся после отсидки дружки, соблазнили его лёгкой наживой и стопроцентно чистым делом.

Но видимо фортуна в тот день снова была не на их стороне. Попались все вместе.

На этот раз Колян уже получил три года. С тех пор он зарёкся иметь дело со своими блатными корешами. Но от неумеренного употребления алкоголя отказаться не догадался.

Худо-бедно, но вот уже лет десять ходил на воле, работал шофёром... Ну, приворовывал по чуть-чуть. Кто же без греха? Да все воруют...

Но теперь действовал Коля уже с оглядкой и осторожно.

Когда он подошёл к машине с открытым моторным отсеком, то почти сразу заметил соскочивший с катушки зажигания провод. Делов-то на полсекунды. Но Коля решил «нагреть» важного еврея в шляпе. Даже принёс свои гаечные ключи и быстренько разобрал воздуховод, сняв воздушный фильтр. Для этого не было никакой необходимости. Но теперь поломка выглядела для начинающего владельца маленькой машинки более значительной.

Коля даже решил ещё больше нагнать страху на явно богатого еврея, чтобы потом потребовать с него плату за ремонт. Он пояснил, что с мотором проблемы и надо привести опытного мастера. А уж вдвоём с мотористом они постараются до вечера починить автомобиль.

И этот лох поверил ему. Коля решил по-быстрому метнуться за своим корешем. То, что придётся поделиться Коля не переживал. Он надеялся содрать с проезжего неопытного автолюбителя так много, чтобы и на двоих получилось прилично...

Но вернувшись со своим постоянным собутыльником, тоже ранее судимым, механиком из гаража автобазы, они не застали «Запорожец» на месте.

Наверное, кто-то ещё из проезжающих мимо остановился и сразу разобравшись, выручил глупого еврея. Слишком долго он уговаривал механика, а тот всё торговался.

На всякий случай немного проехали в сторону Коврова. Ведь именно в том направлении стоял как бы сломанный «Запорожец». Но ни через десять минут, ни через двадцать километров, не обнаружили исчезнувшей автомашины.

По дороге обратно Коля матерился от души. Он ругал своего приятеля за нерасторопность, дорогу за ямки и кочки, а также всех евреев СССР. А евреев то за что? Коля считал, что всегда есть за что...

Время было к обеду, и напарник предложил съехать к реке. Купаться рановато ещё, хотя солнышко уже по-летнему печёт, но умыться, да помыть испачканные руки можно и в холодной воде. Удобный съезд к реке был по дороге к Шуе, туда они и свернули.

Открывшаяся им картина на противоположном берегу впечатляла. Несколько человек в разных позах валялись вокруг едва дымящего костерка.

А двое из них так и вообще менты. Один с окровавленной башкой в коляске мотоцикла, а другой рядом, раскинув ноги валялся на траве.

— Коля! Надо ментам сообщить!

— Да ты чё! Нас же потом ещё и пристегнут к этому делу. Сваливать надо, да побыстрее...

— А чего они там?

— А хрен их знает. Может, не поделили чего. Это Ванюшинский мотоцикл, а он тот ещё козёл. И Гришка его. Как есть бандит.

— А там вроде и Гришка валяется у костра.

— Да? Точно, он...

— Слышь! А может мы успеем по-тихому пошмонать их. Если все жмурики, то там будет чем поживиться.

— Ты охренел!

— А чё? Щас быстренько через речку метнусь. А потом обратно. С того на этот берег.

— А если следы оставишь?

— Да потом опосля реки, какие нах следы? Ты чё? Я в кино видел. Немцы с собаками, а он от них через реку. Собаки и отстали. Хы...

— Давай. По быстрому. Я тут покараулю.

— Хитрый, да? Ты тут будешь загорать, а я там мараться. Давай со мной! Или валим отсюда на хрен.

— А, давай.

Раздевшись до трусов, они переплыли на тот берег. Картина та ещё. Пара татуированных доходяг в трусах шмонают дохлых ментов.

Навар и правда был неплохой. Каждому по тридцатке как минимум прилипало. А Коля решил ещё и оба ПМ прихватить с запасными патронами.

— Я знаю, кому их сбыть. И не в Шуе, а подальше. Чистое дело.

— Не бери! Залетишь с ними, пришьют мокруху. Стволы то мокрые. А за ментов дадут вышку не иначе.

Но умных советов мало кто слушает, а ещё меньше им следуют. Собрав с трупов всё, что можно было, даже золотое обручальное кольцо с пальца капитана, бывшие сидельцы переправились на другую сторону реки. Отжав трусы, оделись. Да и поехали в снова в

сторону Коврова сбывать пистолеты.

Там же их и повязали. Но уже после того, как они приняли на грудь купленного у местного барыги самогона. Их невнятные отговорки, что они дескать никого не убивали, на ментов не действовали. Избитые, и по быстрому допрошенные, к вечеру они уже сидели по разным камерам в местном отделе.

За своих менты всегда лютуют, а тут такое громкое дело. И двое ранее судимых рецидивистов, уже через сутки сами на два голоса валили друг друга, пытаясь обелить себя. Но светило им обоим по самое не могу...

А про еврея с голубым «Запорожцем» Николай Филюшкин даже и не вспоминал. А он-то тут причём. Его же там у реки не было...

Печальная история...

Нравоучительная.

Правдивая...

Глава четвёртая

Желание Вадима войти в нашу команду было настолько неожиданным, что мы с Натаном почти одновременно дали своё согласие. Хотя я ещё пытался объяснить доктору, что в планах у нас много не слишком законных акций. А скорее всего слишком незаконных.

В общем, я посоветовал Вадиму ещё подумать на эту тему. Ведь по большому счёту что мне, что Натану нечего терять в этой жизни, кроме самой жизни. Ни у него, ни у меня уже нет живых родителей. Нет семьи, которая может быть тем самым якорем, который и держит нас в этой жизни, удерживая от рискованных и необдуманных поступков. И к тому же мы уже переступили ту черту, которая отделяет законопослушного человека от преступника. На нас кровь. Хотя и кровь тех, кого стоило убить. Но с точки зрения советского правосудия — это совсем не так...

На что наш добрый доктор ответил, что его тоже ничего не удерживает. С женой он развёлся. Причём это не она ушла от него, а он от неё. Потому что её мама...

Далее следовал очень длинный и скучный рассказ о том, как еврейская мама промыла дочке мозг, что она выбрала не того... что ветеринар, который всего себя отдаёт работе, не лучший кандидат в мужья. И так далее...

Рассказ Вадима реально утомил. Единственно, что я из него понял, что жил он тогда в общежитии. Так что уйдя от жены, он вынужден был уйти из дома. Так как дом тоже принадлежал той самой маме, которая невзлюбила ветеринара. Теперь-то у него есть своя однушка, примерно в таком же как и у нас пятиэтажном доме.

Но эта хрущёба не идёт ни в какое сравнение с генеральской трёхкомнатной квартирой бывшей жены в сталинском доме на набережной реки Москвы...

Я так понял, что в жизни Вадима не осталось почти ничего романтического. Работа, работа... и работа. Может поэтому он так загорелся присоединиться к таким интересным ребятам, которые рискуют своей жизнью буквально на каждом шагу. Но при этом занимаются делом достойным и благородным.

Тут я с ним бы поспорил, но была уже поздняя ночь...

Ну, как поздняя? По меркам этого времени, конечно. Полпервого ночи. Так что я спорить не стал, а Айболит поспешил на метро.

Конечно, Натан мог бы его отвезти. Но доверять свою жизнь начинающему автомобилисту — это риск абсолютно бессмысленный. Опыт ночного вождения у опытного музыканта был ноль с большим жирным минусом.

А я уже клевал носом. И это было так заметно со стороны, что никто не протестовал, когда я не прощаясь с тёплой компанией, дополз до комнаты и выпал в осадок на диване.

Подсознательно ожидая продолжения сна про космические приключения Малыша, я даже настроился на сон.

Но увы... В эту ночь мне больше ничего не снилось. Чёрное ничто просто поглотило меня и утащило в свою бесконечную глубину...

Утром я проснулся с сильной головной болью. Видимо упал градус адреналина вчерашнего дня, и мой организм вдруг внезапно понял, что ему хреново.

Натан где-то откопал градусник. Оказалось, что у меня температура поднялась. Рука в

районе плеча зудела и ныла. Голове было больно со всех сторон. Возникло ощущение, что на глаза что-то давит изнутри.

Короче... Я заболел. Может и правда занёс какую-то инфекцию, когда промывал рану в ручье. Может из-за потери крови ослабленный организм стал более доступен для вирусов и бактерий, летающих в воздухе. Кто ж его знает. Я не доктор.

И, кстати, о докторах. Вадим пообещал вечером заскочить. Думаю, что до вечера я не умру. Меня напоили горячим чаем. И снова слабость меня унесла в глубокий сон без сновидений...

Спал я почти до вечера. Визит нашего доктора в первую очередь меня и разбудил. Я был осмотрен и перебинтован. Мои опасения по поводу инфекции в ране, он немного нивелировал. Сказал, что после ранения и последующей операции такое вполне нормально. Снова вколол мне антибиотика, и порекомендовал побольше разной жидкости пропускать через организм. Бульон или чай. Я с ним в принципе согласен. Но чай меня уже достал, а до бульона у Натана руки ещё не дошли. Завтра сам сделаю.

Кстати, только сейчас обнаружил в квартире новый элемент мебели. В уголке напротив дивана стоял телевизор. Смешной такой на тонких ножках. Видимо пока я спал, Натан решил таким образом порадовать больного.

Буду теперь приобщаться к шедеврам советского телевидения. Хотя как я помню ещё из прошлой жизни, программ даже в Москве было мало.

И к тому же трансляция не велась круглосуточно. И днём были большие пробелы. Ибо не фиг. Все на работе, а им тут телевизор подавай. Да и ночью тоже ничего по телеку не крутили. Ибо не фиг. Спать надо, чтобы с утра на работу. Все удобства для рабочего человека.

Шучу, конечно.

Скорее всего, это сарказм такой из меня прёт на нервной почве. Видимо перенапряжение прошедших дней вызвало откат. Ничего особо делать не хочется. Думать не хочется. Ничего не хочется...

Спать не хочется... Или хочется?...

Не, хватит... Выспался днём уже. А что там на календаре? Какое сегодня число? Пятница. Двадцать второе мая. Завтра суббота... Скоро лето.

Натан с Вадимом на кухне пьют чай и о чём-то болтают. У них был большой перерыв в общении. Видимо друзьям есть о чём поговорить.

Помню такую народную примету. Если нападает икота, значит, кто-то тебя вспоминает. Вроде бы мне не икается. Следовательно, они не меня обсуждают. Ну и ладно...

Надо бы, пока я валяюсь без дела, набросать небольшой план на ближайшее будущее.

Итак. Что мы имеем?

Знание о событиях этого года, которые можно предотвратить или предупредить:

Землетрясение в Перу. 31.05.1970.

Погибнет порядка пятидесяти тысяч человек. Деталей не помню. Какие районы попали под толчок, а какие нет. Тоже не помню.

Могу ли я чем-то помочь?

Однозначно нет.

Кому сообщать? Нашим? Сначала никто не поверит, а потом спросят: А откуда ты знал? А как и кому сообщать в Перу? Бесполезно. Даже не стоит с этим связываться. И людей не

спасу и сам подставляюсь.

Ленинградское самолётное дело. 15.06.1970

Неудачный угон самолёта. Когда двенадцать человек, в основном еврейской национальности были задержаны за попытку угнать самолёт в Швецию. Двоих потом расстреляли, остальных очень надолго посадили. После этого отношение к евреям в СССР ухудшилось очень сильно, а весь мир клеймил Советское правительство тиранами и так далее.

Можно ли предотвратить?

Однозначно. Нет.

Пробегала такая информация, что КГБ якобы заранее ещё с апреля был в курсе этой попытки и всех телодвижений этой группы. А потом всех просто поджидали на взлётном поле, чтобы эффектно арестовать и осудить. Видимо стуканул кто-то чекистам. А может и не один стукач там был. КГБ умело работать в те времена. Агентов КГБ не было разве что в самой младшей группе детского сада... Да и то, скорее всего воспитательница точно знала, у кого где родители работают, и у кого из детей колготки импортные.

А про самолёт можно сказать лишь одно: Слишком много народу знало о подготовке этого угона. Поэтому и провалилось всё так с треском.

Эпидемия холеры. Примерно с середины июля по конец сентября.

Началось, кажется в Батуми. В начале августа вспышка в Одессе. Потом Крым, немного Новороссийск и Кубань. И наконец, в Астрахани, где число заболевших в десять раз больше чем в Одессе.

Можно ли предотвратить?

Нет.

Очагов заражения было много по всему побережью. Можно лишь предупредить аккуратно родственников жены Натана. Только так, чтобы панику не нагонять. И не попасть на карандаш к чекистам.

А то потом скажут, что Натан знал заранее, и может быть, сам причастен к распространению эпидемии.

Бред? Но ведь могут придраться: «А откуда вы гражданин Левин про эпидемию знали?» Так, что просто надо найти повод, чтобы родственников как-то удалить из зоны заражения под благовидным предлогом. Ну и всё, в общем-то. Всё что могу.

Угон самолёта Ан-24 в Турцию. 15.10.1970.

Очень известная и шумевшая история. Первый удавшийся угон самолёта в СССР получивший самую широкую огласку. Литовцы Бразинскасы — отец и сын.

Убили стюардессу Надю Курченко. Серьёзно пострадали пилоты. Приземлили самолёт в Турции. Сами потом попали в Штаты. А самолёт, экипаж с пассажирами и тело погибшей Нади турки потом вернули в Союз.

Могу ли я предотвратить это?

В принципе, могу.

Если перехватить литовцев перед посадкой, перестрелять их, то они никого не убьют и не ранят из экипажа и пассажиров.

А где перехватить бандитов?

Надо напрягать память. Вспоминать подробности. Я же ведь много читал про это. Даже фильм видел. И документальный, и художественный.

Девушку Надю очень жалко. Девятнадцать лет. Замуж собиралась выйти через месяц, кажется.

Она, конечно, поступила и погибла геройски.

Но пусть лучше останется в живых такая хорошая и героическая девушка, а сдохнут беспринципные подонки.

Если мне память не изменяет, у них оружия было на двоих полно. Пистолет или два пистолета, обрез ружья и гранаты.

Вот тебе и безопасность авиаперелётов.

Что и я так могу летать? С наганом за пазухой и автоматом в сумке?

Может к ним в самолёт сесть и там их обоих мочкануть?

Тогда и меня запишут в террористы.

А мне это надо? Не-а... Не надо.

Значит надо выходить на их след и валить их до попадания в аэропорт. Как их вычислить?

Самолёт вылетал из Батуми, а летел в Сухуми. Они приехали на поезде, кажется... Или прилетели. А откуда? Из Литвы. Это Вильнюс. Надо будет узнать какие рейсы и как регулярно летают из Вильнюса. Есть ли прямой рейс в Батуми.

А если они летели, то почему не захватили тот самолёт, на котором летели из Вильнюса? Или у них тогда ещё не было оружия?

Да нет. Вроде бы оружие он как раз в Литве и нашёл. И ещё... Денег у него было штук пять зелёнью. Ну, в смысле больше пяти тысяч долларов США.

Так. Думай! Вспоминай!

Пранас Бразинкас, а сынок его... Альгис. Альгирдас... Сыну лет пятнадцать. Папаше лет сорок пять. И вроде бы он был в парадной форме офицера Советской армии. Звание — не помню. Но если судить по возрасту. То как минимум майор или подполковник.

Хотя могут быть варианты от капитана до кого угодно. Какой достал мундир, такой и надел...

Ну и как его ловить?

Ладно. До осени ещё время есть. Надо собрать побольше информации по самолётам и прочим деталям. Изучить местность перед аэропортом в Батуми. Как и на чём туда приезжают? С какой стороны заходят? Как происходит регистрация, посадка и т. д.?

А потом, что? Мочить всех офицеров, кто с сыном подростком идёт в самолёт? А если таких будет много? Незадача...

Как говорила одна шибко умная героиня шибко известного американского фильма: «Я подумаю об этом позже...»

Кстати, там ещё два гопника примерно через пару недель снова угнали самолёт. И снова в Турцию. Но это был четырёхместный самолёт. Никого не убили, и их потом обратно вывезли на Родину. А потом здесь уже посадили. Но, главное — они никого не убили. Хотя вроде бы ранили. Не помню...

Спортлото. Первый тираж. 20.10.1970.

А вот тут можно бабосиков поднять. Хотя их и так пока хватает.

Но не буду повторяться, что нам нужно для войны. Деньги, деньги и ещё раз деньги...

Лишними не будут. А тем более такой шанс легализовать крупные траты, если возникнут.

Вот я не знаю номера второго и какого другого тиража. А вот первый почему-то запомнил. Хоть ночью разбуди и спроси. Отвечу даже пьяный: «17.18.23.24.30.44.» Просто как-то раз запомнил, теперь не сотрёшь.

Спросите почему: А всё просто. Как-то раз читал в интернете про первый тираж «Спортлото — 6х49».

Цифры понравились. Использовал в качестве пароля в одной...

Ну, не важно где...

Приходилось по несколько раз в день эти цифирьки набирать. Запомнил. Это как номер городского домашнего телефона, который с детства помню наизусть. Уже и номер поменялся, и количество цифр прибавилось, а старый номер помню.

Вот этим можно воспользоваться. Допустим даже не самому, а вот, например Натану или Вадиму.

И снова это можно отложить до осени.

А ещё я не забыл, что хотел почистить мир от маньяков. Как минимум нескольких из них в аду уже заждались. От долгих размышлений глаза снова слипаются. Тянет в сон... Но мысли прыгают как кузнечики в траве...

Так...

Что же ещё?

Что ещё?

Всё время в голове вертится, что-то, но никак не сходится одна мысль с другой...

Голова тяжелеет. Глаза закрываются. Тёмная ночь забирает меня в свои объятия. Может сон приснится?...

Но нет... чёрное и тягучее ничто... До самого утра.

Просыпаюсь с первыми лучами солнца. Ну, ещё бы. Светят прямо в глаза. А в голове, как отзвук эха вчерашних мыслей, зудит какая-то муха...

Что-то не так?

Но что?

Оба-на... А где Инга?

Я с ней последний раз общался...

Когда я общался с ней в последний раз? Когда?

Да, блин, уже забыл когда...

— Инга! Приём! Ты где? Ау-у-у!

— Нам от них не оторваться.

— И что же делать?

— Может снова использовать малый спасательный бот?

— Там места только на двоих.

— Малыш занимает меньше места, чем спасательный комплект для выживания на планетах с низким уровнем развития.

— Но в комплектации бота два комплекта. обойдёмся одним.

— Ближайшая планета пригодная для жизни всего лишь номерная.

— Почему?

— Её ещё не исследовали до конца. Просто с орбиты взяли пробы атмосферного воздуха.

— Откуда ты знаешь?

— Это была наша экспедиция. И это была моя команда. Мы тогда просто мимо пролетали. Совершенно случайно обнаружили планету. Просканировали. Всё, как на Земле. Даже лучше. Воздух чище. В пробах не обнаружили ни одного загрязнителя техногенного происхождения. Органики — сколько угодно. Летает, плавает, бежит и прыгает. Леса, моря, реки. Материк один. Но много крупных островов, в основном вулканического происхождения. Следов техногенного воздействия на природу поверхностным сканированием не выявлено. Служба имперской безопасности засекретила данные полученные нами. Это резервная планета. Предназначение для последующего заселения. Но пока информация закрыта. Там семь нулей секретности. Доступ только высшему командованию.

— А ты?

— Ну, если ты не забыла, то я единственный, кто остался из нашей команды.

— Случайно, не с этим ли связано то, как и почему погибли наши дети?

— Не знаю. Я — воин. Интриги — это по твоей части. Ты же у нас...

— Тс-с-с! Не надо вслух! Лишняя информация малышу не нужна. Это у тебя гипноблок такой, что ты скорее взорвёшься как сверхновая, чем скажешь лишнее слово. А у него только первый контур стоит.

— Он спит.

— Он-то спит. А та девочка, которая с ним в ментальном симбиозе?

— Какая девочка?

— Старый ты пень! Ты всё пропустил. Видишь лишь то, что на поверхности.

— И что я пропустил?

— Ментальное подселение.

— Тхэтты?

— Не-е... Люди. Земляне. Неинициированные. Взрослый мужчина. Воин, как и ты. Хороший воин, для своего уровня. Только уровень его примерно века двадцатого. И девочка, не на много старше нашего внука, но с интересным потенциалом.

— Но как?

— Они сами не знают. Технология ментального замещения или подселения, это

изобрели гораздо позже. Лет через пятьсот после их времени.

— И кто их тогда подселил? Почему сразу двое?

— Я только начала разбираться. Но сейчас только девчонка. Воин снова исчез. Мне тоже непонятно, как они это делают. А может и не они. Но я не нашла ментального отпечатка того, кто это мог сделать. Такое ощущение, что это какая-то чужая технология.

— Тхэтты?

— Да, что ты заладил. Тхэтты, тхэтты... У зелёных такой технологии нет. Иначе бы мы давно вымерли.

— И что девчонка?

— Подслушивает. Только она языков не знает. Ни имперского, ни какого другого, кроме родного. А на её наречии уже пару тысяч лет никто не общается. Это один из мёртвых земных языков эпохи начала покорения космоса. Русский.

— Это ты Малыша усыпила?

— Да. Пусть пока отдохнёт.

— Тогда что она подслушивает, если ничего не понимает?

— Я же сказала, что у неё интересный потенциал. Она — эмпат. Ещё слабый пока, но прогрессирует довольно быстро.

— Мы можем её... их устранить?

— Только вместе с носителем. А он наш единственный наследник. Причём наследник сразу двух правящих кланов. К тому же он уже адаптировался в общении с ними. Вспомни, какой у него был скачок в развитии.

— Да, я уж думал, что повреждения мозга настолько критичны, что он больше никогда не выйдет из состояния овоща. А потом...

— Именно тогда они и появились. Похоже, что ангелы-хранители — это правильное название для них.

— Звание, название... — бурчит дед. — Что дальше делать будем?

— Приземлимся, устроимся... А там поглядим.

Блин горелый... О чём щебечут эти двое? Что за птичий язык? И почему малыш никак не просыпается? Бужу его, бужу. Всё без толку. И куда Сашка подевался? Когда нужен, всегда чем-то занят. Опять нашёл злодеев и устраняет их?

Хм. Странно. Я так привыкла, что он всё время рядом. Даже как-то одиноко. Давно такого не было. И малыш спит. Это бабка его заколдовала. Я давно заметила, что она что-то подозревает. Малыш нас не выдал. Точно знаю. Наверное, она точно ведьма. Но мы же вроде бы ничего плохого не планировали. Ни против малыша. Ни против них. Эх, пообщаться бы. Где же Саша?

— Саша-а-а! Ты где? Ау-у!

— Она пытается выйти с ним на связь...

— С кем?

— С тем, вторым. Который воин.

— И что?

— Пока безуспешно. Кажется, что-то произошло. Она беспокоится. Но угрозы от неё не исходит. Ни к Малышу, ни к нам. Кажется, она даже хочет с нами пообщаться. Только это невозможно без участия внука.

— Он, что, знает их язык.

— Нет. Там внутри, они общаются на другом уровне. Там язык практически не нужен.

— А это не связано с той его травмой. Помнишь, когда мы его нашли, он нас не понимал. Хотя до этого у него были в памяти все языки империи.

— Это и навело меня на мысль, что возможно была повреждена какая-то часть мозга. Я стала его исследовать. Часть мозга действительно была подвержена облучению. Его личности какое-то время просто не существовало. Из-за этого и могло произойти подселение. Но потом произошёл всплеск энергии, и в короткие сроки произошла регенерация повреждённых участков.

— Но это ещё наш внук? Или уже кто-то другой.

— Наш, наш. Не беспокойся. Просто теперь у него, как в старой легенде? На одном плече ангел, а на другом...

— Дьявол?

— Нет. Всего лишь второй ангел-хранитель...

— Ты все старые легенды помнишь. Их уже даже дети в школах не учат. Да и школ давно нет. Всё через мнемoproграммы.

— Вот поэтому никто ничего и не знает. Потому что кому-то было выгодно удалять знания из мнемодисков.

— Лишние знания...

— Да. лишние... Как вот например знание про эту планету. Способную решить проблему перенаселения обжитых планет империи.

— Чтобы загадать ещё один уголок первозданной природы?

— В легендах это называется — рай.

— Это планета — рай?

— Нет. В раю обитал главный демиург. Создатель всего и вся...

— А здесь тогда что?

— Просто планета-заповедник.

— Ладно. Сейчас не это главное. Занимаем спасательный бот. Берём максимум полезного груза. Программируем шаттл на гиперпрыжок с последующей аннигиляцией посередине прыжка. В результате не останется никаких координат нашего маршрута.

— Да. Только почему-то нас опять находят. Снова и снова... Похоже, что врагам помогает кто-то из наших «друзей».

— Инга-а-а!

— Ну чего ты кричишь? Я уже здесь.

— Ты почему так долго не откликнулась?

— Между прочим, я тоже тебя звала. И ты, кстати, тоже ничего не отвечал очень долго. Даже Малыш стал беспокоиться о тебе. А потом его бабка усыпила. На них опять тхэтты напали.

— Что? Ты о чём?

— А ты что забыл? Малыш. Космос.

— Инга! С тобой всё в порядке? Это же сон был...

— Какой на фиг сон? Саша! Ты так ничего и не понял...

— А что я должен был понять?

— Ой... Ну как тебе сказать? Вот смотри! Меня скидывают с крыши, а потом во мне

уже ты сидишь и даже мною командуешь...

— Но тебя тогда не было...

— Правильно... Так вот... После взрыва космического корабля. Раненый мальчик летит куда-то далеко-далеко...

— Ты что. Хочешь сказать, что это был не сон?

— А что это тогда было?

— Но это же невозможно. Космос. Далёкое будущее. Инопланетяне...

— Хочешь сказать, что это фантастика?

— Ну... как бы да...

— Ага. А то, что ты тут у меня в голове торчишь день и ночь, а сам там где-то в будущем...

— Но это же...

— Что? Другое, да?

— Блин. Ты меня совсем запутала.

— Ты ещё спроси, почему последние несколько дней я была там, с малышом, а тебя с нами не было.

— Почему?

— А я не знаю. Я только знаю, что меня не было с тобой, а тебя не было со мной. И я не сидела глубоко спрятавшись. Мы там с Малышом общались. А тебя с нами не было.

— Получается, что и тут я был один?

— Выходит что так.

— Всё. Больше ни грамма лишнего. Иначе мы не сможем двигаться и шевелиться.

— Но ты умудрился всё-таки запихнуть второй спасательный комплект.

— На всякий случай. Потерпим немного. Я уже включил автопилот на шаттле. Старт нашего бота через пять, четыре, три...

— А девочка нас покинула.

— Тем лучше.

— Это не насовсем...

— Старт!

Легкая вибрация. Резкий рывок. Сильное давление вжимает в два кресла два с половиной тела.

Туша большого корабля исчезает в огненном кольце схлопывающегося следа от гиперпрыжка. А маленькая серебристая рыбка спасательного бота летит по дуге к синезелёной планете. Место посадки, корабельный ИскИн рассчитал заранее. Совсем небольшая ровная площадка среди абсолютно непроходимых джунглей материка.

На подлёте бот включил на время посадочные двигатели, и почти вертикально приземлился на вполне ровной полянке, покрытой всего лишь густой травой...

Выключились двигатели. Стало тихо. Минидроны быстро-быстро перемещаясь по спирали, опутали кроны ближайших деревьев маскировочной сетью из тонких нитей. Через несколько минут сверху возник полупрозрачный купол, через который не было видно ничего постороннего среди раскинувшейся зелени леса.

Тепловизоры тоже вряд ли помогли бы. Сеть излучала лёгкое поле естественного фона. Что творится под этим временным куполом, остаётся под этим куполом...

Глава шестая

— Инга! Ты понимаешь что случилось?

— А что такого?

— Если ты покидала меня... Ну, то есть не меня, а своё тело... Если я тут оставался один, то это значит, что и я смогу переместиться. А значит, твоё тело будет только твоим.

— Как говорит наш друг Натан: Ну и какой у меня с этого будет гешефт?

— Ну, как... Ты — это ты. Будешь жить дальше...

— После того, что ты со мной сделал?

— Инга! Ты чего такого говоришь? Чего такое я с тобой сделал?

— Ты показал мне, что жить можно так ярко, а ощущения получать такие острые...

— Ага. И можно получить пулю...

— И найти нового друга...

— Сесть в тюрьму за самосуд над злодеями...

— И найти там новые приключения...

— На свою задницу...

— А почему сразу тюрьма?

— Потому что по грани ходим, Инга. Потому что в любом государстве законы выше, чем обычная справедливость на бытовом уровне.

— Но мы же наказываем зло.

— А кто нам дал такое право?

— У... Я не знаю...

— Никто не давал. Просто так сложилось изначально.

— А ты уверена, что и менты, и чекисты тоже считают, что это нормально, когда кто-то мочит людей направо и налево.

— Но они же были...

— Да! Подонками, мразями, убийцами... Но по закону, это надо ещё доказать, чтобы потом наказать.

— Ну и в жопу такие законы!

— Фу... Мадемуазель, что за mauvais ton?[1] There's no need to use bad language in these discussions here! Please, don't use bad language in my company![2]

— Это ты что сейчас начирикал?

— Это ты чирикаешь, meine kleine Sperling![3]

— А сейчас ты на каком языке говоришь?

— Инга! А неплохо бы тебе заняться языками. Я думаю, что в жизни очень пригодится.

— И на каком языке ты сейчас произносил всю эту белиберду?

— Сначала немного на французском, потом по-английски чирикал, а воробышком тебя назвал на немецком.

— Полиглот, блин.

— Чего и вам желаю!

— Думаешь, у меня получится?

— А почему нет? Времени у нас есть пока вагон и маленькая тележка. Мы же сейчас отдыхаем от ранения. Но даже от отдыха можно смертельно устать. Поэтому от отдыха тоже

надо немного отдыхать.

— И как ты себе это представляешь. Я что в школу пойду?

— Не обязательно. Найдём репетитора. Денег у нас, как у дурака фантиков. Пока...

— Сюда будем приводить репетитора?

— Не обязательно. Можно и к учителю ездить на занятия.

— А не опасно из дома выходить. Не лучше ли пока отсидеться.

— Волков бояться — в хате гадить...

— Ну, у тебя и поговорки...

— С кем поведёшься... Так тебе и надо!

Если задуматься, то кем я был там, в своей жизни? Несмотря на насыщенную приключениями и злоключениями жизнь, всего лишь ещё один стареющий мужчина на склоне лет...

Когда-то в далёкой безоблачной и беззаботной юности, когда ещё и в помине не было соцсетей, да и компьютеры был величиной с маленький спортивный зал. Тогда у наших девочек из класса были такие блокнотики с анкетами. Много разных вопросиков с подвохом, и просто наивных.

Однажды попался такой вопрос: Как бы ты хотел умереть?

Не раздумывая ни секунды, ответил: В бою!

Уже потом лет через несколько, за речкой... Я уже не был уверен, что хочу погибнуть в бою. Именно там я впервые задумался о существовании чего-то свыше. В окопах, как известно, атеистов нет. Но те бои остались в моём прошлом. Я прошёл через тот, первый бой. А потом ещё много было всего в жизни. Понял я лишь одно, что выживать мне нравится, а умирать нет.

И вот теперь, когда я в очередной раз выжил... Хоть и в таком слегка усечённом виде. В виде души подселенца в чужое тело. Ну и что? Что-то изменилось? Ну, да. Изменилось... Но Я по-прежнему чувствую себя живым и способным снова идти в бой!

На самом деле, я в принципе — мизантроп. Я не особо люблю общество людей. Не со всеми в компании мне комфортно. Я скорее нелюдим, чем восторженный идиот стремящийся пообщаться со всеми людьми сразу. Я не страдаю, но и не наслаждаюсь человеконенавистничеством. И я не мрачный маньяк, желающий постоянно причинять боль кому-то, или убивать направо и налево себе подобных.

Да. Не спорю и спорить не буду. Я — убийца. На мне жмуриков, как блох на дворняжке. Но у меня видимо ещё не прошла детская болезнь — юношеский максимализм. Я до сих пор ещё делю мир на чёрное и белое. На добро и на зло.

Тешу себя надеждой, что все убитые мною — были враги. Это было на войне. Там всё просто. Тут свои, там враги. Жизнь после войны оказалась гораздо сложнее. В серых полутонах, трудно отделять зёрна от плевел, а добро от зла. Только не путайте со всякими там пятьюдесятью оттенками серого или какого-нибудь цвета с садисткой сексуальной тематикой. Это кино не про меня. Как сказал один мой знакомый грузин:

— Э! Слюшай! Нэ нада путать мух и катлэт. Он разный!

Вот я и стараюсь не путать. Особенно сейчас, когда появился второй шанс. Шанс не сомневаться в том, что я делаю, а просто делать.

Я не собираюсь менять или спасать от чего бы то ни было этот мир. Но, несмотря на отсутствие конечной цели или глобальной идеи, я буду следовать девизу предков: «Делай,

что должно. И будь, что будет!». Ведь у самурая нет цели. Есть лишь путь.

Блин. Снова меня потянуло на философию... Хотя это скорее демагогия какая-то получается. Пустословие и словесная эквилибристика.

Но ведь все знают, что нет точного определения смысла жизни отдельно взятой человеческой особи. Кто-то пытается учить других, создавая религии и политические партии. Но это и есть самая настоящая демагогия. Затуманить людям мозги с целью выделиться и возглавить. Ну а уж потом жить в своё удовольствие. И под вино, вкушая плесневелый сыр, размышлять о смысле жизни.

Кстати, про сыры с плесенью у меня тоже есть своё мнение. Это же надо так людям промыть мозг, чтобы убедить их, что молочный продукт с плесенью, вкуснее и полезнее, нежели свежий и без вкраплений каких-то разноцветных грибков. Нет уж, на фиг. Жрите сами.

Между прочим, добавлю ещё и про вино пару слов. Эти европейские извращенцы придумали для изготовления вина добавлять плесень *Botrytis cinerea* что в переводе с мёртвой латыни означает «благородная гниль». А другой штамм плесени, так называемую «благородную плесень», используют для изготовления особых видов сыра типа рокфор и камамбер.

Ну и как мне теперь с этими европейцами общаться? Накормят «благородным дерьмом». И ведь не скажешь ведь ничего. У них так принято. А у нас принято про дерьмо говорить, что это дерьмо. Вот такие мы не толерантные люди.

Смысл жизни? Какой смысл может быть у человека, который уже однажды потерял эту самую жизнь? Просто жить и наслаждаться самой жизнью — это уже настоящая роскошь. Но вряд ли кто из нас это до конца понимает.

Одним надо наслаждаться роскошью, и гадить в золотой унитаз.

Другим надо добраться до любой спиртосодержащей жидкости или какого-нибудь дурманящего телу препарата, чтобы потом напившись вусмерть или обдолбавшись наркотой, пускать слюни, пребывая в своей искусственной нирване.

Ну а третьим надо забраться на вершину власти, чтобы повелевать себе подобными, и решать их судьбы.

Помню, Жванецкий как-то хорошо сказал про таких: «Что больше всего хочется человеку залезшему на самый верх? Плюнуть вниз!»

Нет смысла в жизни. И нет точных рецептов, как прожить эту жизнь. Теорий и версий много. И у всех эта теория одна, своя единственная, как и дырка в заднице — тоже у каждого своя.

Но у всех они разные.

Хорошо было индусам. Придумали себе веру про переселение душ.

Правильно Высоцкий пел про реинкарнацию. Кто жил как пёс, тот псом и будет в новой жизни.

Страдания человека в этой жизни — расплата за грехи из прошлой жизни. Чем меньше совершает человек зла, тем лучше будет его жизнь в последующем воплощении.

Что-то не сходится... Я был настолько плохим мальчиком, что меня запихнули прямо сразу в израненное тело девочки, стоящей на грани жизни, а точнее висящей, проткнутой веткой дерева. Может она готовилась стать друидом, а тут я, такой красивый бравый вояка.

— Никаким друидом я не готовилась стать. А кто такие эти друиды?

— Ну, если в двух словах — это древние кельтские жрецы. Они поклонялись священному дереву и приносили ему человеческие жертвы.

— Ясно. Но тогда я не друидом готовилась стать, а жертвой этому дереву.

— Прости, если я вдруг вмешался в твою судьбу. Хочешь, снова залезу на то дерево?

— Дурак! Ты такой... — судя по голосу, она улыбалась.

— Какой такой?

— Большой мальчишка...

— Это плохо?

— Нормально.

— Когда пойдём учиться языкам?

— А как ты себе это представляешь? Я вот знаю языки. Английский — на хорошем разговорном уровне. Немецкий, так... на уровне школьной программы. Французский — несколько расхожих выражений. Если в один прекрасный день мы придём к учителю, то кто из нас будет учиться?

— Я, конечно.

— А где буду я? Спать? Или ты меня дома оставишь? Я же буду тебе мешать. В смысле помогать. Подсказывать. Поправлять. И ты решишь, что уже выучила язык. А на самом деле все останутся при своих.

— А может, ты меня научишь?

— Из меня получится хреновый педагог.

— Это ещё почему?

— Ну вот, например. Ты плохо выучила урок, не стараешься, дерзишь преподавателю...

— Продолжай! Мне уже нравится такое обучение...

— Не перебивай! Вот об этом я и говорю. Ученик плохо себя ведёт. Учителю надо наказать его, чтобы простимулировать обучение. И что я могу сделать? Оставить тело ученика без ужина? Выпороть ремнём его тощую задницу...

— Нормальная у меня задница.

— У меня такая же. Теперь... И что мне свою задницу выпороть и оставить без сладкого. И что получится? Кто и кого наказал?

— Ты такой дурак! Хи... И примеры у тебя дурацкие. Я так и представила. Ты идёшь в ванную, и порежь свою задницу ремнём.

— Твою задницу... Да ну тебя...

— В задницу. — Инга уже хохотала в полный голос. Уже похоже на истерику. Хорошо, что больше наш разговор никто не слышит. Но может разве что увидеть, как сидит такая девочка на диване и улыбается неизвестно чему.

В квартире тихо. Никого нет дома. Если бы кто-то был, я бы услышал. Квартирка то маленькая.

Ну вот. Ключ во входной двери поворачивается. Наверное, Натан из магазина пришёл. Пора и мне вставать. Пойду встречу его. Я вышел в коридор. Входная дверь открылась...

Тот, кто вошёл в квартиру был явно не Натан...

[1] mauvais ton (фр.) — дурной тон

[2] There's no need to use bad language in these discussions here! Please, don't use bad language in my company! (англ.) — Нет необходимости использовать ненормативную лексику в нашем споре! В моём присутствии попрошу не выражаться!

[3] meine kleine Sperling! (нем.) — мой маленький воробышек.

Глава седьмая

Ты откуда взялся такой урод?

Маленького роста, небритый мужичонка, неопределённых лет от роду. Потёртый пиджачок на худеньких плечиках и замасленная кепочка на под ноль стриженной голове. Явно не из числа знакомых Натана, кому бы он доверил свой «ключ от квартиры, где деньги лежат»...

Пялились мы друг на друга недолго. Буквально доли мгновения. Он ещё не успел и глазом моргнуть, как я, скользя по полу босыми ногами, бросаюсь в комнату. Неизвестная мутная личность топаёт вслед за мной. Забывшись, я чуть было не начинаю действовать правой забинтованной рукой. Слава богу, что Вадим не только забинтовал мне плечо, но и соорудил повязку, на которой рука висит, не тревожа рану. Именно эта повязка и не дала мне возможности дёргать правой рукой, и я сразу стал пользоваться левой. Наган у меня лежал под подушкой. Видел я такое в кино про неуловимых мстителей. Решил, что так и надо хранить наганы. Ну и правильно сделал.

Выхватив свою игрушку, любовно почищенную вчера, и вновь заряженную, я наставил наган с глушаком на тело незваного гостя. Но то ли он ничего не боится в этой жизни, то ли он ничего не понял, но тормозить он и не подумал. Выдернул откуда-то нож и бросился на меня.

Я тоже раздумывать не стал. Некогда думать. Нажимать на тугой спуск при невзведённом курке, да ещё и левой рукой, было нелегко. Но я справился. Пуля попала ему в бедро, и он упал, как подрубленный.

Добавив ему рукояткой по затылку, я не добился нужного эффекта, пришлось добавлять. Блин. Как неудобно работать одной левой рукой... Он наконец затих.

Что удивительно, кричать он даже не пытался. Возможно, в его работе лишний шум вреден для здоровья. Ногой отшвырнув нож из его руки, я стоял тяжело дыша...

Метнувшись в коридор, я убедился, что входная дверь захлопнулась. Так что оттуда снова никто без шума не войдёт.

Надо срочно связать это тело и допросить на тему: Какого хрена он сюда вломился?

Блин.

Ну, у меня и видок. На мне из одежды только бинт на плече, трусы на заднице и револьвер в левой руке. Я же только проснулся.

А хорошо, что я проснулся. Главное вовремя.

Где у нас там была верёвка? Ага... Там, где вещи разбирали.

Нет. Эта слишком тонкая. Не пойдёт. А вот эта как надо. Толстая бельевая.

Тяжело с больной рукой вязать чужому телу руки и ноги. Но я справился. Опыт богатый. И в той, и в этой жизни.

— Ты его будешь убивать?

— Не сейчас, Инга! — прозвучало довольно двусмысленно. То ли я от Инги отмахнулся, не став отвечать на вопрос, то ли убивать его буду не сейчас. Хотя и то, и другое подходит. Универсальный получился ответ.

— Я его сначала допрошу. Какого хрена он к нам залез?

— А... Ну тогда не буду мешать.

Перетянув куском верёвки простреленное бедро, чтобы он нам тут всё своей кровью не изгваздал, я волоку тело за шиворот в ванную. Ну не здесь же его допрашивать...

А он не такой уж и тяжёлый. Ростом примерно чуть выше меня, и субтильный, как гимназистка. Самое трудное было перевалить его через бортик в саму ванну. Тут-то он и проснулся.

Угу. Ты попробайся! Подёргайся! Повращай своими свинячьими глазками.

— Чего мычишь-то? А-а... Кляп говорить мешает.

— ...

— Ну ты пока погоди, полежи тут один. А я оденусь слегка... Только не хулигань тут без меня. Сломаешь кран, накажу... Понял? Кивни!

Кивает. Смотрит уже не так зло, а как бы заинтересовано. Прав был знаменитый мафиози: Добрым словом и пистолетом...

Ну а добрым словом и револьвером с глушителем...

Ух ты, сколько можно добра натворить-то. В руках не унесёшь...

Иду одеваться. Блин. Опять в полторы руки. А зачем мне много надевать? Вдруг чем испачкаюсь.

Захожу на кухню и цепляю на шею клеёнчатый фартук. Натан в нём готовит и посуду моет. Кое-как завязываю тесёмки сзади. Прямо как в японском аниме. Жена встречает мужа в нижнем белье, а то и вовсе без него, но в фартуке.

А что? Даже удобно так...

Почему Натан фартуком пользуется?

Стирать не любит? Со стиркой у нас ведь есть большие проблемы...

Стиральные машины нынешней современности — это просто нечто. Но, к сожалению, стиральной машины у нас нет никакой от слова совсем...

А мне нравятся валики для отжима белья. Были бы такие же валики, но не резиновые, а металлические с зубчиками.

М-м... Допрашивать злодеев и злоумышленников бы было в разы удобнее.

Пришлось взять с собой пассатижи.

Не знаю, зачем они у Натана на кухне валялись на подоконнике... Ножницы взял ещё. Тоже сойдут. И маленький ножик кухонный прихватил. Я им картошку чистил, пока мне руку не прострелили.

Ну ладно. Начнём...

Каждая рыба нема и глуха, плескаясь в родимом пруду,

Но, как разговорчива эта уха, попав на сковороду.

Только в воде эта рыба молчит, а на горячей плите,

Сразу, по-русски заговорит: «Старче, чё надобно те?»

Приношу всё в ванную. Положил все предметы на стеклянную полочку возле небольшого зеркала. Там у хозяина квартиры помазок лежит, да бритва...

Смотрю у нашего гостя глазки забегали. Его явно заинтересовали мои железки.

— Тебе чего больше нравится, болезный? — спрашиваю у этого доходяги. — Вот это? — указываю на пассатижи. — Или это? — тыкаю пальчиком в ножницы?

Молчит... Странно. В рот я ему только свои носки затолкал. Вчера не успел бросить в

тазик под стирку.

— Ты чего молчишь-то? Разговаривать со мной не хочешь? — подношу ножницы поближе к его бегающим глазкам, и рычу на полукрике: — Не уважаешь меня, тварь?

Ой! А чего это мы сомлели так?

Чего это его трясёт?

Смотрю, глазки закатил... Ну, щас точно пену изо рта будет пускать.

Я не раз видел таких клоунов. Из старых опытных сидельцев. Чуть, что, так сразу падает и эпилепсию изображает. А я способ знаю. Быстро вылечивает мнимых эпилептиков.

— Болезный! А может тебе яйца на хрен отрезать? На кой они нужны такому эпилептику?

Тыкаю ножницами в район мошонки.

Смотрю. А он чего-то трястись перестал, и снова осмысленность в глазах появилась.

— Ну, чё, муфлон? Будем разговаривать или будем делать тебе больно? Имей в виду, ты всё равно начнёшь со мной разговаривать. Даже если до этого был с детства глухонемым. Но сначала тебе будет больно. Очень больно... А потом будет обидно. Ведь мог бы сразу со мной просто поговорить. Без боли...

Смотрит. Молчит. Ду-умаает о чём-то, наверное. Затем кивает.

— Вот и ладненько. Только имей в виду. Будешь шуметь, я тебя сначала вырублю. А я это хорошо умею. Потом снова заткну тебе пасть. А потом запихну тебе что-нибудь да куда-нибудь. У меня фантазия больная. Я такой выдумщик...

Молчит. Смотрит настороженно.

— Шуметь будешь?

Болтает своей бестолковкой, типа не будет.

— Ну, смотри... — вынимаю у него носочный кляп изо рта.

Дышит. Сопит. Но не вопит. Вот и ладненько...

— Говори чётко, не задавая лишних вопросов! Кто тебя навёл на эту хату?

— Пацан, ты кто?

Удар ножницами плашмя по голове.

— Ты чё, не понял. Вопросы буду задавать я. А ты отвечать. У тебя что, есть лишние пальцы на руках? Или тебе сразу яйца лишние отрезать, чтобы такие как ты больше не размножались.

Смотрю, что он оценил мой спич.

— Повторяю вопрос: Кто тебя навёл на эту хату?

— Парень! Он тебе не по зубам...

Молча втыкаю ему сложенные ножницы почти в то место, куда попал из нагана. Он не кричит. Только чуть рычит, сжав зубы.

— Ты не понял, в натуре? Тебя через канализацию по кусочкам в море будет вода смывать. А кости сожрут свиньи в ближайшей деревне. Тебя никто никогда не найдёт. А ты меня тут кем-то пугаешь...

— Я не пугаю! Не бей! Я расскажу. Но...

— Никаких «но». Начинаем сначала. Кто тебя навёл?

— Павлов. Николай Михайлович.

— Это ты про себя?

— Нет. Я Сеня. Петрыкин моя фамилия.

— А Павлов тогда кто такой?

— Майор. Мент. С уголовки.

— С какого отдела?

— Он... С центрального... На Петровке у него кабинет...

— Ты к нему туда, на Петровку стучать бегаешь?

— Нет. Я там был один раз. А потом он всё время меня вызывал на квартиру. На Шшаболовке. Там в переулках... Я могу показать.

— Адрес?

— Ы-и... Листьева. Двадцать.

— Номер квартиры:

— Н-не помню. Третий этаж. Вторая дверь справа... У него на двери номера нет. А дверь деревяшками оббита и лаком покрашена. Слева только одна дверь на том этаже.

— И чего он тебе приказал тут найти?

— Он не говорил, чтобы я заходил. Он сказал, чтобы я за жи... за одним евреем присмотрел.

— А чего за ним смотреть? Из тебя что, каждое слово за верёвочку тянуть надо?

— Ну, эта... У него...

— У кого у него? Блин. Ты соберись. У тебя, может быть. Самый важный разговор в жизни, а ты елозишь языком, как голым задом по сковороде. О, может тебя и правда горячей сковородой прижечь. Ты погоди! Я сейчас пойду на плиту поставлю...

— Не. Не надо! Я сейчас...

Он видимо собрался с мыслями и начал:

— Короче. Дружка его, кто-то на хате мочканул. Тоже мент. Капитан...

— Ну и что? А причём тут местный еврей?

— Капитан тот работал с бандой. Хаты ломили. По жид... по евреям часто работали. На них жмуrow было, как...

— Дальше...

— Ну а теперь их всех, кто-то мочканул. И общак забрал...

— А ты тут при чём?

— Он меня поймал на горячем... прямо в хате взял. Там тайный звонок был. Я не знал. Вошёл. Начал шмонать. А тут мусора. Повязали... К нему отвезли.

— Ага. Он тебя принял, как родного и в стукачи завербовал. Продолжай!

— Ну-у...

— Хватит нукать!

— Я потом по его наводке тоже хаты ломил. Но я не по мокрому. По мокрому я не хожу.

— А *ули ты тогда на меня с ножом накинулся? Конфеткой хотел угостить?

— Я... Я машинально...

— Ага. Все так после на суде говорят. Я не хотел его убивать. Он сам на нож напоролся. Это вот, что у тебя? В твоём кармане было...

— Шило... — он потупил глаза... — но я...

— Я понимаю... Давай дальше! Про ментов.

— Ну вот... Этот жид... Еврей... Один из тех, кто остался жить, после той банды.

— То есть. Был бы он в тот момент дома. И его бы грохнули?

— Ну, да...

— И чего ты успел выследить?

— Ну, эта... У него всех замочили, а он машину себе купил... А вчера телевизор

НОВЫЙ...

— Ты давно следишь за хатой?

— Со вчерашнего дня.

Это хорошо, что со вчерашнего, а не раньше. Так бы мы вернулись из Ивановской области, а тут нас ждёт пустая хата. Ни денег, ни золота. Только менты дожидаются, чтобы нас за мокруху арестовать...

— А какого хера ты в хату полез? Тебя же *удака, следить послали... А ты?

— Дык... Я...

— Что, поживиться решил?

— Ну, да...

— И что ты успел выследить?

— Ну, так... Хозяин вчера на тачке подъезжал, и телевизор с другим мужиком в хату заносил. В коробке. Новый. А второй потом пешком ушёл. Машина у подъезда осталась...

— Ясно. Дальше.

— А сегодня евр... Хозяин уехал на машине... Ну а я...

— Решил хату подломить, чтобы мусорам меньше досталось. Достойный поступок! Что ты успел своему куратору доложить?

— Ничего...

— Не свисти мне тут.

- *ля буду ничего. Век воли не видать.

— А когда у тебя с ним стрелка забита?

— Что?

— Встреча, у тебя с твоим ментом, когда состоится?

— Завтра. На той хате. Конструктивной...

— Конспиративной, болван. Во сколько встреча?

— Вечером. После семи...

— Точное время есть?

— Нет... после семи. А там как получится. Он только ругается, когда я прихожу после восьми...

— Что за дом?

— Такой же как этот. Пятиэтажка.

— Этаж? Говори сразу всё!

— Третий этаж. Квартира справа в углу. Подъезд второй.

— Окна у него на подъезд выходят?

— Нет. На другую сторону.

— Он курить в подъезд выходит?

— Он не курит. Только пьёт. Много.

— Ну, вот ты пришёл. Позвонил в дверь...

— Нет, я должен постучать. Я не могу сейчас показать как. Ну, как бы два удара, а потом три быстрых. А если не откроет с первого раза, то через минуту ещё раз стучу. Так же. Тук, тук. Ту-ту-тук.

— И он сразу открывает? Не спрашивает: Кто там? И так далее...

— Нет. Просто открывает дверь. Он предупредил, чтобы я в подъезде вообще не шумел.

— А как открывается дверь? Внутрь квартиры или наружу?

— Это как?

— Ну, вот он открывает дверь изнутри. Он её на себя открывает или толкает на тебя?

— На себя...

— А в какую сторону?

— Это как?

— Блин. Смотри! Ты стоишь мордой к двери снаружи. Петли дверные на какой стороне?

— М-мгм.

Со стороны видно, как ролики в его голове заходят за шарики. Начинаю показывать на руках. Начинаю с левой руки...

— Вот так? — прижимаю локоть к себе, а ладонью делаю движение от себя...

— Н-нет. Наконец- то соображает этот недалёкий домушник. — В другую сторону.

На всякий случай показываю правой рукой, как должна открываться дверь. В ответ он кивает:

— Да. Вот так!

— Понятно. Глазок есть на двери?

— Есть. Только там темно всегда. И видно плохо. Но он когда открывает, вольту всегда наготове держит. Вот как ты...

— В какой руке? Как я, в левой?

Зависает. Думает. Вспоминает.

— Нет. В правой.левой дверь открывает. А ствол в правой держит. Чуть сзади... Возле жопы... Чтобы не сразу видно было.

— Кстати... А чего ты на меня прямо на ствол-то поёр? Ты чё, бессмертный?

— Дык... Я не понял. Успел лишь подумать... Откуда у пацана вольту? Думал пугач или игрушка. А тут вон оно как.

— Ну, открыл он тебе... А дальше что? Он один там на хате? Сколько комнат?

— Да! Всегда один. Комнат две. Одна проходная, а другая, спальня наверное... Там никто постоянно не живёт, он туда иногда баб приводит. Сам не видел, но там бабьи шмотки валяются порой. То труселя, то платок... Но так чтобы жить... Нет. Там и на кухне голяк. Стол да кран... Плита ещё. Кроме чая и водки ничего не бывает.

— А ты с ментом что ли водку там пил.

— Не. Я не пил. Он пил. А я... Он, когда как. Когда в хорошем настроении, то и чай мне наливал. У него для таких как я, кружка железная есть. Сам-то он из фарфоровой пьёт. А водку из хрусталя...

— А когда у него плохое настроение?

— В последнее время, он даже сесть не разрешал. Стой, говорит, там в углу.

— А тебе не запахло, порядочному вору в углу стоять?

— Дык... Какой я вор... Так крадун, домушник... На марафете я... Он меня им и кормит, сука... На этом и держит...

— А я думал, чё ты такой худой? Торчок оказывается. Нарик, блин. А он тебя в корки забил?

— Чего?

— Ну, есть у него папка, в которой ты значишься, как агент? Какие бумаги ты подписывал ему? Писал, что будешь сотрудничать, сообщать и так далее? Сообщения на бумаге после передавал? Ещё что-нибудь подписывал, кроме первого раза?

— Бумагу писал, а про папку... Вроде нет. Он от меня только иногда требует, чтобы я

сделал что-то или отвёз чего-то. Больше ничего не подписывал.

Ясно. Знаю такую схему. Этого агента он не светит перед начальством, а использует лишь для себя. А если что не так? Всегда легко концы в воду, и не аллё.

— А как он с тобой связывается?

— У матери моей есть телефон на работе. Она в детсаде ночью сидит. Там и телефон. Или при встрече он говорит, когда к нему в следующий раз придти на явку.

— Ты мне скажи: Хочешь от мента соскочить?

— А как?

— Ну, ты завтра меня к нему приведёшь. Постучишь. Он откроет, а я его мочкану. Чистим хату и разбегаемся?

— Парень? А ты кто? Обзовись!

— Про банду Монгола слышал?

— Да. Серьёзные люди.

— А видел его? Или знаешь кого из его людей?

— Не. Только слышал от кореша.

— Ну, так я Слава. Япончик погоняло. Я у Монгола второй человек после него самого. А еврей этот для Монгола кассу держит. Ты понял, в какой блудняк ты влип по самые помидоры, Сеня? Если Монгол узнает, что ты ссученный, и на мусоров пашешь, то с тебя же с живого кожу сдерут. И с абсолютно голой без кожи жопой на муравейнике будешь встречать свой последний рассвет.

Вот я пургу ему прогнал... Про банду Монгола я читал в интернете. Они как раз в это время барыг и цеховиков кошмарить начали. Первооткрыватели рэкета в СССР. Не хотелось бы мне пересекаться с этой бандой.

Спросите, боюсь ли я их?

Да. Боюсь. Или скорее опасаясь...

Не с моими силами и ресурсами вступать в открытую битву лицом к лицу с этими отморозками.

Но, чтобы вот так напугать этого нарика, история получилась в самый раз. Пусть теперь он боится. А там посмотрим. Смотрю, его мой рассказ так не хило впечатлил...

— А у тебя какое погоняло, Сеня Петрыкин?

— Чинарик...

Да. Не самое почётное звание, видимо у этого чушка. Ну, хотя бы пидарских перстней на пальцах не видать. И то нормально.

— Слушай сюда, Сеня Чинарик... Сейчас ты лежишь тихо, а когда придут мои кореша будем решать с тобой. Ты нам на х** не упал, в натуре. Нам твой мусор поперёк. Ты понял, *ля? Если, сука, жить хочешь, меня будешь слушать...

— Понял... Развяжешь меня?

— Не сейчас.

— Парень... Слава... Я обоссусь щас...

— Потерпишь.

— Н-не могу больше...

И что с ним делать? Напрудит в штаны. Будет потом лежать и вонять тут. А оно нам надо? Не хочется. Но надо...

Беру его левой рукой за шиворот. Ставлю прямо в ванной на колени. Иначе не получится никак. Руки я ему к ногам привязал. Что поделать? Расстегиваю ему штаны и

достаю вялого.

— Давай! В ту дырку.

Он шумно мочится. Вроде без крови моча. Значит, я ему пока ничего ценного не отбил, не прострелил. Смываю его художества из душа. Снова опускаю на дно ванной.

— А теперь, Сеня, лежи тихо. Никто тебя не тронет. И всё будет в ёлочку. Усёк?

Кивает мне в ответ. Кажется, что он поверил, что сможет выбраться из этой передраги, если не целым, то хотя бы живым...

Похоже, что мои последние речи доби́ли бедолагу до конца. Но мне это уже по фигу. Мне срочно нужно решать с эти ментом. Краями мы с ним никак не разойдёмся.

А умный мент попался. Как быстро он на Натана вышел. Или это случайно. Прочёсывали всех потенциальных подозреваемых из числа терпил, по квартирным подвигам погибшей банды. А Натан просто попался одним из первых...

Только этот незнакомый мне, но очень умный майор не знал, что Натан теперь не один.

Натан Борисович вернулся сразу с Вадимом примерно в полвосьмого вечера. Попытку весёлого доктора начать шутить прямо с порога я сразу же пресёк жестом, стандартно приложив указательный палец к губам, тихо прошипел по-змеиному:

— Тс-с-с!

А потом так же жестом показал в сторону ванны. Дескать мол я не один тут. Шушукаться так, чтобы никто лишний не слышал, в однокомнатной квартире сложно. Когда в ванной есть кто-то, кому не надо ничего слышать, надо провести ряд антиподслушивающих мероприятий. Я затолкал друзей в комнату и показал, чтобы Натан включил телевизор погромче, а сам отправился к Сене в ванную комнату и включил воду, чтобы она шумно лилась в раковину. Ну не топить же этого доходягу Сеню в ванной. Вдруг ещё сгодится на что. Человек — не птица, авось и пригодится... Я ещё до конца не продумал план всей операции. Но, как мне кажется, с помощью этого Чинарика к майору будет легче подобраться.

Когда обе глушилки, и кран в ванной, и телевизор в комнате, работали как надо, я поведал ребятам подробнейшую историю возникновения в ванной связанного тела. Они сидели слегка озадаченные и озабоченные. Особенно Натан Борисович. Ведь именно на него вышел майор с Петровки, подослав к нему своего агента.

Первый шаг операции мною уже был продуман. Хозяина квартиры Сеня уже знает. Так что Натан останется в квартире сторожить пленного. А мы с Вадимом займемся другим, но очень важным делом. Сначала мы собрали все деньги и ценности. Получилось очень даже прилично. Целая сумка и вещмешок битком. Плюс к этому прибавился ещё и тяжёлый вещмешок с оружием. Плюс скрипичный футляр с пристроенным там хитрым образом вторым наганом под сломанной скрипкой. Мне ведь пока второй револьвер на фиг не нужен. Пока моя правая рука работает только всего лишь процентов на десять. Мне даже перезарядить свой наган и то с трудом удалось. Но я всё же вставил на место стреляной гильзы новый патрон. Так что у меня снова полный боекомплект с собой. Правда, теперь только в единственном экземпляре. С собой я взял лишь один стилет, закрепив его на правой руке. Второй тоже сейчас бесполезен. Наган я специально засунул сзади за ремень так, чтобы его удобно было доставать левой рукой.

— Натан! Мы сейчас уедем. Я сейчас пойду напугаю слегка нашего пленника, чтобы он вёл себя прилично в моё отсутствие. Ну а потом мы с Вадимом отъедем. Постараюсь вернуться не слишком поздно. Давай ключи от машины!

— Может, лучше я поеду?

— Так надо, Натан. Я должна проверить один адресок по-тихому. И сделать это могу только я сама. Извини! Мне самой с одной рукой несподручно за рулём развлекаться, но что поделаться... Приходится иногда делать то, что не хочется, но делать это всё равно надо... Но я только посмотрю адресок и вернусь.

— А зачем пистолет берёшь с собой?

— Ну, во-первых, Натан... Наган — это не пистолет, а револьвер. А во-вторых... Беру так, на всякий случай. Вечера у нас тёмные, тропинки стрёмные. И всяк босяк меня сиротку

обидеть норовит...

— Да-а... Тебя пожалуй обидишь... — проговорил глубокомысленно добрый доктор, и как мне кажется Натан был с ним солидарен в этом выводе.

Я зашёл в ванну к Сене Чинарику. Он лежал и молча таращился на меня своими блёклыми глазками. Ясно всё. Боится, что его прямо сейчас резать будут. Выключив воду, я сказал ему, стараясь говорить спокойным, но очень уверенным голосом:

— Сеня! Я сейчас ненадолго отъеду. Мне надо с Монголом за тебя и твоего мента перетереть. Если что, я за тебя впишусь перед паханом. Он же меня ценит. И моё слово для него кое-что весит. А ты всё это время будешь лежать тихо, как мышь под веником. В хате с тобой останется еврей. Он жутко злой на тех, кто на той хате его близких мочканул. Я его еле сдержал, чтобы он тебя на лоскуты не покромсал. Ты же слышал от своего майора, что было на той хате, где мента грохнули?

— Да... Там всех постреляли, а кому-то даже башку отпилили.

— Так это он есть... Пилил шею тупым кухонным ножом, которым хлеб режут. За то, что тот урод в его дочку ножичком тыкал. И ты знаешь, даже мне стало немного не по себе, когда он это делал. Ты понял меня?

— Да. Понял-понял. Всё будет тип-топ. Лежу тихо и не отвечаю. Я же не при делах там был...

— Молодец. Вот так и лежи. А я быстренько так вернусь. И скорее всего, ты поедешь с нами завтра того твоего мента мочить. Ты же поможешь нам?

— Да. Да... Конечно...

— Вот и всё. Лежи себе спокойно! Отдыхай! Я когда вернусь, привезу специально для тебя лепилу нашего. Он тебе и перевязку сделает, и укольчик вколет правильный, чтобы не болело и быстрее заживало.

Мы с Вадимом загрузились в машину. Всё своё барахло, нажитое моим непосильным трудом, безо всякого пиетета и пафоса, покидали в багажник. Багажник у «Запорожца» спереди, открывается как пасть у бегемота. Всё туда и влезло.

Правда, по моим прикидкам, содержимое багажника было дороже самой машины примерно раз в сто. А оружия хватило бы нам лет на десять строгого режима. Это если моих взрослых друзей под вышку не подведут. Я-то пока не подлежу уголовной ответственности. Могут, конечно упечь меня в какое-нибудь закрытое спецучреждение для малолеток. Но, тьфу, тьфу... Не дай то бог... Хватит думать о плохом.

Мысли материальны порою бывают. Вот так подумаешь, что всё будет плохо, и плохое придёт. Думать надо о хорошем, как советовала в своих песнях из будущего Алёна Свиридова. А если будешь всегда думать только о хорошем, то придёт к тебе розовый фламинго...

Мы уместились внутри железного коня, я за руль, а доктор за пассажира сегодня выступает. Поехали...

Несмотря на то, что мне пришлось переключать передачи раненой правой рукой, доехали до дома Вадика довольно быстро. Я не знал точного адреса, знал только район, куда надо ехать... На последнем этапе доктор уже подсказывал направо-налево... Теперь в следующий раз я уже не заблужусь.

— Ты сам донесёшь всё? Могу помочь одной рукой...

— Да, ладно. Сам справлюсь. А ты сразу обратно?

— Нет. Сначала на адресок один заеду. Посмотрю там обстановку, похожу вокруг, по окнам погляжу. Ну а потом сразу домой. Ты, пожалуй, к нам пока не приезжай. Какое-то время... Если что, мы тебе весточку дадим. Сам даже не думай с нами связываться. Ведь если нас загребут, то про тебя никто не знает. Так что ты в это дело не лезь! Только хуже всем сделаешь. И нам с Натаном, и себе. А когда волна неприятностей схлынет, мы с тобой снова обязательно встретимся. Ты не переживай! Сохрани это наше всё барахло. И никому ничего про нас не говори. Мы же не тимуровцы, если ты не понял. Мы скорее неуловимые мстители. А их не все любят и ценят. Особенно правоохранительные органы.

— Я всё понял. Чай не маленький. Всё сделаю как надо.

— Нет. Ты не понял. Ты с завтрашнего дня вообще ничего не делаешь. Просто ходишь, как обычно на свою работу и всё... Больше ничего делать не надо. Никаких лишних телодвижений.

— Ясно. Удачи тебе!

— И Вам не хворать, доктор!

Он развернулся и пошагал к своему подъезду, слегка сгибаясь под тяжестью мешков и сумок. Я почему-то ему искренне верю. Нормальный такой парень. Обычный. С виду совсем не герой. Неказистый такой, толстенький, низенький, лысенький. Но если что, именно такие вот и собой друга прикроют, и раненого на себе с поля боя вынесут.

Да... Слишком часто мне по жизни попадались другие индивидуумы. С виду герой, а душа с дырой. Да ну их всех в дупу... Не к ночи вспоминать таких кадров.

Тот, кого сделала другом беда,
Другом останется мне навсегда.
Тот, кто не предал, не продал, не сдал,
Преданным другом по жизни мне стал.
Ну, а тому, кто оставил в беде,
Я не подам даже руку нигде.
Да и какой это, к дьяволу, друг,
Если в беде отвернулся он вдруг.

Не знаю, что-то меня на поэзию потянуло... Настроение такое... Лирическое какое-то. Хотя ничего не предвещало такого настроения. Может это гормональный сбой какой в организме... И кстати, а где сама хозяйка этого организма?

— Инга! Ты где спряталась? Отзовись!

Я напрасно долго и нудно звал свою боевую подругу. Тишина мне была ответом. Вот и приходится забавлять себя самому. Магнитолы в машине нет. Пассажир пошёл прятать сокровища и оружие. Ну а я еду на разведку. Надеюсь я сегодня хоть какую-то информацию смогу получить. Посмотрим, посмотрим...

Ну а пока... Можно и в стихотворной форме задуматься о смысле жизни...

Говорят, что жизнь лишь грош.
Это ложь!
Как бы жизнь не хороша,
Всё ж не стоит и гроша.
Жаль, что надо много грошей,

Чтобы жизнь была хорошей.

К Шаболовке я подъехал почти к девяти вечера. Было уже довольно темно. На улицах без реклам, гораздо темнее, чем на такой же улице со светящимися вывесками и подсвеченными баннерами.

Магазины уже все закрыты. Ночных торговых точек здесь нет. Светятся лишь окна жилых домов, да редкие и тусклые уличные фонари.

Я оставил нашу машину в первом же дворе, найдя неплохое свободное место. Вроде никому не мешаю. Да и кому тут мешать? Персональных машин в этом времени не всем раздали. А купить свою — это та ещё проблема в этом времени.

Это в будущем можно будет придти без денег в автосалон, и уехать на бюджетной иномарке минут через полчаса.

Одетый в тёмную куртку и кепку, я был неприметен на тёмных улицах. Народу было катастрофически мало. В основном все прохожие торопились добраться до дома.

Вскоре я уже обнаружил, что никакой улицы Листьева в районе нет и в помине. Зато есть улица Лестева. И дом двадцать по этой улице, вполне подходил под описание Чинарика.

Я немного прогулялся вокруг дома. Не спеша высчитал окна нужной квартиры. Свет горел лишь в одной из комнат. А может и даже не в комнате горел, а на кухне. Я пока ещё не знаю, какая планировка у квартир этого дома. Хотя многие пятиэтажки похожи друг на друга и внутри и снаружи, но есть и отличия.

Для начала я зашёл не во второй, а в первый подъезд. Поднялся наверх. Посмотрел расположение дверей квартир на третьем этаже. Скорее всего, во втором подъезде всё должно быть также, только зеркально.

У нас редко строят по системе путай-путай. Чаще всё ровненько. И если в первом подъезде на третьем этаже слева две двери, а справа одна, то во втором должно быть как раз наоборот. Как раз именно так, как и рассказывал мне Сеня.

Выйдя из дома, я снова прогулялся вокруг, чтобы глянуть на нужные окна. Оп-паньки... Это я вовремя. Свет в окне, уже не горел. Но свет в квартире пока ещё был. Но уже более слабый. Видимо это уже свет из коридора пробивается... А это значит...

Додумывал свою мысль я уже на бегу. Кто-то собирается покинуть квартиру. А кто там сейчас может быть? Либо один мент, либо с кем-то ещё. Меня он не знает. Попробую подойти вплотную и посмотреть что к чему...

Я стремительно захожу в подъезд. В подъезде темновато. На первом этаже ещё светится тусклая лампочка, на втором уже никакого света нет, кроме того уличного освещения, что проникает в окно.

На моих ногах кеды. Мои шаги почти не слышны. Правда завязывать мне шнурки на кедах пришлось Натану, так как с одной рукой у меня не получалось грамотно изобразить привычные бантики. Да и не справился бы я сам с одной рукой... Когда уже рана на руке заживёт?

Спокойно, никуда не торопясь я поднимаюсь по лестнице. Наган в левой руке. Курок уже взведён. Рука с наганом прячется под расстёгнутой курткой за пазухой. Правую руку мне помогли вставить в рукав Вадик с Натаном. Так что она просто висит вдоль тела. О том, что на руке имеется рана, и она перебинтована, со стороны вряд ли кто догадается.

Мне уже видно, что и на третьем свет тоже не горит. Окна между этажей и совсем

слабый свет из них дают хоть какие-то ориентиры. Иначе бы вообще пришлось идти на ощупь.

Вот уже и второй этаж, а в подъезде никого. И ничего пока не слышно... Не тишина, конечно, но...

Я уже почти на третьем...

Скрежет замка...

Мне осталось две ступеньки...

Одна ступенька...

Распахивается нужная мне дверь...

Свет из коридора падает на меня...

Лица выходящего я не вижу, только силуэт. Силуэт крупного мужчины в фуражке.

Не думая, выдёргиваю наган и стреляю в эту темную фигуру в дверях. Выстрел в тело, снова в тело, в падающее тело...

Тело падает как надо, внутрь квартиры.

Делаю пару шагов вперёд... Захожу внутрь... Делаю контроль в голову... И захлопываю дверь позади себя... Всё...

Сердце колотится с невероятной частотой. Я его отчётливо слышу. Оно стучит в ушах молоточками прямо в мозг...

На полу уже не подёргиваясь, лежит тело довольно крупного мужчины. Тело ещё не поняло, что мертво, но последняя судорога уже позади... Теперь всё тихо. Никто больше не сучит ногами и не дёргается.

Надо его в комнату оттащить, а то с него как с кабана тут через минут несколько такая лужа натечёт, что я не смогу выйти из квартиры, не испачкав свои кеды.

Перешагиваю через тело, и хватая его за воротник кителя, волоку в комнату, как можно дальше от входа.

Да... Это точно тот, кто мне нужен. Вот и китель у него майорский. Так что теперь мне только остаётся лишь сгоряча не наставить тут своих отпечатков.

Прокручиваю в памяти свои последние действия...

В дверь я входил?... Она уже была открыта. Руками я её не трогал.

Захлопнул я её ногой. Кеды всё равно придётся потом выкинуть. Наслежу я тут.

Эти кеды я уже больше месяца ношу. Уже наверняка появились свои индивидуальные потёртости и трещинки на подошве. Проходили мы такое. Плавали... Знаем.

Так. Где ещё я уже успел наследить? Что я трогал? Наган? Он и так весь мой. Воротник майорского кителя? На ткани отпечатков не остаётся...

Задёргиваю занавески на окнах. Трогаю только за ткань... Всё... С улицы никто ничего точно уже не разглядит. Шторы тяжёлые. Не тюль тебе какой-нибудь полупрозрачный.

Вот на стене выключатель. Положил наган на пол. Достал стилет из ножен. Как же неудобно всё делать одной рукой, да к тому же левой. Стилетом нажимаю на клавишу выключателя. Да будет свет! Сказал он. И стало светло...

Удобная вещь — стилет. И двери им можно открывать, и обратно закрывать, и свет включать... И в людей тыкать, ежели что...

Я обхожу квартиру по часовой стрелке, пытаюсь найти что-нибудь нужное и полезное...

Ага... Вот это именно то, что мне нужно. В ванной обнаруживаю пустое оцинкованное

ведро, а в нём резиновые перчатки. Мощные такие, хозяйственные. Большие и толстые, как валенки. Но это лучше, чем босыми руками всё трогать...

Стилет в ножны. Резину натягиваю на руки по самые локти. Продолжаю шмонать эту явочную хату.

И начал я первым делом с хозяина конспиративной квартиры. Тут вот и ведро пригодится пока.

Всё, что выгребая из карманов у майора, летит прямо в пустое ведро. Всё подряд. Ксива, записная книжка, ключи, деньги. Потом буду разбираться с этим. ПМ из кобуры туда же.

Ну надо же... Он и запасной магазин с собой таскает. Он, что в войну тут собрался играть? Всё, майор... Твоя войнушка уже закончилась. Надеюсь, что ты уже в аду.

Что там дальше? Начну с ванной комнаты, раз я уже там посмотреть успел. Заглянул под ванну. Это что такое за чемоданчик? Уж больно чемоданчик-то покоцанный и обшарпанный. Ну и правильно. Там всего лишь инструменты. Разводной ключ, и ещё что-то железное и ржавое. Облом-с...

Так. Что у нас будет следующим? Кухня. Круп в банках тут нет, так что искать спрятанные ценности негде. Разве, что за мусорным ведром глянуть. Но и оно стоит просто так в углу на видном месте. Да тут и правда почти ничего нет, как и рассказывал Сеня.

Получается, что Чинарик и не врал мне. Вон и угол, в котором он стоял, слушая приказы майора. Другого места тут вроде бы и нет для постановки тела в угол.

Я ещё подёргал и простучал деревянный подоконник. Слышал про тайники в таких местах. Но тут ничего похожего нет.

В большой комнате, где пока ещё не начал разлагаться майор, были только диван, стол и пара стульев. Под диваном... Только пыль. А в диване?

Я знаю, что там внутри можно много чего интересного спрятать... А можно и найти портфель с какими-то бумагами. И какую-то слишком уж тяжёлую обувную коробку...

Портфель забираю, потом разберёмся с бумагами. А что там в коробочке?

Оба на... Это мы удачно зашли...

Приз в студию! Как говаривал Якубович. Ну, почему говаривал? Он это потом ещё будет говорить.

А в коробке лежал пистолет.

И не Макаров. И не ТТ. И даже не Стечкин.

Люгер, он же Парабеллум.

Блин! Как же он мне нравился в детстве, когда в кино про немцев показывали. Красивый пистолет... Очень эргономичный. В руку ложится, как всегда в ней и был.

Что тут ещё? Три запасных магазина. Патроны в синих коробочках. Я слышал, что у него особые патроны. Наши с виду похожи, но не подходят.

Интересно, откуда этот Люгер — Парабеллум оказался у этого шибко умного майора? Небось тоже «эхо войны», как выразился один персонаж в фильме «Брат-2».

Ну и ладно. Мне это уже у майора не узнать. Беру не глядя. Думаю, что мне хватит патронов на то, чтобы пострелять из этого чуда.

От этого моего нового приобретения у меня просто восторг. Сразу настроение поднялось...

Кстати... А где деньги? Ведь не всё же хранилось у капитана под кроватью. Так, так,

так. В этой комнате больше ничего нет... А в другой?

А во второй комнате был только сексодром, правда в виде не двухспальной, а полутороспальной кровати. Рядом с кроватью тумбочка. Но в ней кроме презервативов ничего нет. Импортные, индийские.

На тумбочке графин, стакан... Под кроватью — пыль и упаковки от презиков. Комната маленькая. И в ней больше ничего нет. На всякий случай переворачиваю матрас.

Ну и что тут под фанеркой прячется? Ага... А фанерка-то у нас тут с секретом оказалась. Сверху плоская, а снизу с ящичком... А в ящичке...

Бинго! Ну, то есть: Деньги! Немного. Меньше чем было у капитана в чемодане. Нs есть... Четыре пачки разными купюрами. Пачки не в банковской упаковке, а так, резинкой перетянуты... Не обязательно, что по сто купюр в пачке. Похоже просто по масти кто-то разложил. Жёлтые сотки отдельно, зелёные полтинники в другой пачке, а ещё пара пачек потолще, но с двадцати пяти рублёвыми бумажками.

Не пересчитывая, забираю всё. Возвращаюсь в комнату, и засовываю деньги в портфель к бумагам. Туда же идут и документы из карманов мента. ПМ с запасным магазином кладу в коробку к Люгеру.

Похоже, что больше мне в этой квартире делать нечего...

Что я тут забыл? Вроде бы ничего...

Из вещей у меня теперь — портфель и обувная коробка. Всё это нести будет неудобно. Особенно с моей-то раненой рукой.

Угу... А вот на кухне авоська. Висела на ручке кухонной двери. Коробку кое-как запихнул в авоську. Теперь смогу всё унести в одной левой руке. Лишь бы не нарваться на ментов, пока буду идти к машине. Попробую огородами, ну то есть дворами проскочить.

Менты — тоже ведь люди. По улицам стараются ходить, там, где светло. Зачем на ночь глядя по кустам шарахаться?

Свет в квартире не гашу. Не мне же за него платить. У дверей я остановился, прислушался. В подъезде вроде бы тихо...

Портфель с авоськой пока висят на правой руке. Пока просто держу, не особо болит. Просто тянет... Но потом придётся перехватывать в левую. В правой долго не пронесу.

Левой рукой открыл замок изнутри...

Приоткрыл дверь... Снова прислушался...

Слушаю эфир внимательно, сканируя все частоты... В эфире пусто. В подъезде тоже пусто и тихо, как мне кажется...

Ну, с Богом! Выхожу...

Глава девятая

Судьба порой была ко мне сурова,
Но всё же до конца не беспощадна.
Там, где другие шли до гроба,
Я умудрялся выходить обратно.
Хотя порой бывало всё ужасно.
Я видел смерть так близко, как тебя.
Хоть верь, хоть нет, но было так опасно,
Что мысленно я покидал себя.

Сколько раз я убеждал сам себя в том, что не бывает такого, чтобы всё шло гладко и по заранее продуманному плану. Но я верил с самого раннего детства, что каждого есть судьба. И у каждого она только своя. Она как дамоклов меч нависает над головой. И когда тебя ударит, отсекая буйну голову, никто не знает.

Я не знаю, верить в это или уже хватит, после того, что со мною произошло... Но всё равно мне кажется, что от судьбы не уйдёшь. Помнится, давным-давно так ещё шутили пираты Карибских морей: «Кому суждено быть повешенным — тот не утонет!» Хотя вряд ли грубые и неграмотные пираты именно так и выражались... Скорее всего эту поговорку придумал какой-нибудь писатель авантюрных романов. А мы теперь, как стая глупых попугайчиков, повторяем вновь и вновь, что так говорили пираты... Всё — ложь! Все люди лгут друг другу.

И я не ангел, но у меня есть принцип. Я делю людей на своих и чужих. Свои — это друзья, а чужие — это все остальные.

Чего-то я опять отвлёкся...

Про что я там размышлял? Про судьбу?

Ну, да... От судьбы не уйдёшь...

И я не уйду.

Не уйду, потому что и не буду уходить.

Просто не хочу. И зачем мне уходить? Куда?

Если судьба решила, что за поворотом ждёт тебя конец пути, то можешь развернуться и пойти обратно. Но всё равно, за следующим поворотом, где бы он ни был, тебя будет поджидать большой... полярный... конец пути.

Вся наша жизнь — это бег по инерции. Мы стартуем, разгоняемся, и несёмся вниз с горы с огромной скоростью. И всё у нас так и происходит по инерции. Жизнь по инерции...

А в конце нас всех поджидает огромное великое ничто...

Это я так раньше думал.

После сгорания в пламени огня, ещё в той, в прошлой жизни, а потом после переселения сознание в новую жизнь, уже начинаешь задумываться, что не всё так просто в этом мире.

Раньше-то всё проще было. Родился. Жил. Умер. Всё...

А теперь что? Теперь начинается, как говаривал товарищ Сталин: «Головокружение от успехов...».

Но почему-то всё получается. И всё в цвет. Всё в ёлочку...

Трудности? Преодолеваются.

Опасности? Либо стороной обходит, либо я с ними доблестно справляюсь.

Правда, до сих пор пока я так и не смог найти свою главную цель в жизни...

И что же из этого всего получается? А получается, что снова, как тот колобок, я качусь по инерции, живу по инерции...

Ну и что же? Я разве могу что-то изменить? Нет... Тогда, значит, буду жить только сегодняшним днём. Потому что «вчера» — уже прошло. А долгожданное «завтра» — может и вовсе не наступить. Ведь все мы сделаны из плоти и крови. И я тоже. А следовательно, все мы, к несчастью, смертны... Как сказал классик, вложив эти слова в уста Воланда: «Плохо то, что человек иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!»

Теперь я знаю, что душа, конечно, может взять и... фюить... снова переселиться куда-нибудь. Но кто это точно заранее знает?

А вдруг никакого «фюить» больше не будет? И это была моя последняя реинкарнация...

— Саш! Хватит гонять! И так в голове чёрти что. А тут ещё ты мысли по кругу гоняешь.

— Инга? А я думал, что ты спишь. Я тебя звал, звал... Ты не откликнулась. Я даже решил что ты там улетела куда...

— От тебя улетишь пожалуй. А спать... Я спала... А потом стало в ушах стучать, как молотками по пустому ведру.

— Это называется адреналин.

— Ты уже говорил. Мне всё равно как это называется. Но под этот звон не заснёшь. И, кстати, мы уже почти дошли. За тем домом во дворе наша машинка стоит. Научишь меня водить машину?

— Ты же со мною вместе, когда я за рулём. Вот и учись.

— Ты всё делаешь слишком быстро. А получается это у тебя слишком ловко. Сразу создаётся такое ощущение, что водить машину легко и просто. А потом, когда за руль садится Натан Борисович, то возникает ощущение, что водить машину это очень сложно. И тогда я боюсь, что никогда за руль не сяду.

— Ладно. Потом тебя научу. Когда будет время свободное и место удобное. Ну, вот мы и пришли.

Открыв машину ключом, я сразу же дёрнул ручку открывания багажника. Убрал портфель и авоську с обувной коробкой, я захлопнул крышку...

Пора ехать... Но я остановился и огляделся вокруг. Никого. Даже странно. Почему-то вокруг чересчур всё тихо и безлюдно как-то...

И, действительно, что-то всё слишком гладко идёт в последнее время. Я спокойно вышел из квартиры, оставив там кровоточить труп продажного майора. Спокойно, никем не замеченный, вышел из чужого подъезда, даже не нарвавшись на случайных свидетелей. Просто гуляя, не спеша, прошёлся дворами, и совершенно спокойно открыл нашу машину, загрузив все вещи в багажник.

Стоп... На этом месте я тормознул...

Кеды!? Я же там топтался по полу, мог и в кровь вляпаться случайно. А теперь вот сяду в машину и на полу могу оставить следы... Частички крови потом опытный эксперт легко найдёт, если не отмыть машину специальной химией. Я сел боком на водительское сиденье, оставив ноги на земле. Развязал шнурки одной левой. Развязывать — это не завязывать. Справился.

Развязав шнурки, я вынул ноги из обуви, да так и оставил кеды стоять на земле... Утром либо дворник приватизирует, либо ещё кто подберёт. А я себе потом новые куплю.

Ведь в машине можно и в носках на педальки нажимать. А на будущее надо бы озаботиться какими-нибудь бахилами. Снял, выкинул и все дела...

Я завёл мотор и тихо выехал из двора...

Теперь только надо понять: Куда мне сейчас ехать?

Не для того мы из квартиры Натана вывозили все деньги и стреляющие железки, чтобы снова туда натащить того же самого, всякого и много. Значит мне снова придётся ехать к Вадиму.

Так... Стреляющее железо... К меня с собой три единицы оружия...

Стоп! Один револьвер — это мой наган с глушителем. Потом ещё мой новый пистолет. Люгер, он же Парабеллум...

А третий — это табельный ПМ майора. Вот он-то нам совсем не нужен. От слова «совсем-совсем». Это такое палево, что мы сразу всем скопом заедем на нары. А потом и лоб зелёной могут намазать...

Я-то опять отмажусь. Малолетка. Что с меня взять? Мне ещё и четырнадцати нет. Это если по метрике Инги. Но если менты примут, то они быстро докопаются, кто я на самом деле.

Моя история вполне хороша, но до первой серьёзной проверки. Поднимут прошлогодние сводки по происшествиям и врачи опознают мои шрамы. Вот тебе и снова: На арене — Инга Котти!

И, кстати. Я забыл выкинуть резиновые перчатки.

Свернув в первый попавшийся двор, я закинул поглубже Макара в помойку. Предварительно разобрав на части и выщелкав все патроны. Патроны и запчасти раскидал в разные помойные ящики, в соседних дворах. Чтобы не получилось, что дети найдут пистолет с патронами, а потом кого-нибудь пристрелят ненароком.

Перчатки выкинул ещё через пару дворов, тоже в разные помойки. А потом не спеша поехал к дому нашего ветеринара.

Благодать-то какая. Машин категорически мало. Поливалка вот проехала, обдав брызгами воды... Грузовик с надписью «Хлеб». Такси...

Чёрт возьми. А адрес Вадима я знаю? Нет... Улицу-то — помню. Дом помню. Даже подъезд помню... А этаж и номер квартиры я так и не спросил. Вот засада какая...

Припарковался я за углом от нужного дома. Носки снял. В них всё равно ходить неудобно. С ноги сползают... Так и споткнуться можно. А земля-то ещё холодненькая...

Зашёл в нужный двор и устроился у знакомого подъезда на лавочке... Наблюдаю... Смотрю по окнам. Пытаюсь угадать нужное мне. Но не факт, что его окна вообще выходят на эту сторону...

Удача меня всё-таки любит. Из нужного подъезда выходит пожилая женщина с собачкой. Ещё не старушка, но лет за пятьдесят ей точно есть... Собака какой-то мохнатой породы. Может болонка, а может и ещё кто. Собачка тащит хозяйку за поводок к ближайшему дереву. Приспичило видать животинке... Задирает ногу... Орошает ствол берёзки...

Жду, когда они закончат, а потом, приблизившись, вежливо обращаюсь к женщине:
— Добрый вечер!

— Добрый!...

Собачница смотрит на меня насторожено. А я продолжаю:

— Вы в этом подъезде живёте?

— Да. А что такое?

— Я доктора ищу. Он ветеринар. Я знаю, что он здесь живёт. Его Вадимом зовут.

— Есть у нас такой. На пятом этаже живёт. Квартира семнадцать. А у тебя тоже собачка?

— Нет. У меня кошечка. Сиамская. Приболела...

Дама почти сразу теряет ко мне интерес. Извечное противостояние собачников и кошачников. Ну что же. На вкус и цвет — все фломастеры разные. Кстати в Союзе по-моему ещё нет фломастеров...

Спешу войти в подъезд, ну а дама с собачкой пошла себе гулять дальше.

Ой, не люблю я пятые этажи. Третий нормально. Четвертый — тоже ничего. А вот пятый...

Если не на лифте подниматься, то это форменное издевательство над неокрепшей психикой меня любимого...

Идёшь. Идёшь... А этажи всё не кончаются. Ступени холодные, а я босиком. На этажах полы дешёвыми кафельными плитками выложены. Плитка тоже холодная...

Ну вот и пятый этаж. Первая дверь слева. Глазка на дверях нет.

Жму на звонок. Прислушиваюсь... Тишина...

Снова звоню. А в ответ опять тишина.

Что? Неужели уже спать лёг? Я его лишь с пару часов назад домой подвозил. И время-то ещё детское...

Давлю на кнопку звонка и делаю это довольно долго, чтобы если кто и спит, то уже больше не сможет этого делать после такого.

Прислушиваюсь... Тихо...

Но всё же я смог уловить лёгкий шорох за тонкой деревянной дверью. Я постучал костяшками пальцев и продублировал голосом:

— Вадим! Это Инга... открывай. А то у меня ноги мёрзнут тут на кафеле.

Замок щёлкнул, и дверь распахнулась почти сразу. Я без приглашения занываю в квартиру, отодвигая негостеприимного хозяина.

— Ты чего шифруешься?

— Да я тут вещи раскладывал...

Всё ясно. Ныкал наши ништяки по разным углам в своей маленькой квартире.

— У тебя есть тапочки, а то у меня ноги замёрзли.

— А чего ты босая?

— Всё расскажу, только после. Сейчас вот ноги помою, тапочки надену, сяду и расскажу. Чай-то меня угостишь?

— Конечно!

— Но сначала, вот тебе ключи от «Запорожца». Он за углом стоит, в соседнем дворе. Увидишь... Там в багажнике портфель и коробка в авоське. Неси это всё сюда.

— Багажник как открывается?

— Откроешь водительскую дверь. Под рулём слева рычажок найдёшь. Потянешь его на себя... Только потом дверь на ключ закрыть не забудь...

Быстро одевшись, Вадим поспешил исполнять моё поручение. Пробежала мысль: А не

слишком ли я круто с ним обращаюсь... Ладно. Проехали... Потом извинюсь...

С тапочками в руках, я поплёлся в ванную мыть ноги. Мыл тщательно с мылом. Я босиком успел по разным дворам уже пробежаться. А на земле там чего только нет. Вон и собачка та ещё добавила...

Шлёпая на кухню в тапочках, которые мне были на несколько размеров больше, я ощущал себя, как в лапах на песчаном пляже...

Вадим вернулся довольно быстро. Поставил портфель и коробку в прихожей, разулся и в носках прошёл на кухню. С ним всё ясно. У него редко бывают гости или вообще их давно не было. Поэтому у него и нет вторых тапочек, которые обычно держат дома, как гостевые. Выходит, что я тапочки у него прям с ноги снял...

— Вадим! Ты меня прости!

— За что? — удивлённо уставился на меня наш Айболит.

— За то, что я таким тоном отправила тебя разгружать машину, и за... тапочки.

— Да ладно тебе... Свои люди... А откуда всё это? У тебя же багажник пустой был...

— Да, понимаешь... Тут такое дело...

— Ты, что... Уже нашла этого майора и...

— Ну, да. Примерно так и вышло. Хотела просто адрес проверить. Ну а там он. Я стою на лестнице, а он выходит из квартиры... Столкнулись прям нос к носу. Он хотел в меня из своего Макарова стрельнуть. Но ты же знаешь, как я не люблю, когда в меня из ПМ стреляют. У меня ещё та рана на плече не зажила. Короче... Ну, я достал свой наган, и...

— Инга! Тебе бы на эстраде комические истории рассказывать. Прямо как Аркадий Райкин.

— Не-ет. Ну, правда... Так всё и было... Почти...

— Верю... — смеётся доктор.

— Кстати, Вадим. А ты в самодеятельности никогда не играл. В школе, например, или в институте.

— Играл... А что?

— Сейчас поедem к Натану. Надо там одну роль сыграть.

— Говори, что надо делать!

Я стал рассказывать ему, что и как надо сделать.

То, что Сеню Чинарика нельзя отпускать, я уже осознал. Это последняя ниточка, ведущая от нас к убитым ментам и бандитам.

Майор явно вёл своё расследование в частном порядке. Иначе к нам бы не Чинарик пришёл, а наряд милиции с оружием наперевес.

И теперь этого домушника и ментовского стукача надо обязательно устранить. Мне его абсолютно не жалко. Наркоман, уголовник, стукач. И к тому же он на меня с ножом нападал, а ещё мог и шилом пырнуть. Он бы меня точно не пожалел бы. Мразь человекоподобная и тварь конченная.

Я на таких немало насмотрелся ещё в прошлой своей жизни... Таким не место на земле. Таких надо по-быстрому под дёрн закапывать, чтобы на этом месте выросли потом красивые сорняки.

Вроде бы как раз недалеко от дома Натана находится Битцевский лес. Вот там как раз и будет удобно избавиться от тела. Запихнуть в люк канализации, как тот местный маньяк делал... Или будет делать?... Можно заодно и его зачистить. Кто там у нас Битцевский

маньяк? Как бишь там его?... Пичужкин или Пичушкин? Вторая фамилия смешнее.

Но, кажется, что этот подонок ещё не родился...

Жаль... А то бы мы столько времени сэкономили. Так сказать, «два в одном». Два злодея в одном колодце...

Мне-то пофиг. замочу этого Чинарика без зазрения совести. Натан тоже уже успел себя проявить на этом поприще. Но Вадим, как новый член команды, должен ещё себя проявить.

Нет... То, что он хороший доктор я уже понял. Но должен же я знать, кто будет прикрывать мне спину? Поэтому его надо, как выражаются злодеи: «Повязать кровью».

Вот эту мысль я ему сейчас и пытался донести. При этом пристально следил за его глазами. Через глаза, которые как известно — зеркало души, очень удобно подглядывать в эту самую душу. Но ничего особенного я в его глазах так и не заметил. Он принял мою мысль спокойно и уверенно, так сказать, даже глазом не моргнул.

— Саша! Он к этому готов.

— Инга?

— Да. Я его прощупала. Он на нашей стороне целиком и полностью. И он готов выполнить всё, что ему скажут.

— Откуда ты знаешь?

— Меня бабушка научила.

— Какая бабушка? Ты же говорила. Что твои родители...

— Не... Другая бабушка. Там, в космосе, на корабле. Она тогда Малыша учила. У него не очень получалось, а у меня всё получилось.

— Ты теперь что, мысли читаешь?

— Нет. Пока только эмоции.

Я как был в тапочках, так и вышел из дома. Вадим оделся, как гопник... У него это реально получилось.

Выглядел он, как мясник на пенсии. У него даже на рубашке были следы крови. Я спросил его что за фигня такая... Но он объяснил, что испачкал рубашку на прошлой неделе, оперируя собаку на дому у знакомого. Вовремя не постирал, а потом мы нарисовались и... Рубашка так и лежала в грязном белье.

— А если менты докопаются, я им так и расскажу. Это же правда. Кровь-то собачья. Пусть проверяют.

— Ну, ты и жук!

Он даже говорить стал с неуловимым одесским акцентом. Причём у него это отлично получалось.

Когда подъехали к дому Натана, я рассказал ему подробно, что и как надо делать:

— Вадим! Ты мне ботинки принеси, пожалуйста! У меня там есть пара. Как раз сойдут.

— Хорошо...

— Сене, ну этому, который в ванне, руки не развязывай, только ноги. Пусть сам идёт. Скажешь ему, что ты от Монгола. А Япончик — ждёт в машине.

— Япончик это ты что ли?

— Я так ему назвался. Сказал, что я Слава Япончик. Он так и не понял, что я девочка. До сих пор думает, что я парень. А Япончик, это вполне реальный персонаж в банде Монгола. Этот Монгол тоже, кстати, реальный такой бандюган. Я тебе потом про них всё расскажу. Короче... Выведёшь его сюда, сажаешь на заднее сидение, а сам садишься рядом с

ним и контролируешь его по дороге.

— Куда поедем?

— В ближайший лесопарк. А там с ним и разберёмся. Ну, давай! Иди! Я жду. Только Натана с собой не бери. Пусть дома сидит.

— Я понял...

Вадим ушёл в подъезд. А я стал наблюдать за подъездом и подходами к нему.

Вадим появился примерно минуты через три... Но почему-то появился один. А ещё было заметно, что он чем-то очень взволнован...

— Инга! Закрывай машину! Пошли наверх!

— Чего там?

— Сама всё увидишь...

Глава десятая

Несчастья не узнав, мы не познаем счастья.

Торчат клыки судьбы из кровожадной пасти.

Но нас не испугать. Хоть путь тяжёл и долог,

И на клыки судьбы найдётся стоматолог.

Блин... Там что-то случилось. И наверняка что-то очень серьёзное. Иначе бы с чего такой спокойный и весёлый доктор был так сильно взволнован. А у меня с собой даже нагана нет. А без револьвера, с некоторых пор, я чувствую себя немного голым...

Хотя честное железо с собой в виде стилета на правом предплечье присутствует.

Но вроде бы какой-то конкретной именно опасности сейчас-то и нет. Или её уже нет?

Вот ведь вопрос...

Если бы сейчас там было опасно, то Вадим бы не вернулся за мной так быстро...

Значит, опасность уже миновала. И сейчас там так сказать... Последствия того, что уже произошло...

Ну что же? Пойдём и поглядим...

Когда я открыл двери квартиры, я сразу почувствовал, что тут пахнет смертью.

У смерти есть свой особый определённый запах. Неуловимый, почти неощутимый, но он есть. Это и запах крови с привкусом железа, и вонь от испражнений умершего тела и вскрытых внутренностей...

Да иногда смерть очень даже воняет... Как вот здесь и сейчас...

Разуваться мне не надо... Я и так в чужих тапочках.

Захожу в квартиру, а там...

Мама дорогая, роди меня обратно... Столько крови... Да прямо таки везде... На полу возле ванной, на стенах ванной, даже на потолке брызги...

Я такое раньше видел только в сериале «Декстер». Да и то, когда этот маньяк-криминалист специально брызгал кисточкой с краской на стены...

А мне в эту ванную комнату теперь даже заходить неохота без гидрокостюма и резиновых сапог. Но я всё-таки заглянул...

Да... *ля...

Из белоснежной когда-то ванны, торчат части окровавленного тела. Слава богу, пока не расчленённого. Но высовываются именно части тела, а не целое тело... Руки, ноги... А где голова?

А-а... Вон та куча бурых красных сгустков — это и есть бывшая голова бывшего домушника Сени Петрыкина...

Та-ак-с... И где там у нас дядя Наташа?

Вот он, герой... Сидит себе на кухне, на табуретке. К лицу прижимает окровавленное полотенце. На руках кровь... Сам весь в крови... Натуральный маньяк.

Ну... И что это мы все молчим? Надо же хоть с чего-то начинать разговор...

— И что это тут у нас такого случилось? Дядя Наташ, ты за что это его так?

Натан отнял полотенце от лица и укоризненно посмотрел на меня.

Чёрт возьми...

Нет... Это слишком слабое выражение моих чувств от всего увиденного...

О*уеть!

Моё игривое настроение сразу же пропало. Лицо музыканта сильно преобразилось с того момента, как мы с ним расстались всего пару-тройку часов назад.

Наискосок, через нос и левую бровь проходила красной тонкой бороздой ровная рана. Кожа на месте разреза разошлась, и кровь сочилась обильно.

Похоже на след от бритвы. Да... Скорее всего, так...

— Вадим! У тебя там остались ещё после моей операции медикаменты? Ну, там новокаин, нитки, перекись...

— Да, осталось. Всё здесь.

— Сможешь его подлечить? Разрез вроде бы ровный. Если всё сделать быстро, шрам потом не будет очень уж заметным.

— Инга! Защить-то я зашью. Но гарантировать, что потом он не превратится в Квазимодо, я не смогу. Я всё-таки ветеринар, а не пластический хирург. И к тому же, неизвестно, на занёс ли он уже какой гадости в рану. Разрез тонкий, но глубокий. Видишь, как разошлись края раны. Это лицо. Здесь столько всего...

— С этим потом будем разбираться, доктор. А пока надо его просто в порядок привезти. Ну, хотя бы кровь остановить и раны обработать. Бровь быстро потом зарастёт. Я знаю. У боксёров, рассечение брови, это обычная травма. А нос... Попробуй сделать как-нибудь аккуратно. Он нам красивый нужен ещё.

— Ты всё шутишь...

— Плакать-то уже поздно... А я пойду гляну, что там наш друг со злодеем сотворил...

Да-а-а... Видимо битва тут разворачивалась эпическая. Разбито и поломано было всё, что только можно было разбить и сломать. Стеклянная полочка под зеркалом разбита вдребезги. Само зеркало напололам... Раковина треснула и перекосилась... Чудом уцелели окровавленный унитаз с бачком и сама ванна.

Тело, лежавшее в ванной, было скрючено и перекручено. Из шеи торчал осколок стекла. Ага... Это часть полочки из-под зеркала...

Лица у тела практически не было. Это кровавое месиво уже с трудом можно теперь называть лицом. Хотя и при жизни Сеня Чинарик, красавцем не был. Но теперь вместо носа, рта, уха... Было сплошное кровавое месиво, посреди которого виднелся только один, заляпанный кровью, широко открытый глаз... На это даже я смотреть мог с большим трудом...

Интересно, чем это Натан его приложил?

А-а-а... Вот и тот предмет, которым долго и старательно били по этому лицу — крышка от сливного бачка унитаза.

Хорошая крышка, крепкая. Кажется, даже осталась целой. Только вся в крови, мозгах и ещё в чём-то...

Та-акс...

Восстанавливаем для себя картинку произошедшего тут...

Вон под ногами станок бритвенный валяется. Разобранный. А внутри раньше было лезвие. Спутник или Нева... Не важно.

У сидельцев всё это обзывается одним словом — «мойка».

А это что? А это то, чем я связывал Сеню. Верёвки...

Я рассмотрел верёвки более внимательно... Они оказались не перетёрты, не перерезаны, а просто развязаны...

Вот вам и причина освобождения пленника. Выходит, что это целиком и полностью моя вина. И всё это случилось из-за того, что правая рука у меня не очень хорошо теперь работает. Ну не смог я видимо крепко связать этого гада...

Ну а он за долгое время лежания в ванной, умудрился освободиться от верёвочных пут. Разобрал бритвенный станок. Извлёк «мойку», и встретил вошедшего Натана размашистым ударом бритвы по лицу. Видимо метил по глазам. Отработанный удар...

Я прикинул, как примерно наносился удар... Вот так... Снизу вверх... Да. Именно так...

Но тут, скорее всего, против злодея сыграл национальный вопрос. Характерный нос Натана Левина помешал ему резануть по глазам. Попал в нос, а дальше рассёк бровь и...

А Натан-то у нас молодец! Не растерялся и ввязался в драку с этим отморозком. Ну, или не в драку, а скорее всего в борьбу...

Это слово больше подходит для названия поединка двух не особо подготовленных бойцов в таких стеснённых условиях. Ведь советский совмещённый санузел не позволяет особо размахнуться. Нет тут того, чисто русского размаха. Помните, как в былинах: Раззудись рука! Размахнись плечо!

А тут что? Протянул руку — вот тебе ванна, махнул другой — вот тебе унитаз, а посредине ещё и раковина торчит...

Теснота... Даже теснотища...

Так-с... Ну а что у нас тут было дальше?

Натан покрупнее да покрепче дохлого Чинарика оказался. Несмотря на это Сеня всё ещё пытался сопротивляться. Вон как они всё вокруг разнесли.

Но, в конце концов, всё-таки забил добрый музыкант злого уголовника фаянсовой крышкой от сливного бачка. Бил видимо остервенело, и вовремя не остановившись в горячке боя, нанёс уже мёртвому телу несколько лишних ударов.

В итоге — наши победили. Враг разбит. Причём буквально и вдребезги...

Правильно кто-то из древних сказал: «Добро обязательно победит зло. Поставит его на колени и жестоко убьёт...».

А потом ещё и забьёт, превратив в кровавую лепёшку крышкой от бачка унитаза...

— Саша! Как ты можешь стоять над растерзанным трупом и при этом ещё и глумливо шутить?

— А это, моё Солнышко, называется — цинизм. Вполне здоровое человеческое чувство. Он позволяет не сойти с ума на поле боя.

— Мне кажется, что мы давно уже с тобой сошли с ума.

— Если учитывать то, что внутри тебя таится рядом с твоим сознанием ещё и моё в придачу...

— Нет. Не только это. Это фантастично, но уже как-то даже привычно. Но все эти трупы... Ты ведёшь меня по дороге неизвестно куда, а позади оставляешь только трупы.

— Неправда. Вот у нас уже есть два друга, которые готовы за нас в огонь и в воду.

— Мне кажется, что ты их просто используешь.

— Все люди используют других людей. Но если это проявляется только в одну сторону, то это — эгоизм. А если это обоюдное действие, то это может называться и словом дружба.

— Я раньше думала, что дружба — это нечто иное.

— Я не помню, говорил ли я тебе. Инга, что в этой жизни люди делятся на несколько категорий. Есть те, от которых тебе что-то надо. Есть те, кому что-то надо от тебя. И есть совсем равнодушные люди, которым от тебя ничего не надо, и до которых тебе тоже нет никакого дела.

— Это всё как-то некрасиво звучит. Неужели всё в этом мире так? Неужели принцип «Ты — мне, я — тебе...» главный в этом мире?

— Инга! Я не праведник. Я не Иисус, который прощал врагам своим то зло, которое они творили. Если меня ударят по щеке, то получают от меня такую сдачу, что мало им не покажется. Но я готов сражаться хоть с чёртом, хоть с дьяволом не только за себя, но и за тебя, за своих друзей. И даже порою готов встать на защиту слабых, тех, кого я даже не знаю, если им угрожает опасность. Это заложено в меня. Я не могу пройти мимо, когда злой и сильный обижает слабого. Ты слышала выражение, что «Добро должно быть с кулаками»? Я буду этими кулаками. А ещё ножом, кастетом, пистолетом... Чем угодно я буду стоять против зла. Если я смогу убить одного злодея — это хорошо. Если несколько — это ещё лучше. Сколько смогу, столько...

— Саша! Остынь! Я только спросила, как ты можешь шутить, стоя над мёртвым телом, а ты мне тут прочитал целую лекцию о добре и зле...

— Извини! Сорвался. Это тоже, наверное, нервное... Думаешь мне так легко видеть весь этот кровавый сюрреализм? Ладно... Пошли спасать нашего друга Натана...

В комнате тем временем уже шла подготовка к пластической операции на морде лица еврейского музыканта. Снова застелен клеёнкой раздвинутый стол. Снова аккуратно разложены ампулы, бинты и салфетки. Склеянка с перекисью стоит под рукой. На кухне кипятится блестящий металлический ящичек со шприцами, зажимами и скальпелями. А пока суть да дело, Вадим бинтует раненому порезанные ладони.

Картина маслом: Полевой, блин, госпиталь в партизанском отряде имени товарища Вильгельма Телля и друга его Робина Гуда.

— Вадик! Что тут с нашим другом? Кроме лица. Там и так всё... на лицо. На лице...

— Пальцы, ладони... порезы стеклом, бритвой... Ничего серьёзного. Но задницу ему придётся кому-то вытирать пару-тройку дней.

— Оставь в покое мою задницу, извращенец!

Оппаньки! А я и не знал, что такие шутки были в ходу не только в загнивающей Америке, но и в прогрессивном Советском союзе среди медицинской и музыкальной интеллигенции.

— А по маленькому, Натан, будешь делать сидя, как девочка.

— Почему сидя? — попался на развод раненый.

— Ну, держать-то ты не сможешь... Не Ингу же просить...

Пришлось вмешаться мне.

— Ребята, давайте жить дружно! — ну прям новая серия мультфильма «Будни кота Леопольда».

— Да мы и не ссоримся. — откликается Айболит.

— Это просто у него шутки такие...

— Дурацкие?

— Нет, блин. Ветеринарские. Давай уже начинай меня зашивать, живодёр!

— Ага... А ещё я в детстве очень любил играть в куклы. Я отрывал им ноги руки, голову.

— Ты что? Серьёзно? — не задумываясь спросил я, уже понимая, что он умудряется шутить даже в такой обстановке.

— Ага. Я же говорил, что он — живодёр. — снова наехал на друга Натан.

— Ты меня ещё коновалом назови, Паганини недоделанный!

— Если плохо меня зашьёшь, то так и буду называть. А Паганини не играл на духовых инструментах, это был скрипач и композитор.

— А сейчас ложись, композитор!.. И больше старайся не разговаривать и не шевелить своим лицом.

— Это как?

— Мимические мускулы не напрягай! Просто лежи и не дыши!

— Совсем не дышать я не смогу.

— Ладно... Это я образно так выразился. Просто не шевелись. Постарайся Толя! — последнюю фразу Вадим уже сказал без шуток. — Иначе у меня не получится хорошо зашить.

Дальше всё пошло очень даже серьёзно. Доктор принёс при помощи кухонной прихватки блестящую ёмкость со своими прокипячёнными инструментами и поставил рядом с улёгшимся на столе другом.

— Инга! Я сейчас руки помою. Потом польёшь мне спиртом. А сама готовься ассистировать мне.

— Без проблем!

Уж к этому я всегда готов. Как пионер... Кровь меня давно не пугает. А раны я видел и похлеще, чем простой порез бритвой.

Правда, вот так ассистировать ветеринару, во время пластической операции на лице человека, мне ещё не приходилось никогда...

Операция проходила практически в полной тишине. Доктор иногда подавал мне чёткие команды. Я чётко их выполнял. Звякали об эмалированную кювету отработанные инструменты. Туда же летели окровавленные салфетки.

На характерном носу у музыканта появилось два шва. Столько же украсили опухшую правую бровь. Края раны вроде бы стянулись ровно. Вот, что значит, когда рана нанесена тонким лезвием.

От разбитого стекла раны были бы более значительными. А уж когда в лицо бьют разбитой бутылкой... Я уже видел такое недавно... Но, надеюсь, что не скоро ещё увижу снова. Тем гопникам из Шуи я уже отомстил за Сашку и за Ингу... А найти нового злодея с рожей, порезанной разбитой бутылкой, когда ещё удастся...

Минут через десять, а может и пятнадцать, всё было закончено. Вадим раздавал послеоперационные инструкции:

— Пока не заживет, придётся тебе не умываться. Мочить рану не рекомендую. Швы могут загноиться... И ещё. Станет заживать, начнёт дико чесаться. Не чеши. Иначе превратишься в Квазимодо.

— А так я — красавчик, да?

— Пока ещё да. Я старался сохранить то, чем тебя наградила природа.

Снова вмешиваюсь в их перепалку. Я их даже понимаю. Нервы, после всего произошедшего, дают себя знать. И вот теперь весь этот немного дубовый медицинский

юмор вызван, скорее всего, именно этим. Даже я продолжаю разговор с интонациями великого Жванецкого:

— Ребята! А теперь серьёзно.

Всё внимание обращается на меня...

— Нам надо что-то сделать с тем безобразием, которое сейчас находится в ванной.

— Да... Избавиться от трупа — это проблема. — в голосе Натана звучит некая озабоченность...

— Не совсем с тобой согласен. — присоединился к обсуждению доктор. — Не такая уж это и проблема, но потрудиться нам всем придётся изрядно. И поломать голову тоже, чтобы труд наш не прошёл даром.

— Коллеги! — оба посмотрели на меня с вниманием. — Мы справимся. Но хозяин квартиры из этого процесса временно выпадает.

— Почему? — восторженный порыв музыканта ввязаться в преодоление кровавых последствий, был воистину не ниже, чем у Павки Корчагина, в одиночку готового строить узкоколейку через тайгу.

— Потому что ты — с раной! — подколот его добрый доктор Айболит.

— Я не сраный! — быстро огрызнулся ему в ответ пострадавший. — Я раненый.

— Стоп! — прекращаю эту перебранку. — Хватит спорить.

Оба молчат, внимая мне.

— Во-первых: У Вадима гораздо больше опыта и специальной медицинской подготовки. Поэтому, именно на него ложится самое главное — разрезать тело на мелкие кусочки для последующей утилизации. Из меня тоже помощница пока ещё не особо получится. Одной левой, я вряд ли смогу быть сильно полезной. Так что, Вадик, вся надежда тут только на тебя.

— А во-вторых? — интересуется тот, на кого возложили самую грязную работу.

— А во-вторых: Вадим! Ты знаешь, чем можно удалить следы от крови так, чтобы и следа не осталось?

— Есть такая химия. И у нас в клинике такую частенько используют. Всё таки операции на животных мы проводим периодически. Так что я знаю, где взять такую. Этот вопрос мы решим без проблем.

— А в-третьих: Большой вопрос, как потом все эти человеческие запчасти из ванной вынести и утилизировать так, чтобы на нас потом никакие ниточки не привели.

Все задумались. А я продолжил.

— Самое сложное — это кости. Кровь можно слить в канализацию, предварительно разбавив водой по сильнее. Мясо можно отделить от костей. Доктор с этим сможет справиться. Чтобы не таскаться потом по помойкам с кусками мясных образков, можно измельчить их и тоже разбавив слить в канализацию.

— Как измельчить? — Натан явно заинтересовался процессом.

— Нарезать мелкими кусками и пропустить через мясорубку.

— Фу... — музыканта не по-детски передёрнуло.

— Не корчи рожу, швы разойдутся! — одёрнул его заботливый врач.

— Есть ещё способ. С одной стороны будет попроще, а с другой, более невыполнимый в наших условиях.

— Какой? — чуть ли не в один голос спросили меня более взрослые участники нашего весёлого шабаша.

— Вывезти всё сразу на машине, например, внутри небольшого холодильника, положив его сверху на багажник нашей машины.

— Это было бы гораздо лучше.

— Но не в наших условиях.

— Почему?

— А где у нас есть три-четыре мужика, чтобы загрузить холодильник с грузом на багажник машины. И кстати, багажника на крыше машины у нас ещё тоже пока нет. Но вы не поверите... У нас ещё и холодильника нет ни у кого... Ни у Вадима, ни у Натана... Это большое упущение...

Все задумались...

— Но начинать с чего-то всё равно надо. Так что, Вадик, бери ножи, скальпели или что там у тебя ещё есть... И иди начинай готовить тело к транспортировке по частям с последующей утилизацией. Всё это надо сделать максимально быстро, пока соседей не стал интересовать неприятный запах из нашей квартиры.

Глава одиннадцатая

После эпических кровавых событий прошло уже целых два дня. Вадим взял у себя на работе отпуск за свой счёт, типа по семейным обстоятельствам. Конечно же он не стал уточнять на работе, что это за обстоятельства такие... Он уже принёс несколько килограмм разной химии в различной упаковке. Здесь были и склянки, и банки, и бумажные пакеты с вонючими порошками... Ещё он притащил с работы много резиновых перчаток.

Да... Недаром в советские времена бытовала поговорка: «Тащи с работы каждый гвоздь! Ты там хозяин, а не гость!»

Этим все грешили помаленьку помаленьку. И даже за грех это особо не считалось. Конечно же если тебя не поймали добрые дяди из ОБХСС. Для них за радость было поймать беднягу работягу вынесшего с родного завода пару железяк. В это же самое время руководители заводов порой могли вывозить грузовиками народное добро. Ловить их станут намного позже. Но это была уже налаженная система. А систему искоренять уже сложнее. Гораздо ведь проще поймать Васю Пупкина с батоном колбасы за пазухой, чем заместителя директора, члена КПСС с какого-то там года, орденоносца и прочее, прочее, прочее...

Это уже политика... А я решил в политику не лезть ни в коем случае. Ну и не полезу... Вернёмся к нашим баранам.

Теперь, когда Натан лежит весь пораненный, а добрый доктор Вадим занят расчленением трупа, на мне оказались все хлопоты по хозяйству. Закупка продуктов, готовка обедов, а также подготовка машины к перевозке «криминального багажа».

Багажник я легко и без проблем купил с рук на авторынке в Южном порту. Причём это была не корзинка из тонкой проволоки, а полноценный багажник, из четырёхгранных трубок. В Южный порт я не поехал на машине, а воспользовался общественным транспортом. Я старался днём, в светлое время суток, поменьше мелькать за рулём. Это ночью я проскакивал незаметно по пустынным улицам. А днём меня такого мелкого могли заметить. Ну ещё бы... Эдакая пигалица за рулём автомашины. Люди у нас бдительные и вредные. Разом капнут куда надо, чтобы правоохранительные органы приняли соответствующие меры.

А мне это надо? Вопрос, конечно, риторический...

Вот поэтому мне и пришлось нанимать частника, тоже с багажником на крыше. Он-то и привёз меня поближе к дому. Ну а дальше я тащил его на себе почти целый квартал. Потом уже положил на машину и позвал Вадима прикрутить полезный предмет на крышу.

Доктор только и рад был отвлечься от своей основной работы. Он ведь трудился в поте лица, не покладая рук. Но каждый раз перед выходом из квартиры, ему приходилось готовиться и переодеваться. Он предпочитал работать налегке, лишь фартук одевал, чтобы меньше пачкать одежду производственными загрязнителями. А основной загрязнитель в его работе — это остатки крови убиенного домушника. Как мы не сливали кровь, всё равно мясо мазалось коричнево-красным.

Для упаковки отдельных кусков и костей я приобрёл на Тишинском рынке штук двадцать или больше тканевых сумок, отделанных внутри клеёнкой. Пошил кто-то тоже небось, чтобы мясо таскать... Вот и нам под мясо надо...

Бытовые условия в нашей коммуне стали похуже, чем раньше. Умываемся теперь мы все на кухне.

А производить дефекацию теперь приходится не в одиночку, а в присутствии ещё одного индивидуума. Хотя ему-то разрезанному на части, уже всё равно... Но хоррор тот ещё. Жесть...

Человек такая скотина, что постепенно ко всему привыкает. Мы тоже привыкли не замечать всего этого кошмара. Но всё равно это каким-то образом давило на психику.

В один из своих выходов из дома, Вадим прикупил несколько бутылок коньяка. Спорить не буду... Коньяк он купил хороший. Но теперь они на пару с Натаном периодически пропускали по рюмашке... А потом по другой...

Я конечно же спросил их:

— Ребята! А вы не сопьётесь тут?

На что мне было компетентно заявлено, что для снятия стресса коньяк, расширяющий сосуды, очень полезен для здоровья...

Где-то я это уже слышал... А-а... Вспомнил. В кино было. В «Бриллиантовой руке». — «Для дома и семьи... Врачи рекомендуют.» Эх, Семён Семёнович...

А холодильник для наших дел, я тоже нашёл на Тишинке. Просто стал спрашивать у продавцов всякой всячины, так, на удачу. Народ сразу заинтересовался таким молодым, но денежным клиентом, как я.

Сначала мне предложили «ЗИЛ», большой, вместительный. Я отказался. Для нас это был уж слишком большой. Тяжело будет потом спускать его из квартиры, а потом ещё и поднимать его с «грузом» на крышу машины.

От совсем маленького «Саратова» я тоже отказался. Маловат он будет для наших нужд. Весь Сеня Петрыкин в него не войдёт. А вот на покупку потрёпанной жизнью «Юрюзани» я почти сразу же согласился.

В этом времени я уже давно и привык к советским деньгам и их покупательной способности. Я даже уже слегка ориентировался по ценам на бытовую технику и знал, что новый холодильник сейчас стоит примерно триста — триста пятьдесят рублей. Эта «Юрюзань» была далеко не новая. Лет десять не меньше со слов бывшего хозяина.

Ну, мы и поехали посмотреть вместе с продавцом. Ну, что я вам могу сказать по поводу холодильника? Белый, слегка покоцанный снаружи, внутри чистенький. Хозяин соловьём разливался. Машина, говорит — зверь! Морозит люто.

А чего тогда ты его продаёшь-то, спрашивается... А?

Поторговались, сошлись на сумме в двести рублей. Довольный продажей хозяин пообещал помочь с доставкой. Я согласился ещё за десять рублей. Сам-то я этот холодильник даже руками не трогал. На фиг надо оставлять на нём мои отпечатки.

Денег за холодильник я сразу никому не отдал. Оставив червонец в виде задатка, я дал «свой» адрес и договорился на доставку завтра, на середину дня. Сказал, чтобы привезли и выгрузили из машины. А на этаж мы с папой его потом сами типа поднимем.

Адрес я продумал заранее. Это через пару домов от нас. До нашего подъезда примерно метров сто — сто пятьдесят наискосок. А самое главное для нашего дела — это мусорные контейнеры рядом с тем домом. Вот там-то я и планировал принять заказанный груз.

На следующий день, ближе к полудню, мы с доктором Вадимом в образе моего «папы»,

ждали привоза холодильника. Стрелки часов уже сошлись на верхней точке циферблата и я начал слегка беспокоиться... Но, слегка опоздав минут на десять, а значит почти что даже и вовремя, подъехал небольшой грузовичок с надписью «Продукты» на боковых стенках кузова. На месте пассажира восседал мой вчерашний знакомый...

Бывший хозяин холодильника, получив обещанные двести рублей из рук «папаши», вместе с водителем бодро сгрузили заветную «Юрюзань» на землю, и уехали, обдав нас синеватым облачком выхлопных газов.

Дождавшись отъезда продавца, мы занялись вандализмом. Из сумки, которая была у Вадима с собой, были извлечены пассатижи, гаечные ключи, молоток и отвёртки. Надев резиновые перчатки, мы занялись демонтажем всего «лишнего» и «ненужного».

Внутренности холодильного монстра: полки и поддоны тут же ушли в мусорку. Мы отделили мотор и всё, что было тяжелым. Старались только лишь, чтобы холодильник снаружи по-прежнему выглядел как холодильник, да внутри оставался хотя бы немного герметичным.

Там где гаечные ключи и отвёртки не помогали, мы не заморачиваясь, перекусывали или отламывали всё, что нам было не нужно.

Через минут пятнадцать-двадцать, подхватив облегчённый до минимума бывший холодильник, мы потрусили к своему дому. У самого подъезда на смену мне пришёл Натан, с защитой мордой лица. Забинтованные его руки тоже скрывались под резиной перчаток. Вдвоём с Вадимом они уже более споро подняли «Юрюзань» в квартиру.

— Вадим! Скажи мне, как художник художнику... Ты машину водить умеешь?

— Немного да. Но прав на это у меня нет.

— Это плохо...

Нам ничего не остаётся, как рисковать. Холодильник уже набит сумками, с останками невезучего Чинарика. Вроде пока ещё вполне грузоподъёмный вес для двух моих взрослых помощников. Натан уже чувствует себя гораздо лучше... На нём всё заживает, как на... как на хорошем человеке.

Мы с Вадимом над телом Сени очень постарались. От целого человечка там мало чего осталось. Кости если только. Да и то, некоторые по частям.

Мясорубкой для измельчения некоторых кусков Сени Петрыкина, мне всё-таки пришлось воспользоваться. И вовсе не от кровожадности своей натуры, а по чрезвычайной необходимости. Чтобы навсегда избавиться от того, что тело смогут когда-нибудь идентифицировать по отпечаткам пальцев, я поступил следующим образом: Вадим отрезал обе кисти у трупа, а я их сварил в специально для этого купленном ведре. Ну а потом, отделив от костей кожу, пропустил через мясорубку. Так же мы поступили со всеми кусками кожи с синими тюремными татуировками. А у Сени их было такое приличное количество. Чего там только не было, и где только он их себе не накалывал... Такой затейник был наш покойник... Но и это всё ушло в фарш, а фарш ушёл в канализацию...

Прямо как в песне у Аллы Борисовны: «Фарш невозможно прокрутить назад...». Хотя... Вроде бы у Пугачёвой другие слова были в песне... Или ещё будут. Она же ещё даже не спела своего «Арлекина», да и вряд ли сейчас её хоть кто-то знает. Может уже и поёт где-то. Или ещё только учится? Я не особо увлекался историей её творчества. Ну да и ладно. А фарш уже точно назад не повернуть...

Ведро вместе с мясорубкой я вынес и выкинул подальше от дома, в разные мусорные

контейнеры. Мясорубку при этом ещё и разобрал на части...

Как наша инвалидная команда выносила холодильник и как его грузила на багажник — это особая песня...

Вымотались все вусмерть. Но вот теперь уже всё позади. Холодильник лежит на багажнике. Багажник прикручен к крыше машины. Бывший электроприбор вполне надёжно привязан к багажнику. На этот раз и я постарался, и Вадим помог. Замотали так крепко, чтобы холодильник и по дороге не улетел с машины, и чтобы любопытные туда не смогли заглянуть по дороге.

И вот мы собрались, загрузились в нашу тачанку, да и поехали куда глаза глядят. Специально для поездки выбрали вторую половину дня пятницы.

Теперь на любой вопрос от любопытных ментов, если такие возникнут в пути, отмазка есть: Типа мы на дачу едем, старый холодильник везём. А где наша дача? Да там, по Калужке под Малоярославцем, далеко ещё ехать...

Вот в ту сторону мы и поехали никуда особо уже не торопясь... А куда теперь торопиться? Теперь надо не спеша найти уютное местечко для последнего пристанища бывшего домушника Сени.

Невероятно, но это факт. Выехали мы из Москвы, без каких бы то ни было проблем. За рулём был я, такой красивый... Под себя подушечку подложил, чтобы сидеть повыше. Такие подушки обычно думкой называют. Рядом со мной на пассажирском сиденье расположился Вадим, а кое-как уместившись на заднем, сидит — хозяин машины по доверенности, со всеми правильными документами и правами. Голову ему доктор бинтом обмотал, чтобы раны и швы не было видно.

Дежурная отмазка у нас заготовлена такая: Хозяин машины в аварии пострадал. Ну а я его, на его машине, под его присмотром, не спеша на дачу везу. А с нами наш друг, сосед по даче. Причём мы готовы, если что, любой штраф прямо на месте оплатить. Специально для этого мы мелких денег по всем карманам распихали, чтобы крупными купюрами не светить. В этом времени это не модно. Это было модно у купцов в царской России, которые любили кутить в кабаках на широкую ногу. Это будет модно лет через двадцать у новых русских, которые будут кутить с не меньшим размахом.

Нас пронесло... Нет. Не в прямом смысле... Просто нами по дороге так никто и не заинтересовался. Хотя нам попадались и встречные и попутные менты. И сотрудник на посту ГАИ на нас никакого внимания не обратил. Ну, едет себе дачник-неудачник на горбатом «Запорожце», ну везёт на багажнике явно старый холодильник. Куда? Ну, вестимо куда. На дачу...

Отъехав от МКАД не так уж и далеко, я решительно свернул направо в сторону будущего громадного московского кладбища. Сейчас там тоже на этом месте есть старое кладбище, но оно пока ещё маленькое. Так сказать, местного значения. А вот в будущем здесь развернётся целый комплекс из нескольких территорий. Пол-Москвы можно будет тут в землю положить. Но и этого нового кладбища тоже не хватит. Москва растёт и размножается гораздо быстрее, чем успевают строить и открывать новые кладбища.

Вот такой вот парадокс...

Место это мне было хорошо знакомо, ещё по девяностым годам моего прошлого

будущего. Я частенько сюда на своём жигулёнке с подружкой приезжал для того чтобы уединиться. Ну не было у меня тогда других условий, а уединяться желание порою возникало так внезапно, что искать чего-то не было возможности. А здесь было тихо, спокойно, уютно и безлюдно...

Даже сейчас, лет за двадцать до моих походов сюда, здесь всё такие же уютные лесные грунтовые дороги с нулевым трафиком. Да и в лес можно легко на машине углубиться, не опасаясь застрять промеж деревьев. В общем, лес этот мне был хорошо знаком. Сюда я и приехал, для того, чтобы избавиться от лишнего компромата...

А чуть подальше там есть ещё и прудик. Вот и вопрос теперь у меня встаёт: Мы Сеню закапываем или топим? Ставлю вопрос на общее голосование.

Доктор Вадим за то, чтобы затопить. И я его в это очень даже понимаю. Потому что ему очень не хочется копать глубокую яму. Ведь из нашей госпитальной команды, он есть самый что ни на есть копабельный персонаж. Больше копать-то некому. Ни мне с одной левой рукой, ни Натану с его порезанными руками и свежими швами на морде лица.

А вот сам пан музыкант почему-то выступает против затопления. Ему всё время кажется, что останки трупа всплывут.

Даже я понимаю, что он не совсем прав. Вот и доктор пытается его переубедить, объясняя, что всплывает только целый труп, раздувшись от газов. А если трупу распороть живот и наложить туда камней, то целое тело не всплывёт. А куски мяса просто сразу уйдут на дно и будут употреблены местной подводной живностью, рыбами и раками. Но Натан Борисович настаивает на своём варианте. Закопать и поглубже...

А это значит, как всегда, что всё решать придётся мне.

Я предлагаю остановиться у лесочка и слегка прогуляться. Походим, подышим воздухом, посмотрим, осмотримся... Может, и найдём чего интересного...

Мы остановились даже не у лесочка на грунтовке, а прямо в самом лесочке, съехав с дороги довольно глубоко в лес. Широко растущие деревья и заросли кустов вполне позволяли перемещаться по лесу на машине. Особенно на такой небольшой как наш «броневик».

Отъехав метров на сто, я подумал, что нас уже и с дороги совсем не видно, да и не слышно.

Ну, что же. Пойдём! Погуляем!

Не прошло и нескольких минут, как мы нашли то, что искали. Всего-то метрах в тридцати-сорока от места нашей временной парковки. Большое дерево, упав то ли от ветра, то ли от старости, оставило огромный выворотень в районе корней. Дерево старое, корни объёмистые были. Глубокая ямка тут получилась. Упало дерево видимо совсем недавно. Земля вывороченная свежая ещё...

А это мы удачно зашли. Ну, то есть заехали... И яму копать не надо глубоко. Так слегка... Нашему Вадиму легче будет это делать, чем я его сразу и обрадовал, вручив ему свою сапёрную лопатку.

Можно было заморочиться и поиском большой лопаты... Но на один раз хватит и той, что уже есть.

Мы все облачили в резиновые перчатки. Нам нельзя, чтобы на холодильнике остались наши отпечатки пальцев. Не дай бог...

Хотя... Вряд ли кто потом сможет всё связать в один узел. Если только при допросе не расколется кто-то из моих друзей... Но, думаю, что вряд ли до этого дойдёт... Я просто

слишком уж мнительный. Из-за этого все эти мои перестраховки... В СССР, конечно, раскрывали преступления, но чаще это было из-за того, что всё было на виду. Хитрые преступники годами водили за нос и хваленый МУР и КГБ в придачу...

Вадим с лопаткой пошёл к дереву, а мы с Натаном стали отвязывать холодильник. Сам агрегат мы снимать с машины не планировали здесь, но чтобы вынуть из него наши мешки, надо было добраться и открыть дверцу. А для этого развязать наши хитрые узлы было необходимо.

Хорошо в лесу в мае. Народу никого. Для грибников-ягодников ещё рано. Да и время не для них. Уже вон слегка темнеет. В лесу темнеет рано.

Вадим копает там... Слышно, как он изредка матерится...

Я здесь по одному вынимаю мешочки из чрева «Юрюзани» и подаю Натану. Он их аккуратно складывает возле машины. Вот и всё.

Мешочков много. Но все они небольшого объёма. Вадим очень постарался, разбирая на части этот конструктор.

Ну вот... Лёгко на помине. Не успели мы закончить извлекать Сеню из холодильника, как появился доктор с лопаткой в руке наперевес и странным выражением на его круглом лице.

— Ну ты чего? Выкопал уже? — спросил его Натан.

— Ребята! Вы не поверите... — в голосе Вадима чувствовалось какое-то волнение...

— Что там такое? — спрашиваю я с ироничной насмешкой. — Клад что ли откопал?

Вадим посмотрел на меня ещё более удивлённо:

— А ты как догадалась?

Да, *ля... Немая сцена...

Глава двенадцатая

— Вадим! Это шутка такая? Вроде бы не время и не место так шутить... — Натан явно не поверил своему другу.

— Да какие тут шутки. Инга! Бери фонарик, пойдём, сама всё посмотришь и всё увидишь. Там в ямке без фонаря уже даже копать темновато.

Ну что поделать. Лезу в свой вещмешок. Там у меня есть всё на всякий случай. Ножи, револьвер, фонарик... Вынул фонарик, проверил. Горит. Я подумал-подумал, да и нацепил вещмешок на здоровое плечо. А вдруг пригодится...

Натана оставили у машины. Во-первых: Негоже бросать всё так вот, без присмотра. А во-вторых: Ещё не всего Сеню достали из чрева бывшего холодильника.

Мы с Вадимом идём к раскопу. Я спускаюсь в ямку под корнями упавшего дерева. Свечу себе фонариком под ноги... И понимаю, что доктор наш совсем ни фига не шутил...

На одном из склонов ямки, на глубине примерно в полметра от поверхности земли из грунта выглядывает какой-то непонятный предмет. Я пригляделся и понял, что это что-то типа кожаной сумки или саквояжа. Кожа от времени сильно скукожилась, а тут ещё доктор лопаткой добавил. Боковой край сумки оказался повреждён, а ниже по склону виднелись россыпью монеты. Блеск был тускло-жёлтым, но хорошо узнаваемым даже при свете карманного фонаря. Золото...

*ля... Реально... В натуре... Клад...

— Послушай, Вадим. А мы ведь не дураки вроде бы, и не пьяницы даже?

— Это ты к чему?

— Ну... Поговорка такая есть: Везёт по жизни дуракам и пьяницам.

— Угу... А ещё говорят: Везёт как утопленнику.

— Ну... Я не знаю. Это же ты предлагал утопить. Вот если бы мы тебя послушали и поехали топить, то...

— Слушай! Вот только ты не начинай...

— Нет. Мы реально — ДУ-РА-КИ.

Я скинул с плеча вещмешок, и снял с себя куртку. Всё равно измажусь, а так хоть с пользой. Расстелив куртку на дне раскопа, стал аккуратно подбирать все монетки, просыпавшиеся из повреждённого кофра, и складывать на ткань. Так их хоть видно будет. Просто если монеты класть на сырую землю, да в полутьме, то не трудно их снова затоптать. Штук двадцать уже нашёл. Похоже, что николаевские червонцы. А может и другого номинала. Но то, что это золотые монеты царских времён можно уже не сомневаться.

— Вадик! Ты давай аккуратненько обкопай эту кожаную сумку снизу. И старайся больше не повреждать тару...

— Не учи ученого. Я как только заметил, сразу прекратил все земляные работы.

— Если поглядеть, ты не особо-то и начинал ещё.

— Ну, да. Я же почти что сразу наткнулся на это...

— Давай, копай! Не отвлекайся! Скоро совсем стемнеет. Что будем делать? Костры жечь? Палатку ставить?

Бурча что-то себе под нос. Дескать: Раскомандовалась тут, мелочь пузатая...

— Я всё слышу...

Достав из вещмешка нож, начинаю помогать ему, ковыряя землю с другой стороны...

Минут через пять-семь клад уже слегка пошевелился в своей нише. В три руки мы его аккуратно вынули из земли и положили на расстеленную куртку. Конечно, этот саквояж, или как его там, весь в грязи, но видно сразу, что изделие старое, антикварное. Примерно конец девятнадцатого, начало двадцатого века. С таким обычно доктора ходили. Чехов там и прочие медики того периода...

Так что положили мы его сразу на куртку, чтобы больше уже ничего из него не просыпалось. Открывать будем уж точно не здесь и не сейчас.

А я решил слегка подшутить:

— Вадик! Ты подкопай слегка вокруг. Вдруг мы ещё чего найдём ценного.

— Что ещё ты хочешь здесь найти? Пулемёт Максима?

— А что? А вдруг...

Доктор снова копает и снова бурчит, что дети пошли не те, и пороть их некому...

— Я всё слышу... — язвительно отвечаю ему.

Но минуты через три усиленной копки вокруг вскрытой ниши, мы оба понимаем, что ловить тут больше нечего, заканчиваем бесполезную работу.

— Понесли, что ли...

— Сам донесу... — главный наш кладодобытчик подхватывает довольно увесистую ношу, завернутую в мою куртку.

Топаем к машине, где нас поджидает заскучавший, и умирающий от любопытства Натан.

— Ну что там? Правда что ли там клад нашли?

— А то как же. Целый чемодан золота. — отвечаю ему.

— Врёшь! — из-под бинтов на меня смотрят глаза обиженного ребёнка, у которого только что отобрали большую шоколадную конфету.

— Вот! — сухо говорит доктор, кидая на землю, мою куртку, которая распахиваясь, обнажает перепачканный в земле саквояж, из-под которого с тусклым золотым блеском рассыпаются монетки.

— О*уеть... — многозначительно говорит музыкант с консерваторским образованием.

— А с виду — приличный человек... Ещё и в шляпе... — укорительно замечает Вадим, ни к кому не обращаясь.

— Ребята! А давайте мы клады будем потом рассматривать. Нам бы не плохо пока другое наше дело закончить. У нас ещё вон Сеня в мешках не закопанный...

Я снимаю с плеча вещмешок, забираю из него наган, и пустую тару протягиваю другу.

— Натан! Попробуй прямо так запихнуть всё в мешок, а дома уже развернём и посмотрим. А мы пока пойдём злодея хоронить.

Переноска мешков с кусками тела к яме заняла довольно длительное время. Из каждого мешка мы вытряхивали в ямку содержимое, а пустой мешок аккуратно откладывали в сторону. Ниша, оставшаяся после клада, быстро заполнилась, а Сеня ещё не весь кончился. Засыпав этот схрон останков, Вадим стал копать ямку в другой стороне, подальше от этой.

Настроение у меня было игривое и решил снова подшутить над добрым доктором:

— Вадик, я тебя очень прошу лишь об одном. Не надо больше ничего в земле находить, а то мы отсюда до утра не уедем. Хватит нам на сегодня и одного клада. Второй клад нынче

не будем откапывать, ладно? Да и нет там для нас ничего особо интересного...

На эту фразу наш Айболит отреагировал весьма странно. Он пристально на меня посмотрел, и вдруг, отойдя в сторону от уже выкопанного углубления, стал копать новую яму совсем в другом месте, в противоположной стороне от предыдущего.

— Ты чего это? — я был в недоумении.

— А вдруг там снова что-то есть, раз ты так сказала. В последнее время ты редко ошибаешься. А чаще всего бываешь права на все сто процентов.

— Ты это всё сейчас серьёзно сказал?

— Серьёзной некуда. — продолжая усиленно копать в другом месте, ответил мне доктор.

— Вадим! Ну, ты же нормальный взрослый человек. Образованный... Так же не бывает, чтобы сразу в одном месте целых два клада находили. Да брось ты ерундой заниматься. Темнеет уже... Не время для шуток...

— Я и не шутил. А по поводу двух кладов в одном месте... Ты что, не читала Марка Твена? Помнишь, как индеец Джо, закапывая один клад, нашёл в той же яме и второй.

— Вадик! Перестань молоть чушь! Ну, какой Марк Твен? Это же писатель такой американский по имени Сэмюэл Клеменс. Он всё это придумал...

— А я где-то читал, что за основу он брал жизнь реальных людей и вплетал в свои книги вполне реальные истории. Приукрашивал, конечно, слегка. Ну на то он и писатель... Но всё же за основу он брал реальные факты... Так что второй клад тут вполне возможен. Дерево старое, большое. Росло тут с давних пор. Наверняка было хорошим ориентиром для тех, кто планировал после откопать свои зарытые сокровища... Только вот откуда ты, Инга, знаешь, что тут есть ещё один клад?

— Вадик! Нет тут больше ничего... Я пошутила так. Ну с чего ты вдруг решил, что мои слова хоть что-то значат?

— Понимаешь... Я сразу заметил, что ты, Инга, вообще человек мистический. И всё, что связано с тобой, покрыто ореолом таинственности.

— Блин горелый... И в чём это всё выражается?

— Ну, ты ведёшь себя почти всегда не совсем так, как ведут себя девочки в твоём возрасте. А чаще вообще совсем не так как ведут себя девочки любого возраста. В твоих поступках больше мужского проявляется, чем в поступках того же Натана.

— Ну, ты уж совсем своего друга опустил ниже плинтуса...

— Не перебивай, старших!

— Простите, дяденька!

— И не юродствуй! Тебе это не идёт.

— Ну и что такого мужского проявляется в моих поступках?

— Иногда ты оговариваешься, и говоришь о себе в мужском роде.

— И это всё?

— Нет. Не всё. Ты себя ведёшь в любой ситуации, хладнокровно, как солдат... Или даже скорее, не как солдат, а как боевой офицер, ветеран нескольких войн. Ты командуешь мною и Натаном, абсолютно не раздумывая. Причём приказы при этом ты отдаёшь чёткие и грамотно сформулированные. Всё к месту и ничего лишнего. Ты командуешь так, что даже не задумываясь ни на секунду, мы выполняем твои распоряжения. Потому что они отданы в нужное время и в нужном месте.

Вот это меня раскусили... Хорошо ещё, что он сводит это к какой-то мистической

хрени... Ну и как мне дальше вести диалог с этим пронизательным медиком? Всё отрицать, как партизан на допросе, или вилять хвостом, как лиса, заматывая следы на снегу?

— На этом всё, товарищ доктор? Или есть ещё что-то во мне загадочное и таинственное?

— Есть и ещё. И довольно много всего. Ты умело скрываешь следы преступления. Не делаешь это не как уголовник, не как преступник, а как матерый оперативник из уголовного розыска, специалист, который знает досконально всю работу правоохранительных органов. Ты знаешь не один, а сразу несколько способов избавления от трупа. Просчитываешь на несколько шагов вперёд и свои, и наши действия. Наверняка и действия сотрудников милиции ты тоже можешь просчитать наперёд. Ты даёшь умные советы там, где вроде бы совсем не должна разбираться девочка твоих лет. Кстати, сколько тебе лет по-настоящему, на самом деле?

Блин... Доктор... Да ты меня оказывается насквозь видишь...

— В апреле мне тринадцать исполнилось. Четвёртого числа.

— Ну-ну... Вот я и говорю... А ещё, когда я нашёл клад, ты не удивилась ни на секунду, ты даже раньше чем я произнёс слово «клад» спросила меня так язвительно: «Ты что, клад нашёл?»

— Но это же элементарно. Ты копался в яме и что-то там нашёл...

— Инга! Не валяй дурака! Я же говорил, что у меня аллергия на ложь и неправду.

— А как ты сам можешь объяснить все эти странные вещи, про которые ты сейчас мне рассказал?

— А я не знаю. Я просто не понимаю ничего с тех пор, как познакомился с тобой. Я тебе абсолютно НЕ ВЕРЮ... Но в то же самое время я тебе ДОВЕРЯЮ. Доверяю, как друг, с которым я не раздумывая готов пойти, что в бой, что в разведку...

— Разведка — это тоже часть боевых действий...

— Угу... И этому тебя тоже в твоём интернате научили? Вообще-то тактику ведения боевых действий и соответствующие этому термины изучают в военном училище, если я ничего не путаю... Только не говори мне, что у вас в школе была «Зарница» и тебе дали на один день почитать учебник сержанта воздушно-десантных войск?

— А почему сразу ВДВ?

Этот доктор уже сделал столько аналитических выводов из моих поступков. А знакомы мы с ним всего ничего. Да он просто гений. Ему бы преступления раскрывать, а не котом кастрировать...

— Потому что десантников у нас лучше учат, чем обычную пехоту. А ты в одиночку берёшь и связываешь уголовника. При этом действуя только одной левой рукой.

— Ага. И при этом я его так плохо связала, что он потом развязался и порезал бритвой лицо нашему другу Натану.

— Это лишь из-за того, что ты не смогла сделать правильный узел и затянуть его одной рукой. А потом пошла и той же одной рукой ликвидировала целого майора уголовного розыска.

— Ну и что из этого всего следует?

— А следует то, что ты совсем не та, за кого себя выдаёшь?

— Это что-то меняет в наших отношениях?

— Пока ещё нет. Но в будущем, я очень хотел бы всё же поподробнее знать, с кем делю хлеб, и с кем закапываю трупы врагов...

— Я не знаю, что тебе сейчас ответить. Ты такую речь тут задвинул, как Троцкий с трибуны...

— Ты видела Троцкого?

— Нет. С Лейбой Бронштейном я лично не знакома. Его убили задолго до моего рождения в Мексике. Его там Рамон Меркадер ещё в сороковом году ледорубом в голову тюкнул, а на следующий день Лев Давидович и помер.

— И откуда такие подробности?

— А ты сам как думаешь?

— Мы с Натаном уже говорили про тебя.

— Обсуждали, значит, за моей спиной... Перемывали мои бедные девичьи косточки...

— Он рассказал мне и про гнев божий, и про меч господень. Его это сильно впечатлило.

— А тебя?

— А я не знаю. не понял ещё пока... Я в первую очередь медик. А медицина мистику не очень-то приветствует.

— Да перестань ты! Какая мистика? Какой гнев божий?

— Вот и я говорю...

— Ага. И отказываешься копать там, где я якобы напророчила ещё один клад? Не смей меня!

— Ты хочешь, чтобы я копнул там? Ты же сказала, что не стоит выкапывать, то, что там лежит, чтобы не задерживаться здесь до утра.

— То есть, ты точно уверен, что там, в той ямке что-то есть, если я так сказала?

— Не исключено... Я конечно далёк от мысли, что это так. Но проверять почему-то не хочется.

— А если ты там начнёшь копать и ничего не найдёшь... Что тогда? Тогда ты не будешь больше говорить про мою мистическую сущность?

— А вдруг там что-то есть? Мне тогда придется поверить и в потусторонний мир, и в колдовство с ведовством. Не знаю уж, как там у вас это правильно называется.

— У кого, у нас? Вадим! Ты точно бредишь.

Доктор насупился. Он перестал копать свою яму. Посмотрел на меня изучающе, а потом выдал:

— А давай так! Я сейчас начинаю копать там, где ты сказала, что...

— И что дальше? — перебиваю его.

— Если там я нахожу ещё один клад, или ещё что-нибудь интересное, то ты мне честно рассказываешь о себе. И ответишь на все мои вопросы более подробно, чем сейчас. Но запомни: Я ложь почувствую. У меня это хорошо развито. Я с животными общаюсь, а они разговаривать не умеют. Но я их чувствую. Не знаю как, но чувствую и понимаю. Поэтому тебе будет очень трудно меня обмануть...

— А если ты там ничего не найдёшь.

— Тогда просто закопаем останки этого урода и уедем отсюда.

— Договорились. — я легко соглашаюсь, так как ни на грош не верю в то, что клады растут так часто.

Вадим перебирается на место, где он планировал копать изначально, и начинает втыкать лопатку в землю. Ну а я с иронией наблюдаю за ним. Копает он так самозабвенно, будто бы действительно ищет клад. Если бы у меня с собой были сигареты, то сейчас

обязательно бы закурил, любясь этой картиной. Правильно говорили древние: «Можно бесконечно долго смотреть, как горит огонь, как течёт вода, и как работают другие...»

Доктор копал молча. Вот прошло уже три минуты. Он с остервенением снова и снова вгрызался в податливую землю, пока его лопатка не стукнулось обо что-то с глухим звуком. Не метал и не камень. Это уж точно...

— В корень, небось, попал, — скептически прокомментировал я.

Вадим стал аккуратно копать вокруг того места, где лопатка наткнулась на преграду. Мой скептицизм стал постепенно улетучиваться. Когда вокруг препятствия образовалась овального вида канавка, кладоискатель посмотрел на меня и сказал:

— Ножик дай! Тут надо осторожнее.

Я протянул ему свой стилет, и он стал аккуратненько очищать то, что находилось в ямке посередине. Уже не было сомнений, что ямка не пуста, но я всё ещё тешил надежду, что там камень, деревяшка, кирпич... Да что угодно...

Ну откуда здесь второй клад? Здесь что, аномальная зона? Или на том дереве, что упало, раньше табличка висела с указателем стрелкой вниз, и надписью: «Клады закапывать только здесь!»

Но через пару минут на поверхности дна неглубокой ямки, нарисовался силуэт небольшого сундучка или ларца, с ручкой на вершине. Потянув за ручку, Вадим с трудом извлек на поверхность подтверждение моего шутливого пророчества. Было понятно, что ящичек не пустой и довольно тяжёлый...

И хотя он был облеплен землёй, но просматривался реальный такой ларчик, оббитый металлическими полосками и даже, кажется, украшенный цветными камнями. По крайней мере, красный и зелёный блеск я увидел в свете моего уже почти севшего фонарика.

Ну что я могу тут сказать? Мне ничего не оставалось, как только громко вслух, даже не произнести, а просто выдохнуть, не оглядываясь ни на какие приличия:

— О*уеть...

Глава тринадцатая

По-быстрому закидав остатки Сени Петрыкина в выкопанные ямки, и тщательно забросав их землёй, я ещё затоптал места нашего копания, а уж потом мы пошли к машине. Я нёс пустые мешки, а Вадим — найденный сундучок. Мы молчали. Тяжело так молчали...

После извлечения сундучка из ямы, доктор без слов передал мне нож. Причём передал правильно, как надо, рукояткой ко мне. Видно, что товарищ опытный в общении с острыми колюще-режущими предметами. И всё это Вадим проделал молча. Только глаза его сверлили меня не хуже лазеров.

Теперь же мы молча плетёмся в сторону машины. Молчание тягостное. Такое ощущение, что оно давит сверху, как невыносимый груз...

У машины нас встретил озабоченный нашим долгим отсутствием Натан со словами:

— Чего вы там так долго копались?

Вадим всё так же молча, протянул ему тяжёлый сундучок, а я иронично прокомментировал:

— Да вот. Ещё один клад нашли...

Если бы у бедного музыканта не была перебинтована голова, то его челюсть обязательно бы упала на землю. Именно так он выглядел, принимая от своего старого друга грязный ларец. Причём принял он его, не рассчитав что тот может оказаться тяжёлым, и чуть не выронил, когда руки ощутили его реальный вес.

— Грузи это тоже в багажник, а я пока костерок по-быстрому разведу. Надо спалить мешки.

— Может не здесь? — это были первые слова Вадима после выкапывания второго клада.

— А почему не здесь?

— Отъедем подальше от того места...

— Ага. И в темноте будем искать новое место для заезда в лес.

— Ты как всегда права... — Вадим был философски спокоен.

Я собрал сухих веток. Их тут было полно, только не ленись нагибаться. Костерок сразу занялся, стоило поднести зажженную спичку к кусочку бересты.

Мешки, сгорая, немного чадили. Ну, ещё бы. Внутри же они из клеёнки. Минут через пятнадцать всё было кончено. Даже если кто и найдёт это место, то подумает, что глупые туристы в костёр бросали всякий мусор. По крайней мере, вряд ли кто будет здесь проводить следственные мероприятия.

— Пора двигаться дальше. Нам ещё от холодильника надо избавиться.

Отряхнув свою вымазанную в земле куртку, я не побрезговал снова её надеть на себя.

— Ничего не забыли?

— Да вроде бы нет, — ответил Натан.

Вадим же по-прежнему, глубокомысленно молчал.

Расселись по своим местам. Я завёл машину, зажёл фары и понял, какую ошибку сделал. Заехав в лес, я не догадался сразу развернуть и поставить машину мордой на выезд, старый я дурак...

Сейчас стемнело. Подсветки заднего хода на этой машине нет, от слова совсем не

предусмотрено. Как теперь будем выезжать?

Впереди кусты. Довольно густые на вид. Вряд ли у меня получится их протаранить так, чтобы не повредить машину. А могу и просто повиснуть на них, как танк на постаменте.

Посмотрел назад. Ни хрена не видно. Наоборот, после того, как фары зажгёт, стало позади ещё темнее.

Нажал на тормоза. Лес позади меня подсветился таинственным красным светом... Отпустил тормоза... Тьма...

И что делать?

Когда я объяснил ситуацию Вадиму, он сразу согласился быть моими глазами. Взяв фонарик, он отправился наружу. А я открыл стекло, и слушая его команды, стал передвигаться по лесу. Для начала мы в несколько приёмов развернулись, а потом он пошёл впереди с фонариком, а я двигался сзади...

Плутали мы не так долго. Просто мне приходилось ехать медленно-медленно. Ну не давить же мне моего вперёдсмотрящего, который шагал впереди меня, выискивая дорогу без ям и кочек промеж деревьев.

Через некоторое время мы выехали на грунтовку, и посадив Вадима, покатали в сторону шоссе. Молчание висело в машине как вязкий и липкий кисель. Даже Натан уловил это и не пытался завязать разговор.

Выехав на шоссе, мы свернули в сторону от Москвы. Дорога стала получше, но настроение нет никакого. Мне приглянулся один поворот налево примерно километров через пятнадцать, а может и двадцать, я не засекал. Не раздумывая, сворачиваю туда. Благо мне никто не мешал это сделать, да и я никому не мешал по дороге.

Снова грунтовка. Снова лес по бокам. Отъехав от трассы километра на три, я притормозил на обочине.

— Парни! Ни кому не надо проветриться? Надо бы осмотреться. Если всё тихо, сбрасываем в канаву холодильник и едем домой. Только не забудьте надеть перчатки.

Моя команда стала выбираться из машины. Через десять минут облегчившись сами и облегчив нашего «жужика» от надоевшего уже ему груза на крыше, мы бодро пилили в сторону столицы...

Почему-то я так устал, что меня даже в сон потянуло.

— Натан! Ты сейчас сможешь машину вести? А то я уже выключаюсь. Как бы чего не вышло.

— Может, я сяду за руль? — вмешался Вадим.

— У тебя же прав нет.

— А у тебя они есть? Давай проверим и мою везучесть?

— Ага. И на вопрос гаишников: А что везёте на ночь глядя? Мы откроем багажник и...

— А у Натана они не попросят открыть багажник?

— Ты посмотри на него! Кто попросит у забинтованного человека поздно ночью открывать багажник?

— Давай хотя бы чем-нибудь прикроем сундучок.

— А я уже это сделал. Набросал туда всего. Чехлы вон с заднего сиденья снял... — сообщил нам Натан.

Я притормозил. Мы поменялись с ним местами. Я пристроился на заднем сиденье, и засыпая уже, почти что шепотом сказал.

— Поехали к Вадиму. Всё ценное лучше там оставить...

После этого я просто закрыл глаза и заснул...

Растолкали меня примерно через час. Я уже заснул и никак не хотел подниматься. Но кто-то почти в самое ухо громко скомандовал: «Рота! Подъём!». И тут уж я проснулся.

На меня смотрел Вадим и улыбался, ехидной такой улыбочкой.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

— Какой на хрен, граф? Поручик Кац! Вы белены объелись?

— Вставай! Приехали!

— Да, да, уже встаю...

Я потянулся. Бли-ин... Всё тело ломит. И в спину, что-то твёрдое упирается. А... Наган... Будь он не ладен. Как вчера за пояс сунул сзади... Какое вчера? Ещё сегодня, в лесу... Что я несу? Сколько времени? Часы на руке. Полдвенадцатого... Чего же меня так в сон тянет?

Парни подхватили груз. Натан тащил завернутый в чехол от заднего сиденья, саквояж, а Вадим сундучок, тоже накинув на него сверху какую-то тряпку. Мне оставили ключи и поручили закрыть машину. Сняв дворники, бросил их под сиденье. Закрыв обе двери, я на полусогнутых поплёлся, вслед за ушедшими друзьями.

В голове болтались недодуманные мысли...

Что же мне теперь нужно рассказать Вадиму, а заодно и Натану о себе такого, чтобы и за психа не приняли, и поверили, и чтобы мы после этого по-прежнему оставались не только единомышленниками, а ещё и просто хорошими и верными друзьями.

Но мысли куда-то ускользали. Спать хотелось невероятно. Еле доплёлся до заветных дверей. Двери для меня оставили открытыми. Зайдя в комнату. Сбросил с ног отяжелевшие ботинки... Надо бы себе обуви купить поудобнее... Поплёлся в комнату, посреди которой на полу валялись портфель с бумагами майора...

Блин. Надо бы и с ними ещё разобраться... А ещё меня ждал саквояж, и сундук... Я упал на диван, прям так не раздеваясь, лицом вниз... Подушка приняла меня с радостью.

А дальше память моя уже не могла ничего запомнить, потому что следующим утром, когда я проснулся рано-рано, да и то, что терпеть уже не было никаких сил.

Слава богу, очереди в туалет с утра никакой не было. Ребята спали на полу. Вадим на матрасе, а Натан просто на постеленных прямо на пол пальто, или ещё какой-то одежды. Я не разглядывал особо.

Принесённое вчера, и другие неразобранные трофеи куда-то убрались. Не сами, конечно. Вадим, видимо убрал куда-нибудь, с глаз долой, чтобы не отсвечивали...

Сняв, наконец, с себя грязную, испачканную ещё вчера в земле куртку, я поплёлся на кухню ставить чайник...

В голове было пусто-пусто. Есть такая костяшка в домино. Вот такой костяшкой сейчас была моя голова. Ощущение, как после попойки. Наверное, напряжение последних дней, дало себя знать. А вернее не само напряжение, а то, что его не стало раз и вдруг... Вот этот самый откат, или отлив, как хочешь назови... Это хуже состояния похмелья. Там я хоть знал, чем подлечиться...

По коридору, по моему маршруту, туда же, куда я забежал пару минут назад, прошлёпал босыми ногами Вадим... Блин блинский. Я же у него тапочки заиграл. Они так и остались на той квартире у нас. Надо ему новые купить... Да и себе тоже... И Натану...

Что за мысли с утра дурацкие. Какие тапочки? Какие-то бытовые мелочи меня так тревожат, будто бы я собираюсь жить здесь вечно?

Я собираюсь жить долго... Но не здесь...

Или здесь?...

Да что не так-то?

Почему я такой разбитый? Может я заболел?

Вот доктор сейчас вернётся, у него и спрошу.

Чёрт возьми... Надо же ему ещё и рассказать что-то. Я обещал вчера в лесу... А обещание надо держать.

Чтобы ему такого соврать, чтобы и не соврать совсем, но и не рассказывать ему всего...

Как же надоело врать людям, которые тебя считают другом. Разве можно врать друзьям?

И рука чешется под бинтами. Всё не слава богу...

Шум смываемого унитаза, шум воды, льющейся в раковину. Сейчас доктор выйдет из ванны и мне надо будет что-то ему сказать...

Что-то сказать...

Почему-то вспомнился старый анекдот, как двое сильно выпивших мужчин после бара делятся друг с другом проблемами. Один жалуется собутыльнику:

— Не представляю, что я скажу жене, когда приду домой в таком пьяном виде...

Но у друга есть свой рецепт разговора:

— Не понимаю тебя... У меня всё без проблем...

— Это как?

— А я, когда прихожу домой, обычно говорю жене: «Здравствуй, милая!»

— Ну а дальше?

— А всё остальное мне скажет жена...

Кстати, неплохой способ вести диалог. Закидываешь мяч на сторону собеседника и передаёшь игру в его руки.

Вадим в отличие от меня с утра выглядел бодрым и свежим.

— Чай будешь? — спросил я его.

— Буду. — он был лаконичен, как никогда.

Вообще-то обычно он и шутил, и балагурил, излучая вокруг себя ауру жизнерадостности. Но после того разговора в яме, ничего такого в нём не чувствуется.

Я залил кипятком заварку в маленьком фарфоровом чайничке, и в ожидании того, как мелкие обрезки чайных листьев заварятся, сидел без дела...

— Поговорим? — начал Вадим.

— Может не сейчас. Я не очень хорошо себя чувствую. В голове, как с похмелья пусто и одиноко.

— Ты знаешь, что такое похмелье?

— Увы... Там, где я жила последние несколько лет, многие дети даже знают, что такое запой.

— У тебя что-то болит? — включил он режим «доктора».

— Рука чешется, сильно, там... под бинтами... А состояние, будто я всю ночь разгружала вагоны с углем.

— Ты и вагоны с углем умеешь разгружать? — уже шутливым тоном начал говорить Айболит.

— А чего там уметь? Хватаешь лопату. «Бери больше! Кидай дальше! Отдыхай, пока летит...»

— Ясно. Снимай рубашку. Сейчас посмотрим твою рану.

Он ушёл в комнату. Вернулся уже более одетый, чем со сна. В руках у него бинты, ножницы и кое-что ещё. Не важно... Я уже снял рубашку, обнажив бинты на плече и шрамы на теле.

— Мне кажется, что твои шрамы на животе как-то посветлели. — сказал Вадим, разматывая бинты на плече.

Я посмотрел на свой живот. Действительно. Раньше оттенок был ближе к багровому, и швы выглядели более рельефно. А теперь кожа посветлела, а швы казались старыми. Кожа разгладилась как бы... Как будто этим шрамам и швам не год, а все лет десять.

Сняв последний оборот бинта с плеча, доктор молча смотрела на рану, которую он зашивал всего лишь дня три-четыре назад...

— А это ты мне сможешь хоть как-то объяснить?

— Что объяснить? — моё недоумение было неподдельным. Я реально не понимал, что ещё мне надо ему объяснять...

— Вот это... — указал он мне на моё плечо.

Скосив глаза, я попытался получше рассмотреть шрам от пули, с двумя ниточками швов. Сзади мне рассмотреть не удастся. Но спереди, там, где пуля входила в бицепс, мне было всё видно... Нитки, да... Торчали из кожи... А вот на месте ранения было всего лишь более светлое пятнышко и всё... Если бы не знать, что на этом месте совсем недавно была рана и если бы убрать нитки, всё ещё торчащие памятником абсолютной бесполезности, то никто бы и не догадался, что кожу в этом месте прострелили из пистолета ещё не так давно.

Повернув мою руки и осмотрев сзади, Вадим мне сообщил, что там вообще следа не осталось от разреза, через который он доставал пулю... Я подвигал рукою, поднял повернул, крутанул... Никаких затруднений. Как будто это и не моя, а новая рука...

Ну и что я ему скажу? Откуда я могу знать, почему свежая рана исчезла за ночь... А то, что она исчезла именно за ночь, я не сомневался. Так как при последней перевязке вчера, всё было на месте, и рана, и шрамы...

Доктор, подрезав ножницами швы, выдернул нитки из тела. Остались лишь красноватые точки на месте, где были нитки.

— Одевайся! Но я жду объяснений...

— У меня их нет, доктор. — проговорил я, натягивая на себя рубашку, — Я сама в шоке. Произошло что-то, о чём лично я понятия никакого не имею. Я постараюсь разобраться в этом. Когда пойму, откуда растут ноги у этого чуда, вырву их на фиг.

Доктор посмотрел на меня изучающе, пристально и в упор, а потом сказал:

— Лучше мне потом расскажешь, когда узнаешь. Я чувствую, что ты сейчас действительно не в курсе того, что происходит с твоим организмом.

— Честно. Не в курсе.

— Верю. Но остальное...

— Обязательно расскажу. Но чуть позже. Дай хоть в себя придти после такого шока.

— Сам в шоке. Понимаю тебя? Давай чай пить. Он уже заварился.

— Натана разбудим?

— А я не сплю. — донёлся голос из комнаты. Плавнo перемещаясь в сторону туалета. — Чай тоже буду.

На столе появилась третья чашка. Все чашки были разные. Видимо хозяин квартиры не заморачивался в собирании коллекций фарфора, как это принято в «приличных» домах мещанской Москвы. Но это никого из присутствующих не раздражало. Хоть из жестяных, хоть из глиняных кружек, но горячий чай с утра — это ЧАЙ! Бодрит и пробуждает.

К чаю у нас было юбилейное печенье, хотя я бы не отказался и от бутерброда с маслом или с колбасой. У Вадима с этим были проблемы. Холодильника в доме не было...

Вот дела! Сапожник без сапог. И с этим человеком мы ещё вчера раскурочили целый работоспособный холодильник, чтобы выкинуть потом его где-то в Московской области.

Наш человек! Уважаю! Но холодильник ему надо подарить обязательно.

Например, на день рождения...

— Вадим! А когда у тебя день рождения?

— Хорошо, что спросила... Главное вовремя... Двадцать пятого...

— А какого месяца?

— Двадцать пятого мая...

— То есть позавчера... Было... И ты молчал?

— Дык... Я в это время в ванной со скальпелем развлекался... Прости меня, но там мне не с кем было об этом поговорить...

— И ты молчал? Не мог сказать...

— А что бы это изменило?

— Ну... Я не знаю.

— Вот. Вот поэтому и молчал. И кстати, Инга, я тебе одну очень интересную вещь скажу... — Вадим перешёл на заговорщицкий шепот. — У Натана день рожденья тоже двадцать пятого мая.

— Вы чего прикалываетесь надо мной?

— Нет. — Натан посмотрел на меня с иронической улыбкой. — А чего было говорить. Столько всяких дел, а тут... Мы что, накрыли бы стол и стали праздновать там, рядом с этим...

— Не продолжай! — Вадим тронул друга за руку: — Получилось даже лучше.

— Чем лучше? — повёлся Натан на провокационный вопрос.

— ТАКОГО дня рождения у меня никогда не было и дай бог никогда больше не будет. Я думаю, что и у тебя тоже?

— Да, ребята. Ну вы даёте... И что же в один день и в один год? Вы прямо как братья.

— Нет. Толя меня на год старше. Мне тридцать три исполнилось, а ему уже тридцать четыре.

— А учились вместе? В одном классе?

— Так получилось, — вздохнул Натан. — Я один год пропустил из-за болезни.

— Мы из-за этого и подружились тогда. Ещё во втором классе, когда нас учительница в один день поздравила.

— Ну, тогда с меня подарки вам обоим! — провозгласил я.

— Да там полная комната подарков. У меня столько подарков никогда не было.

— А неплохо бы покопаться в наших трофеях и разобраться, что к чему.

Мы, дружно топая, переместились в комнату. Но начать разбор ценных трофеев нам не дал пронзительный звонок в дверь.

Это было очень неожиданно...

Гостей мы, кажется, не ждали. Я быстро пробежал глазами по комнате... Вроде бы нигде и ничего такого... Мои бинты уже в мусорном ведре. Ведро под мойкой. Не видно.

Чёрт! Нож на руке под рубашкой... Срываю по-быстрому и кладу под подушку на диване. Рука натывается на лежащий там наган. Сюю его под диван, чтобы было не видно, но не слишком далеко... А вдруг...

Снова осмотрел комнату, коридор... Кроме грязной обуви, ничего в глаза не бросается...

А Вадим тем временем идёт к входной двери. Глазка у него нет, но он просто щёлкает замком и распахивает дверь...

Мы с Натаном, стоя у входа в комнату, из-за плеча хозяина квартиры смотрим и видим, как за порогом стоит немолодой усатый милиционер в форме лейтенанта. Он привычным жестом козыряет, поднеся ладонь к фуражке, и спрашивает строгим голосом, обращаясь к Вадиму:

— Гражданин Кац?

Глава четырнадцатая

Я стоял как вкопанный и не знал, что мне делать...

Бежать в комнату и нырять под диван за наганом, или всё же подождать. А вдруг ничего страшного не случилось?

Что-то я стал слишком уж кровожадным.

Сколько я уже ментов продажных замочил за последнюю неделю? Трех? Нет. Четверых...

И ещё в придачу четверых гражданских...

Нет. Если прибавить Ивановских ночных грабителей, то шесть будет...

А всего сколько жмуриков на свою карму повесил?

За последний месяц?

А за последний год?

Не пора ли остановиться? Передохнуть, да выдохнуть... На море съездить отдохнуть...

А тем временем, усатый лейтенант улыбнулся, Вадиму, хотя его улыбка была немного невесёлой.

— Здравия желаю! Это ваша машина стоит у подъезда?

— Запорожец? Светло-голубой?

— Так точно.

— Нет, это моего друга. — он обернулся и указал на Натана с забинтованной головой. — Что-то случилось?

— А документики ваши можно увидеть?

— Мои? — удивлённо спросил Доктор.

— И ваши, и друга вашего. Ну и на машину тоже?

Натан проявил несвойственный ему раньше апломб, и решил включить режим гражданина «качающего свои права».

— А в чём собственно дело?

Тёртый сотрудник правоохранительных органов, видимо уже не раз сталкивался с таким, поэтому он сразу пошёл в «атаку»:

— А что у вас с головой, гражданин? — он сделал паузу после слова «гражданин», в ожидании того, что гражданин тут же назовёт свою фамилию.

— Левин. Анатолий Богисович, — Натан уже протягивал строгому милиционеру свои документы. — Удагился. В машине. Гезко затогмозил.

— Понятно...

Милиционер взял документы в руки... Там была целая пачка. И паспорт, и водительское удостоверение, и документы на «Запорожец» с доверенностью от хозяина машины.

Бегло глянув в паспорт Вадима, милиционер изучил документы Натана. А потом уже представился сам:

— Вот и познакомились. Ну а я — местный участковый. Пилипенко Степан Григорьевич.

Теперь я понял, что в его разговоре меня слегка напрягало. Украинский акцент... Он даже себя называл примерно так Пильпэнко Стэпан Хригхорыч. Мягкий такой акцент, как у человека, привыкшего с детства говорить на суржике.

— Проблэмка у вас такая нарисовалась. — сказал он возвращая документы Натану. — Колёса с вашей машины этой ночью сняли...

Фу-ух... Я бесшумно выдохнул...

А Степан Григорьевич продолжил:

— Да. Два колеса зараз... Заявление будэте писать?

— А есть в этом какой-то смысл?

— Конечно, есть... Я их уже споймал.

Ну, ни хрена ж себе. Вот это работа! Вот чем занимаются настоящие правильные милиционеры, а не те, которые создают банды грабителей и крышуют местных гопников.

— И кто это?

— Та, то наши... Местные тунеядцы-пьяницы. Работать нэ хочут, а выпить зараз любят. Так будэте писать заявление на них?

— А что им будет за это?

— Посадют. Год другой может и дадут. Но вряд ли им это ума прибавит. Детишек их жалко. Да и жёнки от них дюже плачут.

— А если не сажать... Вы их накажете, по-своему?

— А як же. Пропишу им по пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Пусть потрудятся. Им это полезней будет.

— Ну, тогда может не стоит марать бумагу и уголовное дело возбуждать. Придётся ведь к следователю ходить. Это же столько времени будет потрачено зря. Колёса-то нам вернут?

— Конечно. Они у меня на опорном уже лежат. Вмести с этими. Задержанными... Пойдёмте. Там усё и порешаем.

— Я там буду нужен? — спросил Вадим.

— Наверное, нет. Только ещё один вопрос: Почему у вас гражданин Левин ночевал?

— Так мы поздно вчера приехали. А у него голова разболелась. Вот он и остался. Как раз собирався уезжать, а тут вы... Степан Григорьевич! А может я вместо Толи за колёсами схожу, а то у него голова... Вдруг давление поднимется... Я же доктор, я знаю.

— Можете и вы сходить. Колёса же опознавать не надо. Они и так подробно уже рассказали, где и у кого сняли. Я же их спозаранку ещё споймал. Решил на опорный пораньше придти, а тут они наустречу идут с колёсами в руках. Ладно... Пойдёмте уже!

Вадим с участковым ушли, а мы сели и уже шумно выдохнули...

Фу-ух... Пронесло. Напряжение последних дней никак не отпускало. В любом сотрудиике в форме виделась опасность. Да и вообще, опасность грезилась почти за каждым углом. Надо с этим что-то делать. Выпустить пар, так сказать. Нажраться, что ли? Друзья не поймут моего душевного порыва. Но, скорее всего, поддержат его... Опять парадокс получается...

Нет... Нажраться конечно можно, но это не выход из положения. Нужен более глобальный отдых. Полежать на солнышке, позагорать...

А что? Это хорошая мысль!

А что надо делать с хорошей мыслью?

Надо хорошенько её подумать.

Подумать... Всё продумать... А потом уже поделиться с ребятами.

Натан остался дома, а я оделся, чтобы помочь Вадиму поставить колёса на место. Взяв ключи от машины, я вышел из дома.

Запорожец стоял одной стороной на кирпичах, как танк на постаменте. Получился такой памятник самому себе.

Я осмотрел место происшествия и нашёл все гайки практически там же, где снимали колёса. Они лежали аккуратными кучками по четыре у каждого колеса. Ну вернее у того места где ещё недавно было, а скоро снова будет стоять колесо.

Сразу видно, что колесо снимал мастер своего дела. Всё аккуратненько. Гаечку отвернул, рядышком положил.

Молодец! Вот не пил бы, был бы мастер. Его бы рвение, да на добрые дела пустить. А почему нет?

Проще будет, когда эти тунеядцы-пьяницы выйдут со своих пятнадцати суток, за денежку малую привлечь их, чтобы за машинкой во дворе приглядывали, да чужих отгоняли. Так всем будет польза. И им и нам...

Я открыл машину, залез в багажник, достал домкрат и баллонный ключ. Скоро Вадим с колёсами подтянется, мы их на место поставим...

И надо бы сразу съездить запаску починить. А то, как прокололи колесо в Ивановской области, так и не сделали ещё. А без запаски ездить себе дороже. Или даже лучше иметь две запаски. Вот как раз для таких случаев, как сейчас.

Вадим всё не появлялся. Зато невдалеке от машины появились два незнакомых мне подростка. Оба по возрасту примерно моих лет. Ну если один из них, может чуть постарше, а другой — чуть помоложе... И при этом ещё один меня на полголовы повыше, а другой как раз на полголовы пониже.

Похожи они были друг на друга, ну как родные братья. А может они и братья на самом деле. Это мне неизвестно...

Шпана что ли местная? На лицах вроде бы следов интеллекта не обнаружено.

Угрюмые такие. Смотрят на меня прям так, как волчата на мясо. Я что их кошку вчера переехал ночью? Не было такого. И не я это...

Или с утра я им в стакан с чаем плюнул? Тоже не помню за собой такого.

Но баллонный ключ уже удобно лёг в мою обновлённую правую руку.

Старший из них приблизился ко мне. Но не вплотную, а так... для разговора. Он пацански сплюнул мне под ноги, и процедил:

— Это из-за тебя, что ли нашего папашу в тюрьгу теперь посадят?

Я, однако, за словом в карман не полез:

— А не фига чужие колёса у порядочных людей тырить по ночам.

Я смотрел на него в упор, чуть снизу вверх, но в моём взгляде, если чего и можно было прочесть, то лишь то, что не стоит со мной связываться...

Но на этого пацана мой издевательски наглый взгляд, кажется, не произвёл никакого впечатления. Дерзкий парнишка, однако.

— Это ты что ли порядочный?

— А у кого-то есть сомнения? Я их легко смогу развеять...

Парень не дослушал меня, и дернулся ко мне со словами:

— Да, я тебя щас, козлина, без сомнения...

Договорить он не успел. Это для удара кулаком расстояние было большим, и ему ещё надо было сделать подшаг вперёд. А для вертушки с ноги, расстояние самое что ни на есть то.

Я крутанулся на левой ноге, а правой с размаху вклепил ему ботинком в челюсть. Его

снесло, как подрубленный дубок.

Упал он нехорошо так, плашмя. Мордой в землю... Ушибся, наверное. Я так и спросил у его младшего напарника:

— Ты поди глянь! Он там не ушибся?

— Ты чё сделал? — похоже малой не успел заметить, что произошло.

— Ну, извини! Немного перестарался. Он первый начал...

Младший брат, позабыв про меня, подскочил к лежащему на земле старшему, и стал его тормошить. Полминуты тормошения и брат пришёл в себя... Не. Не совсем пришёл.

Он уже присел... И сидя на земле, смотрел на этот мир сквозь затуманенные глаза. В его глазах читалось типа: «А чё это сейчас было?»

Я всё думал, будет ли он продолжать быковать, когда придёт в себя или краями разойдётся...

Даже если и сейчас не отважится напасть, чтобы снова не получить, то потом сможет подянку сделать. Стёкла в машине побить или вообще поджечь. С такого станется...

Но всё дальнейшее развитие этого события прервал Вадим с двумя нашими колёсами в руках.

— Инга? А что тут у вас такое происходит?

— Да вот, дядя Вадим. Ребята предложили мне помочь колёса на место поставить...

— А скажи мне, Инга, почему этот мальчик сидит на земле?

— Споткнулся. Ты дядя Вадим иди домой, а мы с ребятами тут сами справимся.

— Ну ладно... — задумчиво произнёс доктор, положил колёса рядом со мной, развернулся, и как ни бывало, отправился в сторону подъезда.

Не обращая внимание ни на ушедшего Вадима, ни на сидящих на земле братьев, я стал поднимать машину на домкрате, чтобы поставить переднее колесо. Спинным мозгом стараясь прощупать и оценить обстановку за спиной. Оглядываться — это сейчас будет означать проявление слабости. Вот я и не оглядываюсь. Кручу себе домкрат, да гайки насаживаю...

Но это совсем не значит, что я ничего не слышу. Эти двое уже стоят за моей спиной, и к тому же уже довольно близко. Не дальше полутора метров.

Послышался голос старшего. Голос его уже не такой наглый, а скорее заинтересованный?

— Тебя Ингой зовут?

— Ну... — продолжая закручивать гайки на колесе, отвечаю я.

— Так... Ты — девчонка что ли?

— А ты думал кто?

— Я думал, пацан залётный...

— Ага... А тут дерзкая залётная девчонка. Ну и чё дальше?

— Ты... Это... Того... Извини!

— За что?

— Ну... Девчонок вроде бы... бить запаadlo.

— А ты меня бил? — хитро улыбаясь, я повернулся к нему, так как с передним колесом я уже закончил.

— Нет... Но хотел же... А ты меня как это?

— Повторить? Могу... — я улыбаюсь, но по-доброму, без наезда...

— Не... Лучше научи!

— Чтобы ты потом маленьких обижал? — я включаю режим «девчонки» и поддразниваю этого крепкого, но не слишком сообразительно парнишку.

— Я... нет. Я маленьких не обижаю...

Тут на арену выходит младший брат:

— Да ты что? Витька наоборот, заступаетея всегда за младших, если чужаки наезжают. И вообще...

Что вообще, он не закончил. Но получилось очень даже многозначительно.

— А чего же он тогда на бедную девочку решил с кулаками напасть?

Младший за словом в карман не полез. Видимо он был более живчик, чем его старший брат:

— Ну, ты не такая уж и бедная. Вон машина у вас. А откуда он знал, что ты девчонка? Одетая, как пацан, базаришь как пацан. А дерёшься... ващце, круто. Как в кино.

— В каком кино?

— В индийском. — с придыханием произносит он.

А я вспомнил, что действительно для мальчишек, плохо поставленные сцены драк в индийских фильмах, в эти времена — это было круто... Это потом уже, когда в видеосалонах стали крутить фильмы с Брюсом Ли и Джеки Чаном, то индийские фильмы померкли и ушли на третий план...

— Я таких фильмов не смотрела. И совсем не знаю, как там дерутся. Но теперь, когда мы разобрались, что я девчонка, может кто-то скажет мне: Чего вы до меня докопались? И чего вам ещё от меня надо?

— Ты... Это...

У старшего явно был перекос в мышцы рук и ног с оттоком крови от головного мозга. Из серии: «Я не тормоз, а медленный газ.» Хорошо, что у него есть такой шустрый младший брат, который помогает ему говорить. Младший снова влез в беседу, продолжая доносить до меня мысль начатую старшим?

— А нашего батю в тюрьму теперь посадят?

— Да нет... Участковый сказал, что по пятнадцать суток им дадут, за хулиганку. А уголовку возбуждать никто не будут. Мой папка не стал даже заяву писать. Вернули колёса и ладно.

Старший выдохнул с облегчением, а младший стал «знакомиться»:

— А меня Серёгой зовут, а его — он кивнул на старшего — Витькой.

— Ну а я — Инга!

— Мы уже поняли. А где ты так ногами махать научилась?

— В цирке.

— В ци-ирке?

Сказано было так, как будто я прилетел из космоса с другой планеты.

— Ну да. Батя мой в цирковом оркестре — музыкант. А мама... — я сделал паузу. — Акробатка. Ну, гимнастка, в общем... была. Только она погибла.

— Разбилась? В цирке?

— Нет. Бандиты зарезали. И поэтому теперь я бандитов и шпану всякую, не очень то люблю...

— Мы не шпана...

— Ну, тогда я испанский лётчик.

— Что, правда?

— Не будь наивным, Серый! Где я и где Испания?

Между делом, я уже закончил крутить гайки, убрал домкрат в багажник и закрыл машину на ключ.

— А теперь братья-кролики, расскажите мне, зачем вы свинтили колёса с нашей машины.

Младший приготовился задвинуть очередную речугу. Я понял, что он мастер поговорить. В девяностых, такие разговорчивые будут грузить лохов и разводить их на бабки одним лишь базаром.

— Ты мне горбатого не лепи, Серый! Я тебе сейчас подробно нарисую, как всё было. Это ты подбил Витьку снять колёса с нашей машины, а потом и бату тоже ты подбил продать эти грёбаные колёса на авторынке в Южном порту.

— А... Откуда ты знаешь?... — на его лице было удивление вперемешку с ошеломлением. Но он быстро опомнился? — Это не я.

— Серый! Ты не гони мне пургу. Не на ту напал. Там где вас учили, мы преподавали. Ты понял?

— Понял. — он поспешно кивнул. Но в его глазах пополам с испугом читался восторг. Чувствую, что он как губка впитывал мой «базар», и скоро все эти мои словечки в его устах заживут новой жизнью. Способный парнишечка. Далек пойдёт, если милиция не остановит...

— Ты мне лучше вот что скажи! — снова обратился я к Сергею, так как общение с Виктором у меня никак не складывалось, — Кто колёса снимал? Виктор?

— Да... А что?

— Просто, хотела сказать спасибо, что все гайки не разбросал, а аккуратно сложил рядом. Он, наверное, к технике способный?

— Да. Витька — мастер. Знаешь какой? Любой механизм может починить. — в голосе Сергея чувствовалась гордость за своего старшего брата.

— Ну а на кражу на фиг пошли? Что денег на водку не хватает?

— Не... Не на водку... на еду... — он опустил глаза. Ему явно было стыдно.

И тут неожиданно в разговор вмешался Виктор. Видимо тема была больная не только для младшего, но и для старшего брата:

— Хватит болтать, Серый! Домой пошли! Мамке помогать надо.

Ну, надо же, какая длинная речь у него получилась? Неожиданно для такого неразговорчивого пацана...

— Ты погоди съезжать с базара. Мы же ещё не закончили. Пошли, присядем! — я кивнул на скамейку, стоящую поодаль. — Разговор есть. Серьёзный...

Минут через десять я уже знал всю их историю. Обычная такая, совсем банальная и типичная советская история. Мать болеет. Поэтому и не работает. Отец работает, но бухает. Практически, всё что заработает, всё и пропьёт. Потом просит прощения у матери, клянётся что завяжет. Но стоит деньгам появиться в его руках, как крышу у него срывает, и он снова пьёт. Чтобы выжить, пацаны приворовывают, но так по мелочам. Даже вот с колёсами так и случилось. Придумал всё это именно Сергей. Он большой выдумщик на всякие дела и проказы. А исполнил Виктор. Потому что он парень с руками, растущими из нужного места. Продать колёса подпрягли отца с его дружкой. Потому что у мелких пацанов никто не купит. Отнимут просто или ментов вызовут. А папашу они планировали проконтролировать.

Хотели догнать и вместе с ними пойти на рынок. Но успели увидеть лишь, как их участковый поймал и на опорный пункт отвёл. Решили уже, что отца посадят. Батя бы своих сыновей ни за что не сдал бы. Сам бы сел, но не сдал бы. Он уже раньше сидел за драку по молодости. Потом вроде бы остепенился, женился, но вот пить начал.

Обычная, банальная история. Кто потом вырастет из таких вот пацанов? Дай бог, если Витя не сядет до совершеннолетия. Отслужит в армии, вернётся и будет работать где-нибудь на заводе. Руки-то у парня вроде бы из нужного места растут. А Сергей может влипнуть не по-детски. Слишком шустрый и шептливый парень. Его бы энергию, да направить в нужное русло.

Ну и что мне с ними теперь делать? Я прикинул и так и эдак. А потом вдруг неожиданно для них и даже для себя произнёс:

— Парни! А на меня будете работать?

Глава пятнадцатая

На меня пристально смотрели две пары мальчишеских глаз. Виктор смотрел глубокомысленно и задумчиво. Он ещё не переварил сказанное мною. А в глазах Сергея быстро-быстро бегали толпы разных мыслей. Он уже просчитывал разные варианты, сомневался и искал в моих словах подвох. Он первым и задал вопрос:

— А что надо делать?

— Да всё что угодно. Но только не то и не так, как вы это делали раньше. Мне не надо, чтобы вас менты загребли. Поэтому надо будет меня внимательно слушать, и не делать лишних телодвижений. И если вы будете работать на меня, то другие ваши делишки придётся оставить. Потому что мне не надо, чтобы вы попались на какой-нибудь ерунде, в тот момент, когда будете мне нужны.

— А сколько ты будешь нам платить?

Да. Сергей молодец. В корень зрит. Всё верно. Договариваться надо «на берегу», а в море уже капитан хозяин.

— А сколько бы ты хотел получать?

— Сто рублей! — не раздумывая, выпалил он. Видимо эта круглая сумма с двумя нулями для него представляла большую ценность.

Я молчал, продолжая смотреть ему прямо в глаза. Он немного смутился, чуть отвёл взгляд...

— Ну. На двоих. По полтиннику каждому.

Я ещё немного помолчал, как бы обдумывая его слова. Хотя мне по большому счёту уже всё давно было ясно...

— Давай так, Серый! Пока ничего серьёзного не будет, я просто буду вам платить... Полтинник в месяц... На двоих. По четвертному на брата. Это значит, что вы ничего не делаете, просто получаете от меня деньги. Всего лишь за то, что не влезаете никуда, не воруете, но при этом и не голодаете. Так пойдёт?

— Ну, вроде бы... Но как-то маловато...

— Серёжа! Не смейся мои тапочки! Тебе маловато денег за то, чтобы просто ничего не делать? Ну ты и наглец!

— А если...

Я же говорил, что соображает он довольно быстро.

— А если подвернётся какое-нибудь серьёзное дело для вас с братом, то ваш доход будет больше. А может быть, и значительно больше. Всё будет зависеть от того, какое дело мы с вами провернём. Такие условия тебя устроят?

— Мы с братом должны посоветоваться.

— Серёга! Хватит тут Ваньку валять. Ты же у вас за главного. Виктор старше тебя, но решаешь всё равно ты.

— Мы согласны! — и это произнёс не Сергей, а Виктор.

Возможно, до него только дошло моё предложение, а возможно он не такой уж и тугодум, каким хочет казаться.

В принципе, неплохие, в общем-то, ребята. Не успела их ещё жизнь окончательно обломать и испортить. Хотя предпосылки к этому уже были и ещё пока есть. Может мне

удастся хоть что-то исправить в их жизни?

— Договорились! — я пошарил по карманам и выгреб оттуда примерно рублей двадцать разными мелкими купюрами. — Вот держи! Это аванс. Пересчитай.

— Двадцать три рубля. — Сергей быстро пересчитал уже свои деньги. Явно ещё не веря в такое быстрое обогащение.

— Три рубля — это за этот месяц. Он уже почти прошёл. Осталось всего ничего до июня. Двадцать — это аванс за июнь. Потом добавлю ещё тридцать. Теперь мне нужны ваши координаты.

— Что?

— Так... Телефон у вас есть дома?

— Не... Нету...

Кто бы сомневался. Откуда телефон в квартире обычных работяг, достатка ниже среднего. Вот и у Вадима, и у Натана тоже нет телефона в квартирах. Хотя доктору, пусть даже и ветеринару, телефон в квартире совсем не помешал бы...

— Тогда говори свой адрес, и где вас искать, если вас дома не будет.

— Мы в этом же доме живём, только подъезд у нас второй. Квартира двадцать первая на первом этаже. Вон наше окно.

— Ясно. Только, парни, сразу скажу, что рассказывать про меня никому не стоит. Это значит никому от слова «совсем». Если кто что спросит про меня, то просто знакомая. Или знакомый, если кто сразу тоже не просечёт, что я девчонка.

— Ага. Я до сих пор не могу поверить. — прогудел Виктор.

— А ты поверь... — я сделал паузу. — И ещё. Присматривайте за машиной, пока она здесь будет стоять! Ладно?

— Хорошо... — дружно ответили, причём оба брата сразу.

— А деньги все сразу не тратьте. Только на самое необходимое. Если будет надо, я всегда добавлю. Но это если будет действительно надо. Договорились?

— Лады! — весело сказал младший.

И мы распрощались, пожав друг другу руки. Я поднялся наверх, где меня уже ожидал слегка остывший завтрак.

— Ты чего так долго? — спросил Вадим.

— Да тут такое дело. — решил пошутить я, — Нанял я на работу двух несовершеннолетних бандитов. И они поклялись мне, что на меня готовы работать лишь за еду.

Шутка не удалась. Вадим с Натаном смотрели на меня, как на дьявола, который только что прикупил ещё две бессмертные души себе в копилку.

А я ел остывшую яичницу, и мне было глубоко пофиг, что обо мне сейчас думают мои друзья. Если будут какие-либо непонятки, то я им всё объясню.

— Какие планы на сегодня? — после завтрака у меня всегда хорошее настроение.

— Ну, я не знаю. — Натан был безынициативен сегодня.

Его, в принципе, устраивала роль ведомого, и он не вылезал на ведущие роли с предложениями по планам. Пытаюсь взять в свои руки руководство:

— Может, вернёмся тогда к изучению трофеев. А то нас грубо прервал участковый, на самом интересном месте. Кто «За»?

Но у Вадима было слегка другое мнение:

— Инга! А ты не хочешь сперва объяснить нам всю эту чертовщину, что творится возле тебя?

Грубо... Резко... Конкретно... Но он имеет на это право. Я всё же дал слово ему, тогда, в яме.

— Хорошо! Хочешь поговорить? Давай! Только давай так сразу определимся: Ты задаёшь вопросы, а я стараюсь правдиво тебе отвечать. Но не жди от меня ВСЕЙ правды. Это не мои тайны. И совсем ВСЁ я не смогу тебе рассказать. Я не пытаюсь обмануть или как-то покривить душой. На те вопросы, на которые смогу ответить, я отвечу честно и подробно. Большого я обещать тебе не могу. Прости! Тебя это устроит? Или ты будешь меня пытаться, пока не узнаешь обо мне абсолютно всё?

Натан смотрел на нас с Вадимом непонимающими глазами. Он явно недопонимал, что на самом деле здесь творится. Не обращая на него внимания, глядя только на меня, доктор высказал своё видение предстоящего мероприятия:

— Хорошо! Но вопросы будут конкретные.

— Парни! Я ещё одно добавлю. Если вам мои ответы покажутся странными, не кидайте в меня сразу тапками. Я всё объясню подробно, если возникнет такая необходимость. Ну, давай. Вадим! Начинай меня пытаться!

Новоявленный детектор лжи в виде шибко умного доктора, сел напротив меня, и вперившись взглядом прямо мне в глаза, стал задавать вопросы. Если не знать заранее, то со стороны было бы похоже, что в гестапо идёт допрос партизана...

— Как тебя зовут?

— Инга. Ингрид Ромуальдовна Котти. Родилась четвёртого апреля 1957 года.

— Какие ещё у тебя есть имена?

— Александра Павловна Котова. Год рождения 1954, день рождения четырнадцатое ноября. Эти документы я прихватила в интернате, чтобы при достижении по этим документам шестнадцати лет, пораньше получить паспорт на это имя и так сказать легализоваться. Сама Александра Котова погибла во время нашего побега из психиатрической больницы. Нет. Сразу говорю. Это не я её убила, а пьяная санитарка. Бутылкой по голове сзади ударила. На трёх вокзалах я совершенно случайно познакомилась с родной тётёй Александры, которая теперь проживает в Армавире. Я не знала, что она родная сестра матери Александры, когда представилась ей поддельным именем. Но она поверила в то, что я её племянница. И даже сказала, что я похожа на предполагаемого отца Александры. Он немец. Был в плену, работал в Иваново, что-то строил. Зовут Пауль Каттер. После освобождения уехал в Германию. Через восемь или девять месяцев у Светланы Ивановны Котовой родилась дочь Александра. Тётя сказала, что у меня такие же светлые волосы, как были у Пауля.

На этом месте Вадим на меня нехорошо посмотрел.

— Ну да. Сейчас я крашенная. Через неделю проступят светлые корни волос. На самом деле я очень светлая.

На этом месте Натан в знак подтверждения кивнул.

— Светлые волосы у меня от отца. Хотя он не был немцем. Мой настоящий отец — Ромуальд Котти был из румынских цыган.

Натан снова кивнул.

— Ещё я пользовалась именем Марии Анатольевны Левиной, 17.01.1957 года рождения,

когда мы с Натаном ездили в Иваново. Там в гостинице при заселении я использовала документы Маши.

Я замолчал... Я ждал, что Вадим задаст ещё один дополняющий вопрос. И тогда мне придётся рассказывать про Александра Юрьевича Котова, бывшего десантника, бывшего опера и т. д. и т. п. Но видимо слишком большой объём информации, который я уже выдал, сбил его с толку... Следующий вопрос прозвучал для меня неожиданно, но я был готов к ответу:

— Ты веришь в Бога?

— В какого? В какого-то конкретного? Нет. Я скорее всего агностик. Я не отрицаю возможность существования бога или богов, как бы их не называли люди. Но я и не могу принять существование бога или богов. Ведь имена богам придумывают люди. А зачем мне верить во что-то придуманное другими людьми? Если будет такая необходимость, то я придумаю имя для своего бога. Пока такой необходимости не возникало. Но я не атеист. Я верю, что что-то свыше обязательно должно существовать. Но не какой-то конкретный бог или боги, а что-то более сверхъестественное. Высший разум, информационное поле или ещё что-то в этом духе. Так что возможно что-то или кто-то где-то там и создал нашу жизнь. А может и сейчас следит за нами, и руководит нашими поступками. Я ответила на твой вопрос?

— Интересная позиция... Есть над чем подумать. А что ты узнала, когда побывала там, за гранью жизни? Ведь ты там видела что-то такое, чего не видят простые смертные...

Вопрос с подвохом. С одной стороны под эти видения я могу подвести свои знания о будущем, но с другой стороны такой совсем не тонкий намёк на то, что я уже не принадлежу к простым смертным. Хитёр доктор, хитёр. Ему бы в психиатры пойти или в прокуратуру следователем, а он кошечкам да собачкам клизмы делает...

— Я начну отвечать с конца твоего вопроса. Я тоже простая и смертная. Меня можно убить так же легко, как и любого из нас. И ты это сам видел, и сам зашивал на мне раны. Но я действительно что-то видела там, когда я чуть было не потеряла свою жизнь. Были у меня там разные видения. Что-то я поняла, а что-то нет. Что-то смогла запомнить, а что-то пролетело мимо моего внимания стремительно и неосознанно. Мне кажется, что я видела картинки из будущего. Но всё это надо проверить. Вот возьми какой-нибудь блокнот или тетрадь. Я сейчас расскажу тебе кое-что из того, что смогу вспомнить. А ты попробуешь потом сравнить с тем, что произойдёт после на самом деле. Если что-то сойдётся, значит, я действительно видела будущее. А если нет, то значит, это был просто бред, вызванный ограничением кровоснабжения головного мозга. Будешь записывать?

— Позже. Ещё успею... А пока ответь, почему ты ведёшь себя не так, как ведут себя обычные девочки твоего возраста?

— Вадим! А что ты знаешь о девочках моего возраста и их обычном поведении?

— Ну, во-первых, они хотят побыстрее повзрослеть.

— Я уже повзрослела. Даже слишком быстро. И я не хотела этого быстрого и болезненного взросления. Так что мне уже некуда торопиться...

— А ещё они любят красивые платья, и вообще, наряжаться, краситься, украшать себя. А ты?

— А все эти твои девочки потеряли родителей в шестилетнем возрасте? Они тоже попали в автомобильную аварию, и будучи зажатыми в покорёженной машине, на морозе, замерзая, больше часа смотрели в глаза своей мёртвой матери, и видя, что у отца больше нет

половины головы? Если ты забыл, то моих родителей смяло в автомобиле от удара железнодорожного состава, а я тоже находилась в той же машине. На минимальном расстоянии от смерти? А этих твоих девочек били сразу пятнадцать человек, накинув на голову одеяло, чтобы она не видела тех, кто её бьёт? Этих твоих легкомысленных девочек бандиты заставляли по верёвкам спускаться с крыши и красть одежду с балконов, чтобы заработать немного денег? Эти твои девочки были изнасилованы сразу тремя малолетними подонками? Эти гады сначала меня избили, потом связали, а после изнасиловали, а некоторые и не по одному разу... После того, как я пообещала никому об этом не рассказывать, меня развязали. Но когда я врезала кирпичом их главному, меня снова избили и сбросили с крыши девятиэтажного дома. Посмотри в окно, Вадим! Ты живёшь на пятом этаже. Высоко? А там было в два раза выше... Я выжила только потому, что упала на дерево, и ветка этого дерева пробила меня насквозь. У меня удалили всё, что было во мне женское. Какие к чёрту платья? Какие украшения? У меня уже никогда не будет детей. А ведь я должна была в будущем стать настоящей женщиной, женой, матерью. Ничего этого у меня не будет. У меня даже не будет месячных, потому что им неоткуда взяться... Если я не начну принимать лекарства и специальные гормональные препараты, то, возможно, умру лет через несколько. Скажи мне, Вадик! Все эти твои обычные девочки тоже пережили нечто подобное в таком же объёме?

Я выдыхаю после такой длинного и продолжительного эмоционального диалога, но снова продолжаю:

— Я несколько месяцев жила только одной мезьтью. Да. Я убила всех троих подонков, которые меня изнасиловали год назад и планировали убить. Мне снилось, как я их убиваю. И для этого, начиная с больницы, я усиленно тренировалась. Мои родители, если ты помнишь, были воздушные гимнасты. Я с детства занималась рядом с ними. Я всегда была гибкая, крепкая и сильная. Но я ни разу не была воином или бойцом... Раньше я такой не была... Но я уходила в дальний коридор больницы, и била в стену ногами и кулаками, разбивая руки в кровь, воображая, что бью и убиваю врага. Я на самой себе пробовала, куда надо бить, чтобы сделать больно, чтобы убить... Теперь я могу ударить человека один раз и он умрёт. Теперь я знаю куда надо бить. В больнице я прочитала все книги про войну, про разведчиков, про милицию и бандитов... Всё что там нашлось... Я брала шариковую ручку, линейку, всё, что попадало под руку. Это был мои тренировочные ножи. Я мысленно поражала врага ножом. Я резала, колола и била. А потом, через некоторое время, мне показалось мало одного врага. И я устраивала воображаемый бой с двумя или тремя противниками. Это оказалось сложнее, но не на столько. Ты просто представляешь, что один стоит прямо перед тобой, другой слева, третий справа. И начинаешь работать ножом или кулаками, ногами... Но они тоже ведь не будут стоять на месте. Я мысленно заставляла их двигаться, и мысленно убивала. Убивала много, много, много раз... И у меня получалось. Сначала получалось с воображаемыми противниками, а потом получилось и с настоящими.

Я попросил дать воды, а отпив большой глоток снова начал:

— Но потом я поняла, что мои полтора метра роста и сорок килограмм веса — это критически мало, для боя со взрослым и подготовленным врагом, который меня может одной рукой поднять и выбросить в окно. Тогда я выкопала землянку недалеко от воинской части, и забравшись на дерево, следила за тем, как охраняют оружейный склад. Долго следила. Но потом нашла слабое место в охране. Я уже была готова проникнуть на склад, просто ждала когда появится удобный для этого день. Но поехав за продуктами в маленький

городок, попала в неприятную ситуацию. Выйдя из магазина, я села на скамейку, перекусить. Но я не успела даже булочку съесть... Доесть мне не дали. Ко мне ни с того, ни с сего докопались местные гопники. Трое. Им, каждому из них, было лет по семнадцать-восемнадцать. Здоровые парни. Они захотели меня ограбить, решили избить и отнять деньги... Где была милиция, которая должна охранять маленьких девочек от таких вот бандитов? Милиции рядом не было. И я справилась с ними сама. При этом я никого из них не убила. Я просто вырубил, сначала одного, потом второго, а после и третьего. Это было трудно, но я справилась. И тут как раз и появилась наша доблестная милиция. Сержант и капитан.

Большая пауза. Мне просто надо отдышаться чуток, собраться с мыслями:

— Один из бандитов был сыном этого сержанта. Парня давно бы посадили, но папа его всегда отмазывал, прикрывал, решал все вопросы. Простой сержант... Он меня ударил. Большой сильный сотрудник милиции ударил маленькую тринадцатилетнюю девочку так, что она потеряла сознание. Я упала на лавочку. Там стоял мой рюкзак. А в рюкзаке, только что купленная мною, трёхлитровая банка с соком. Когда он меня ударил, я упала на рюкзак, банка разбилась, осколком банки мне исполосовало спину. У меня там и так были шрамы. И вот появился ещё один. Я потеряла сознание. А что сделал капитан милиции? Он же всё видел... Он наказал своего сотрудника? Нет. Он арестовал этих троих бандитов и наказал их? Нет. А что он сделал? НИ-ЧЕ-ГО! Совсем ничего... Правда, он всё-таки вызвал скорую помощь для меня. Но у меня с собой не было никаких документов, а так как я была без сознания, то я не могла назвать своего имени. Если бы я назвалась Ингой, меня бы вернули в интернат. Мне это было не надо. Я просто сделала вид, что у меня амнезия. Думала, подлечат и отпустят с миром. Но менты договорились с врачами, и меня сразу поместили в психбольницу. А там, в психбольнице я совершенно случайно встретила Александру Котову. Да, да. Ту самую. И она мне рассказала, что её эти самые трое малолетних бандитов избили и изнасиловали. Обещали убить. Тогда она схватила разбитую бутылку и врезала одному прямо в лицо. Другие двое убежали. А она шла голая и окровавленная с разбитой бутылкой в руке. И что? Ей помогла наша доблестная милиция? Нет... Её хотели посадить за нанесение тяжких телесных повреждений дружку сына того сержанта. Она быстро поняла это и сообразила, что надо притвориться невменяемой. Её менты тоже отправили в психушку. Там, в больнице её стали накачивать таблетками. А по ночам её насиловали санитары. Каждую ночь, в течение года. Она даже пыталась покончить с собой, она пыталась перегрызть себе вены. Её откачали, накачали наркотиками и снова насиловали. Когда я попала туда, то мне в первый день дали таблеток, но я только сделала вид, что проглотила их. Поверили. А ночью Сашка рассказала мне, что будут со мной делать санитары по ночам. Сделав вид, что сплю, я дождалась, когда ночью в комнату придёт санитар и убила его. Но перед этим связала и допросила. Он подтвердил всё сказанное мне Александрой. Пытаясь уйти оттуда, мы нарвались на санитарку, которая бутылкой по голове убила Сашку. Эту санитарку я тоже убила. Найдя в больнице свою одежду я сбежала, угнав мопед санитары. После чего вернулась в свою землянку возле воинской части...

Да... Долгая история у меня получилась. Но раз уж начал, надо закончить. Надеюсь, что после уже ни у кого не будет никаких вопросов.

— А потом я проникла на военный склад и взяла там оружие. Часть оставила в землянке. Взяла с собой лишь пару наганов. Добралась до Москвы. В первый же день встретила Натана. И он меня узнал, через много лет после того, как видел в последний раз.

Ты его тогда не видел. Он был тенью самого себя. Когда он мне рассказал, что произошло с его семьёй, то я поклялась, что помогу ему и отомщу злодеям. Ты уже знаешь, что мы нашли тех, кто убил Миру и Машу. И мы их всех убили, включая капитана милиции, который покрывал банду и хранил все деньги. А потом мы поехали забрать оставшееся оружие и наказать тех санитаров, что насиловали девушек в больнице. Я и это сделала. Их больше нет. На обратном пути мы случайно наткнулись на тех троих, кто изнасиловал Сашку. Да... Ту самую банду, главарём у которых был сын того сержанта. Я случайно их увидел у реки, где мы с Натаном мыли руки после ремонта машины... А эти трое пьянствовали на другом берегу. Я убила ножом всех троих. Но тут вдруг неожиданно появились на мотоцикле те самые сержант с капитаном. Я выстрелила в сержанта, а капитан выстрелил в меня. Я добила их обоих. Последствия ты уже знаешь. Ты сам меня зашивал. Ну а дальнейшие события происходили уже при тебе. И теперь ты спрашиваешь: Почему я не такая, как другие девочки моего возраста?

— Нет, Инга! Больше не спрашиваю. Хотя ты раньше уже рассказывала про это всё, но без подробностей. Извини, что я не верил тебе. Прости меня, пожалуйста! Я был не прав...

Ну, вот и ладненько. Как мне кажется, на этом сегодня день вопросов и ответов закончен. Как же я устал... Надо бы сегодня пораньше лечь спать...

— Инга! Только один вопрос пока остался без ответа...

— И какой же?

— Почему так быстро заживают и исчезают твои раны на теле?

Твою ж мать...

Ну и что я ему на это отвечу?

Глава шестнадцатая

— Вадим! К сожалению, у меня пока нет ответа на этот твой вопрос. Но я очень постараюсь в этом во всём разобраться. И как только я сама во всём разберусь, то тогда смогу тебе всё ответить более подробно и более обстоятельно. Честное слово...

— Спасибо! По крайней мере, я уже смог убедиться в том, что ты со мною честна. Я искренне, очень хочу быть с тобою в одной команде. Просто, у меня так сложилось по жизни, что я органически не перевариваю, когда в том коллективе, где я пытаюсь быть «своим», меня кто-то обманывает или пытается использовать втёмную. И хотя я чувствую, что ты что-то мне не договариваешь, но мне кажется, что это какие-то вещи, что лучше нам с Натаном и не знать вовсе.

— Вадим! Поверь мне! В моих отношениях с тобой и Натаном — нет никакого двойного дна. Да. Бесспорно. Мне с вами гораздо удобнее и комфортнее. Хотя бы в силу того, что вы взрослые, а я ещё нет. Но это практически единственное, чем я откровенно пользуюсь. А в остальном я очень хочу, чтобы наши отношения были чисто партнёрскими. Обычные честные и дружеские отношения. Безо всяких подводных камней. Как это ни банально, но девиз трёх мушкетёров: «Один за всех — и все за одного!», это правильный девиз, которого я хотела бы придерживаться.

— И я тебя в этом поддерживаю! — доктор был лаконичен и краток.

— Я тоже! — ещё более кратко выразился Натан.

— А я вас не подведу! По крайней мере, очень постараюсь не подвести. — резюмировал окончание нашего разговора.

Это всё, конечно, очень хорошо. Один за всех и все за одного... Но вот теперь самое время выяснить кое-какие детали мне самому пока что непонятные... Короче, стоит уже разобраться с этой неизвестно откуда возникшей регенерацией.

Я-то примерно представляю, откуда ноги растут у этого чуда, но обладательницу этих ног что-то давно не было видно и слышно. Надо бы наконец-то найти возможность связаться с этой вредной девчонкой и допросить её об этом со всем пристрастием. Но как это сделать?

Я решил попробовать старый проверенный годами способ. Так русские дети обычно на новогоднем утреннике зовут, заживо замороженную девочку Снегурочку. Берут просто так и зовут все вместе, громко, во весь голос: «Снегурочка! Снегурочка!»

Вот и я сейчас так мысленно, но очень громко ору, в направлении дальнего космоса:

— Инга! Инга!

Ну, да... Кто бы в этом сомневался. Никто мне так и не ответил на мой призыв. Если, конечно, ответом не считать, звон в ушах от повисшей тишины.

Да... Снегурочка... Заблудилась блин в холодном вакууме космического пространства. Вот тебе и новый год...

Вообще, с этим празднованием Нового года в России, всё совсем не так как в остальном мире. У иностранцев, особенно у англоязычных, возникают некоторые каверзные вопросы о поведении наших детей на этом зимнем празднике...

У них-то там всё просто, как два пальца об асфальт.

Приходит к ним по ночам Санта Клаус типа Святой Николай... Залезает этот затейник

тайком в дом, через трубу дымохода, и подкладывает конфеты в носок.

Это ж надо было до такого додуматься... Конфеты в носках... Бред собачий... А они ничего. Радуются тому, что в носке чего-то там появилось...

А у нас в России всё не так, как у них. У нас не какой-то старый очкастый педофил, сажающий себе маленьких детей на коленки...

У нас — Дед Мороз!

По-английски это звучит почти точно так же, как *dead morose* — угрюмый мертвец.

Но подарки, в отличие от своего импортного коллеги, он носит не в носках, а в большом таком мешке. Там и ребёнок может целиком поместиться, и не один даже...

Но смелые русские детишки, увидев его, идущего с мешком подарков, кричат ему: Дай! Дай!

Если на русском это что-то и означает, то на английском всё просто: *Die! Die!* (Умри! Умри!)

Вот так у нас в России ценят и любят Владыку Холода и Смерти, вместе с которым к нашим детишкам на новогодний праздник приходит и его жертва — заживо замороженная девственница — девочка Снегурочка.

Они приходят к детям обычно в середине зимы, в самый лютый мороз, и заставляют детишек читать им стихи и петь песенки.

Но, кстати, когда на Россию нападают враги, то Дед Мороз не отсиживается в своей резиденции, а как истинный патриот своего Отечества, поступает на воинскую службу. И со всей своей нечеловеческой жестокостью, замораживает всех врагов до смерти. Так было и зимой восемьсот двенадцатого года, так было и зимой с сорок первого на сорок второй...

Генерал Мороз хорошо знает своё дело...

Ну ладно... Блин... Хватит уже лирических отступлений. Мне срочно нужно связаться с Ингой. Я примерно представляю, где она сейчас находится. Но как мне до неё достучаться?

Когда она просто пряталась внутри и спала вполглаза, то с ней легко было можно связаться. Надо было просто позвать её и всё. Она быстро откликнулась... А иногда и сама проявляла инициативу и выходила на связь.

Но с тех пор, как она стала шляться где-то там и куролесить по разным мирам в далёком будущем дальнего космоса... Да... Теперь докричаться до неё стало гораздо сложнее. И как мне кажется порою, практически невозможно, если она сама того этого не захочет.

Интересно. Может быть, всё-таки есть другой какой способ для связи с ней? Не представляю вот только какой...

Ведь если хорошенько задуматься, то тело, которым я тут пользуюсь — это всё же её родное тело. Если телу тут больно, Инга же должна это почувствовать. Вот в прошлый раз это тело сначала подранили из пистолета, а потом на него напал домушник Сеня. Тогда Инга вдруг внезапно объявилась и общалась со мной.

Может мне снова сделать себе больно? Ногу там прострелить или руку? Да, нет... Это получается какой-то маразм с членовредительством в придачу. Наверняка должны быть и не такие болезненные способы выйти на связь...

Ладно. Мы тогда пойдём совсем другим путём, как говаривал вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Если гора не идёт к кому-то там, то кто-то там должен двигаться в сторону горы.

Где там у нас дальний космос? Наверное, если смотреть вверх, то можно случайно и

увидеть то направление, где за сотни тысяч световых лет от Земли прячется эта... хорошая девочка Инга...

Дальний космос... Дальний космос, Малыша и его престарелых родственников, я иногда видел во сне. Но теперь в последнее время мне что-то вообще ничего не снится. Совсем... Ну, разве что, полная темнота и чернота. Может это и есть — дальний космос? Может быть, может быть... Но почему-то он без Инги...

— Инга! Как слышишь меня? Приём! Земля вызывает Ингу!

Напрашивается чисто голливудская штампованная фраза: «Хьюстон! У нас проблемы!»

А мои ребята в это время решили заняться уборкой квартиры Натана. Ну, что же... Давно пора... Особенно уборкой ванной комнаты надо бы озаботиться. А то, после эпического побоища и устроенного там разгрома, а потом и выездного филиала патологоанатомического отделения института имени Склифосовского... Да... Там теперь надо было реально потрудиться, чтобы всё отмыть да отчистить от крови, мозгов и прочего... Бр-р...

Мне почему-то немного стало лень туда ехать. От слова «совсем» и «неохота». Я и отказался, отговорившись тем, что мне надо тут помедитировать и разобраться в себе, с целью выяснения появления сверхспособностей к регенерации и заживлению ран.

И ведь почти что даже и не соврал. Почти... Нет, ну, правда же... Действительно надо с этим всем разобраться. Только чтобы во всём этом разобраться, надо сначала до Инги добраться...

И вот... Сижу себе теперь один, совсем один в пустой квартире, медитирую...

Хотя, конечно, медитацией это моё ничегонеделание не назовёшь. Медитация это отключение от всего мира, отстранение от всех проблем, полная расслабленность всего организма, а также некая попытка сконцентрироваться и получать нужную мне информацию напрямую из всемирного информационного поля, в которое нет доступа тому, кто отвлекается на бытовые мелочи вокруг себя. А я отвлекаюсь постоянно...

С этим надо что-то делать... Ведь тому, кто суетится, тому никогда не суждено сосредоточиться на созерцании того, чего нельзя увидеть на бегу... А я всё время куда-то бегу, бегу... И раньше, в прошлой жизни всё время куда-то торопился, боялся опоздать и не успеть... Но теперь у меня впереди столько времени в запасе... Осталось только решить одну маленькую проблемку... Связаться с этой девочкой и спросить у неё, что за чертовщина здесь творится...

А для этого надо полностью расслабиться и постараться связать своё сознание с её сознанием...

И главное, для этого не надо делать никакого усилия над самим собой. Надо только лишь постараться расслабиться...

Полностью...

Полностью расслабиться...

Расслабленная сосредоточенность...

Главное не перепутать. Сосредоточенная расслабленность — это совсем не расслабленная сосредоточённость...

Блин горелый. Ну почему меня в такие моменты так пробивает на хи-хи... Нет. Я так

никогда не смогу войти в состояние полной расслабленности...

Я вышел на кухню, попил водички. Потом опять вернулся в комнату и снова сел на диван, постаравшись принять наиболее удобную позу... Закрыв глаза. Постарался выровнять своё дыхание. Вот теперь мне надо всего лишь расслабиться...

Полностью расслабиться...

Расслабиться и почувствовать отрешённость...

Отрешённость от всего...

Расслабиться...

А голова-то уже идёт кругом. И в глазах всё плывёт...

Плывёт куда-то...

Я уже даже что-то умудряюсь видеть сквозь закрытые глаза...

Да... Я вижу... Вижу звёзды... Они такие красивые...

Цветные туманности... И среди них яркие звёзды... Большие и яркие... Но среди них есть маленькие и тусклые... Они все разного цвета. Практически нет сразу двух абсолютно одинаковых звёзд... Они всё ближе ко мне...

В глазах всё плывёт...

В глубине сознания, я понимаю, что Инга где-то там впереди... Далеко-далеко... Но мне очень надо туда попасть... Надо! Срочно!

И вдруг...

Звёзды бросаются мне прямо в лицо.

Яркие точки сливаются в тонкие линии.

Я как будто лечу сквозь светящийся тоннель.

Лечу... Я лечу очень быстро. Так быстро, что мелькания звёзд уже не видно. Всё сливается в одно яркое светлое пятно, внутри которого я и пребываю в непонятном состоянии...

В полностью расслабленном состоянии...

Я лечу... Но ощущения полёта нет. Совсем нет никаких ощущений... Уши не закладывает, ветер в лицо не бьёт. Сознание по-прежнему в расслабленном состоянии...

Но это не мешает мне думать. Думать не спеша... Не суетясь... Никуда не торопясь... Мне уже некуда спешить... Я всё смогу успеть... Я найду её... Я найду Ингу, где бы она не была...

Но лечу не я. К ней летит моё сознание. Вокруг меня нет никакого воздуха. Нет никакой атмосферы. Полёту моей мысли совсем ничего не мешает. А мысль только одна. Инга! Инга...

Неожиданно резкий яркий свет больно бьёт мне по глазам...

Я нахожусь на какой-то полянке... Я почему-то смотрю прямо в небо. Но неба почти не видно под зеленью леса. Лес тут такой густой и верхушки деревьев смыкаются, образуя надо мною купол... Но небо всё же немного видно... Оно совсем чуть-чуть проглядывает сквозь зелень леса...

Вокруг меня всё зелёное. Здесь столько зелени... Правда, деревья все какие-то странные. Я никак не могу определить их принадлежность. Они не хвойные, но и не лиственные. Почему так?

— Потому что это и не деревья вовсе, а трава такая.

— Инга?

— Хватит кричать! Тебя слышно было за три галактики.

— Инга! Какая к чёрту трава? Ты чего не откликнулась?

— Трава... Только очень большая, как бамбук...

— Я знаю, что бамбук это трава. Хоть и большая. Бамбук тут тоже есть. И он гораздо крупнее и больше, чем на Земле. А это хвощ. На нашей Земле такие были во времена динозавров. Это реликтовое растение за тысячелетия на Земле выродилось и стало всего лишь травой, сорным растением. А здесь они по-прежнему гигантские, как и в далёком прошлом.

Я делаю небольшую паузу, а потом продолжаю:

— Инга! Я так рад, что нашёл тебя.

— Что-то долго ты меня искал. Я сначала скучала. Очень скучала... А ты всё не объявлялся... Но прошёл уже год и я подумала... А какого чёрта...

— Инга! Ты о чём? Какой год? На той неделе ты была там, рядом со мной. Мы вместе... Нас ранили... Ветеринар зашил рану... Но рана взяла и исчезла вчера... Совсем... Будто её и не было никогда...

— Что? Неделя? Всего-то... А у меня тут уже год прошёл или больше... Малышу уже скоро семь, или восемь... Я запуталась уже... Он, кстати, спрашивал про тебя. Где Кот? А откуда я знаю где... А что рана? На руке что ли? Зажила?

— Исчезла. Просто исчезла...

— Значит, у меня всё получилось.

— Но как? Что получилось?

— Да это уже так давно было...

— Для тебя, может быть, и давно, а для меня — меньше недели прошло. В том смысле, что ранение было примерно дней пять назад. И ещё вчера эта рана была, а сегодня на её месте осталось лишь светлое пятнышко на коже.

— Я пыталась освоить этот способ лечения ещё около года назад. Тогда ещё и бабушка была жива...

— Что? Она умерла? Что случилось?

— Она погибла... В бою с тхэттами.

— Послушай, Инга! У тебя тут прошёл год или больше. А у меня всего лишь неделя, или даже меньше... Не могла бы ты мне всё рассказать, что здесь случилось? Попробуй рассказывать поподробнее и обстоятельно. Но постарайся не спеша, и всё по порядку. Не упуская даже самых малейших мелочей и деталей произошедшего. Для меня это очень важно.

— Но это же займёт уйму времени.

— А ты что, куда-то спешишь?

— Да, нет, наверное...

— Ну, тогда, если здесь год равен нескольким дням там, у нас на Земле, то почему бы не потратить день-другой на подробный рассказ о прошедшем здесь годе? У нас там за это время и полчаса не пройдёт...

Повествование Инги было длинным, рваным и слегка спонтанным. Её рассказ всё время прыгал по хронологии туда-сюда... То вперёд забежала история, то приходилось откатываться назад, для уточнения кое-каких деталей, серьёзно повлиявших на то, что произойдёт позже. Трудно было уследить порой за полётом её мыслей. Ну очень

эмоциональная девочка. Даже странно как-то. Раньше же она такой не была. Или была? А я просто об этом не знал, или не замечал...

А вообще, я поймал себя на мысли, что я — редкостная сволочь и скотина. Подселившись год назад в её тело, я постоянно подавлял её своим авторитетом, тщательно навязывая исключительно свои мысли, заставляя совершать действия, более подходящие мне, бывшему воину, чем её истинной детской сущности. Может поэтому она и сбегает всё время, чтобы быть подальше от моего доминирования в её сознании?

Ну и что мне теперь надо делать дальше? Продолжать гнуть свою линию? А может быть постараться не так сильно на неё давить? Но всё равно же не получится у меня стать вторым номером. Видимо, это исконно мужское эго: Быстрее, выше, сильнее! Олимпийский девиз, да. Но кто занимался спортом в Древней Греции? Вот то-то же. Всё было задумано для нас, для мужиков. А веяния двадцатого века о равенстве и феминизме до Древних Греков как-то не довели.

Изначально именно мужчина и был тем самым добытчиком, охотником, защитником и воином. Но времена менялись, и всё становилось с ног на голову. В двадцать первом веке, дерущимися на арене женщинами никого не удивить. И это не борьба голых девиц в грязи на потеху похотливым самцам. Нет. Это полноценный бой без правил по самым настоящим правилам.

Ладно, блин. Это я отвлёкся опять. Если Ингу отвлекают эмоции, то меня — привычке пофилософствовать и подвести подо всё хоть какую-то логическую базу.

Так что не буду больше тормозить, и просто постараюсь более последовательно пересказать то, что я услышал от Инги. Если, честно, то очень много в её рассказе было такого, в которое мне до сих пор трудно поверить...

Глава семнадцатая

Рассказ Инги.

Как я этим пользуюсь, я не знаю. Но теперь мне гораздо проще перемещаться из сознания этого тела, в сознание Малыша. Он, между прочим, сам ещё не знает своего имени. А они ему не говорят. Почему-то это така-ая бо-ольшая тайна.

Они оба вообще крутые. И дед и бабка. У деда уровень боевой магии гораздо выше, чем у большинства остальных людей, владеющих магией. Так бабушка сказала. Но его сила распространяется только на два элемента: Огонь и воздух. Ну ещё немного электричества. Молния там или ещё чего. Но это как бы входит в магию огня. С воздухом он вообще такое творить может. Может ветром ударить. Воздушный кулак это называется. А может сделать воздушное лезвие. Это, как невидимый клинок. Воздушный меч...

Но бабка там круче всех. Она, знаешь, что сделала? Когда спасательный бот приземлился на полянке, она отдала мысленный приказ местной растительности. И они сами стали расти так, как ей было нужно. Сделала, такой купол из леса, чтобы сверху ничего видно не было. Нет, там ещё дроны сеть натянули. Но это сначала, на скорую руку. А теперь зелень сомкнулась и сверху если кто смотреть будет —ничего не увидит. Просто лес. И всё...

Да. Я сама тоже это видела. Она же научила Малыша управлять птицами. Он подчинил себе местную птицу... На ворону похожа, только больше. Птица полетала вокруг, а он смотрел через её глаза. Ну и мне показывал тоже.

Он вообще со мной всем делится. Ага. И раны залечивать его тоже ведьма научила. Да. Она ведьма. Но это хорошее слово. Она ведаёт тайны земли, воды и всех живых существ. Поэтому и называется — ведьма. От слова «ведать». Ну, то есть «знать».

Она столько всего знает... Я тоже уже много чего умею. Но мне труднее это даётся. Малышу много через мнемoproграммы знаний достаётся. А я этого языка не знаю. У них там несколько языков. Вот я их все и не знаю. Только то, чем со мной Малыш делится, только это я и знаю. И даже умею уже. Но совсем чуть-чуть...

А... Ты про раны? Малыш, когда поранился, бабушка пришла... Ну, я думала она там травку или листик приложит... Но она просто взяла его за руку и стала смотреть на рану. И рана заросла прямо на глазах. А после этого она и Малыша этому научила. Ну а он уже и меня. Но я сначала не знала, что мне с этим делать... А потом вспомнила, что меня, ну то есть тебя... Ну, короче, когда в нас из пистолета в руку попали... Вот я мысленно стала представлять себе эту рану. Вспомнила, как было больно. И стала лечить... Не спрашивай, как я это делала. Но ведь получилось? Получилось, да?

С магией земли у меня пока плохо получается. Потому, что надо непосредственно с землёй или камнем контактировать. А малыш всё сам делает, и у него получается быстрее. Пока я только подумаю, он уже всё сделает.

С водой-то проще. Но и там он всё время меня опережает. Прямо как ты, Саш. Он всё время старается быть самым главным, самым первым и самым умным. Бе-е! Все мальчишки одинаковы, не смотря на разницу в возрасте.

А лес там со всех сторон дикий. Совсем дикий. Там только звери бегают, да птицы летают. Но дед сразу поставил пугалку. Это такой маленький приборчик, он какие-то волны

издаёт. Их не слышно... Совсем не слышно... Но звери близко уже не подходят. Боятся.

Нам с Малышом, чтобы к птицам подойти, пришлось от дома так далеко отойти, чтобы хоть с одной попрактиковаться.

Да. Дед и дом уже построил. Ну то есть дроиды, конечно, строили... Такой забавный дом. Сначала вырос каркас из металлических палок. А потом как-то сам собой оброс уже деревянными досками и сам украсился сверху зеленью. Небось, дед не сам всё делал. Дерево — это всё-таки по бабушкиной части.

Она однажды взяла палку кривую. Прошла по поляне... Один круг, второй... А потом в одном месте ткнула в землю, а земля раздвинулась. Приползли камни. Я не вру. Камни сами из земли выползали и ямку обкладывали. А на дне вода. Как колодец получился. Дед туда молнией пару раз стрельнул, и вода сразу стала прозрачной и чистой. Вкусная такая.

Ну, да. Я сама пила её. У нас с Малышом есть такая возможность, меняться. Когда я захотела попробовать воду, то он уступил мне своё тело. Я напилась, а потом обратно поменялись.

Он меня иногда выпускал погулять. Нет. Не как собачку на поводке. Дурак ты, Сашка! Он со мной менялся, и я гуляла по лесу. Дышала воздухом. Там воздух такой чистый.

Представляешь, я там одно растение вырастила сама. В тот день бабушка научила Малыша выращивать растение из семечки. Просто кидаешь семя на землю. А потом начинаешь работать. Нет. Не копать и не пахать. Просто смотришь на семечку, и заставляешь её в землю зарыться. Глубоко не надо. Надо чтобы нормально так было. Потом начинаешь воду собирать. Откуда? Ну, из земли, конечно. Просто начинаешь подтягивать влагу с разных сторон. Она такими светлыми прожилками кажется. Да. Я теперь могу насквозь в землю смотреть и видеть, что там. Но не очень глубоко... Больше двух метров у меня не получалось...

Но воду можно и с неба взять. Но это надо вместе с дедом. Он воздух электризует, а потом дождь идёт. Я этого не умею.

А дед учит Малыша махать мечом, кидать нож и прыгать. Ну, да. Прыгать. Положит палку на две рогулины и заставляет перепрыгивать. Палку высоко кладёт. Малыш уже может через меня перепрыгнуть, наверное. Просто берёт так и высоко прыгает. У меня не получалось. Я только ножи научилась кидать. Когда Малышу лень тренироваться, он со мной меняется. А сам подсказывает что и как делать.

Когда дед про это узнал, то ругался. Нет. Я таких слов не знаю. Но судя по его эмоциям, ругался очень сильно. Бабушка тогда заступилась за меня и за Малыша. А потом мы с ней разговаривали. Нет, язык я не знаю. Через Малыша разговаривали.

Са-аш! Ты не будешь ругаться? Я всё про нас рассказала. И про тебя тоже. Она уже это и раньше знала. Что ты был со мной тогда, в первый раз.

Я не знаю, откуда она всё узнала. Малыш ей не рассказывал. Ну, я же говорю, что она — ведьма. Но добрая. Она мне сказала тогда, что не против меня. И если ты будешь приходить она тоже будет не против. Но она уже погибла...

Как она погибла? Ну, это не сразу было. Сначала всё было очень хорошо. Примерно с полгода, а может и больше. Я как-то не считала, и не даже следила за временем. Когда всё так интересно, то время летит, не замечаешь как... Так дни быстро летят, когда всё время чем-то занимаешься. А я там много чем занималась. Ну, с Малышом конечно. Хотя он уже не такой малыш, как ты его помнишь. Ему сейчас примерно лет семь по-нашему. Может и меньше, но по развитию он сильный и крепкий. Дед старался. Дед тоже погиб... Но я об

этом потом расскажу.

Короче, я уже много чего узнала. Кстати, я теперь могу сразу во всех растениях разбираться. Всё равно где, в лесу или в поле, в России или в Африке. Я секрет теперь знаю, как полезные растения от ядовитых отличать. Знаю как из всяких трав лекарство делать. Просто выйдем в поле, где много разной травы и я сразу смогу увидеть, какая для чего. Они могут быть разными, но я знаю, что у них внутри, какой потенциал. Есть такие растения, что в корне яд, а в цветах нектар, который лечит, если живот болит. У меня не болел. Это Малыш поначалу, тренируясь, всё пробовал на себе. А бабушка его потом лечила...

Инга ещё долго болтала о всякой ерунде с такими подробностями, которые в принципе можно было и не приводить. Но как остановить фонтан красноречия этой соскучившейся по общению девчонки? А потом наконец-то она подошла к тому месту в своём рассказе, который меня интересовал больше всего.

А потом появились тхэтты. Почему не сработали хитрые датчики обнаружения, я не знаю. Дед что-то говорил, но Малыш мне не перевёл, а после уже поздно было спрашивать.

Первым тхэттов обнаружили мы с бабушкой. Ну, то есть она в лесу проводила занятия с Малышом. А из-за пугалок поставленных дедом, чтобы найти животных для обучения, приходилось отходить примерно на несколько километров от дома.

Дом. Там такой дом дед построил. Он снаружи небольшой. Как сарайчик. Но это только вход, а всё остальное внизу. Там глубина у построенного дедом бункера ого-го какая. Не знаю. Этажей десять вниз, наверное. Там всё было. И даже бассейн. Правда воду туда бабушка наколдовала. Мне вообще было странно всё у них. Такой винегрет из магии и технологий. Сначала суетятся маленькие дроны или дроиды, я так и не поняла, как их правильно называть... Ну, короче, они что-то быстро лепят, мажут... Строят, построят, а потом приходит бабушка и вода прямо из воздуха появляется, и льётся в бассейн, наполняя его. Только никакого шланга нет. Вода просто струёй по воздуху идёт, огибая углы и искривляясь если надо.

Но я опять отвлеклась.

Тхэтты. Появились они внезапно, но всё же не незаметно. Бабушка успела их обнаружить раньше, чем они нас. Ей помогли птицы и какие-то белки. Она мне, ну то есть Малышу, приказала бежать домой и сообщить деду. Почему она не послала деду ментальное послание, я не знаю. Возможно, что эту магическую энергию тхэтты могли заметить. Тхэтты не умеют магичить, но зато их технологии могут эту магию улавливать. То есть сами не колдуют, а колдовство видят. Ну, или чувствуют. Я тхэттов не особо изучала.

Малыш поспешил к деду, но одну птицу оставил, чтобы было видно бабушку. А бабушка, знаешь чего сделала? Она стала деревом. Ну, то есть встала рядом с деревом, а дерево её обняло своим стволом. Не спрашивай меня, как... Я не знаю. Вот представь, что большое дерево раскрылось посередине вдоль по стволу, а потом, когда бабушка встала в середину, окружило её. Не так как в дупло залезть. Дупло снаружи видно, а бабушку не видно.

Не перебивай!

Когда тхэтты приблизились, то из земли стали появляться растения, гибкие такие, как лианы... Такие зелёные корни, только что выращенные бабушкой... Они, ну эти, корни, хватали тхэттов, обматывались вокруг них, и под землю утаскивали. Так здорово. Мне понравилось...

Но тхэттов было много. Очень много. Они стали палить из плазмомётов в разные стороны. С испуга, наверное. Потому что не знали куда стрелять, и кто на них нападает. Один из таких зарядов случайно попал в бабушку. Дерево, внутри которого она была, загорелось.

Она не сразу умерла. Сначала она пыталась бороться с огнём. Но там уже весь лес пылал. И сами тхэтты тоже горели. Их же корни оплетали... Тем, кого уже захватили, но ещё не утащили под землю, тоже пришлось сгореть вместе с корнями.

Бабушка тогда отправила Малышу послание. Он мне потом показывал его. Оно слишком большое, чтобы она его тогда за пару минут создала. Видимо заранее было приготовлено, на такой вот случай. Там и для тебя есть кусочек. Малыш после тебе переведёт.

Он сейчас не спит. Он в состоянии... Я не помню, как это называется. Нет не в коме... А просто как бы спит, но не спит. Таймер у медкапсулы поставлен на то время... Ну пока там наверху всё пройдёт и снова жить можно будет.

А то, что мы видим? Это его птица. Она так и не смогла отсоединиться от ментального контакта, и я всё вижу через неё. Птица была далеко и не сильно пострадала. И сейчас она уже далеко, там, где не было ни тхэттов, ни взрыва.

Ой, не торопи, я всё расскажу.

Мы прибежали к деду, но он уже всё знал. Он опять ругался, на ту технику слежения, что подвела. Видимо у тхэттов тоже есть техника, которая может глушить его датчики. А ещё он ругался на бабушку, что именно сегодня мы так далеко были от дома. Ведь рядом с домом был зарыт в земле бот, который нас всех мог бы спасти, и мы бы улетели. Но уже поздно, да и тхэтты вокруг. Он перезагрузил свои системы слежения, и снова теперь знал, где враги. Малышу он приказал спуститься на самый низ дома, в медблок, и занять капсулу. Малыш стал спорить. Но дед та-ак посмотрел на него. Меня тогда тоже аж передёрнуло от страха. Взгляд тако-ой был, будто из глаз сейчас молнии ударят...

Малыша ка-ак приподняло в воздух, а потом как щенка за шиворот схватило и в дом запихнуло. Я думаю, дед его воздушной рукой так схватил и пронёс по воздуху. Я так не умею ещё. И Малыш тоже.

Но птица летала высоко в небе, и мы всё видели. Дед сделал большой купол вокруг дома, а наверху купола что-то слегка светилось. Тхэтты стали окружать купол. Со стороны это было похоже, как будто зелёные муравьи облепляют со всех сторон воздушный шарик, обмазанный мёдом. Они даже наверх купола смогли забраться. И стреляли, и долбили. Но купол был, как это... Комбинированным. Дед так говорил... Тонкая проволока с энергией, силовое поле, ну и магическое тоже...

А дед вокруг дома устроил себе тир. У него откуда-то появились... Что-то типа пулемётов на такой треноге. Их было три, с разных сторон дома. Он из одного сам стрелял. А другие били видимо автоматически, или ими ИскИн управлял. Не знаю. Не до того было. Он стрелял плазмой. Тхэттов положил видимо-невидимо. Как у него так получалось? Я не знаю. Он мог через купол их убивать, а они его нет. Я видела, как от купола отскакивали их заряды, или растекались по куполу светящимися кляксами.

Но тхэтты всё лезли и лезли, прямо на плазмомёт. Видимо страха смерти у них нет. Они или рептилоиды, или из насекомых произошли, я так и не поняла толком. Мы с Малышом уж думали, что скоро тхэтты кончатся и сразу войне конец. Но потом над нами повисла их тарелка. Реально такой большой диск. Серо-зелёный, и вращается. Огоньки там у него мелькают...

Дед по тарелке тоже стрелял. Но там, похоже, тоже силовое поле стояло, как и у купола. И тарелка эта стала опускаться всё ниже и ниже. Мы даже птицу подальше отлететь заставили, чтобы видно всё было. Но когда эта тарелка почти опустилась на купол, дед то ли выстрелил, то ли просто импульс послал в то светлое пятно на вершине купола, и всё взорвалось. Та-акая вспышка была яркая, что наша птица вообще ослепла. И мы с Малышом больше ничего не видели ещё три дня.

А потом птица снова видеть стала.

Откуда я знаю, почему и как? Просто снова картинка появилась. Везде зелень и нет никаких тхэттов. Птицу мы потом заставили кругами летать. Она всё не хотела возвращаться на место взрыва...

Там теперь небольшой кратер выжженной поверхности, и никакой растительности. А кратер диаметром... Не знаю сколько... Может километр, а может и пять. Нас тогда тоже тряхнуло. Но в медкапсуле на глубине... не знаю, наверное метров на тридцать, а может и на сорок под землёй, мы почти ничего не почувствовали. Так... Потрясло слегка. Короче у нас тут всё в порядке.

Сам можешь посмотреть... Хотя уже не можешь. Пока не можешь...

Через некоторое время после взрыва ИскИн начал отсчёт, и Малыша в этот... А вот вспомнила... В анабиоз. Короче, пока на поверхности снова не установится нормальная погода, мы отсюда не выберемся. Там наверху сейчас радиация или что ещё похуже. Я не знаю. Всё зависит теперь от автоматики. А дед погиб. Он либо вообще был на поверхности, либо на первых этажах дома. Там сейчас ничего нет. Когда закончится время, дроны или дроиды... сами откапаются.

Нам тут теперь вообще нечего делать. Малыш практически спит. От него можно получить ответ, но это может быть через час, а может и через день или через месяц. Я уже пыталась...

А тут ты меня позвал. Я думала, уже забыл про меня. Ведь год прошёл. А от тебя ни слуху, ни духу.

Ах, да... У тебя там всего несколько дней. Ну, ладно...

Пошли тогда обратно на Землю!

Не знаешь как? Да просто всё...

Да... Я не знаю как, но мы снова оказались на Земле, в теле Инги, в квартире ветеринара по имени Вадим.

Конец первой части четвёртой книги.

Часть вторая

Глава первая

За время моего отсутствия в квартире ветеринара ничего вроде бы и не изменилось. Всё было точно так, как будто я и не уходил никуда. Но я ведь и правда никуда не уходил. Это сознание покидало тело и летало, хрен знает куда. А тело, как сидело на диване, так и сидит себе... Только ноги затекли слегка. Неудобно сидел, наверное.

— Инга! А ты сможешь вылечить наше тело от последствий прошлогодних травм и операций?

— Я не знаю. Свежая рана от пули мне была понятна. Вот пуля вошла в руку, вот там её доктор вырезал. А внутри меня я не знаю что и как делать...

— Давай, купим книги по медицине с картинками, чтобы тебе было легче во всём разобраться. А может быть тебе самой стоит в медицину податься. Выучишься на врача, получишь диплом, а лечить потом будешь своими способностями.

— А разве здесь, на Земле, моя инопланетная магия будет работать как там?

— А кто тебе сказал, что на Земле нет магии?

— Но в нашем мире нет магии...

— Как-то слишком безапелляционно сказано.

— Ну а как ещё сказать? В нашем мире почти нет магии.

— Так значит, всё-таки хоть что-то где-то есть? Может быть она раньше была? Ведь сколько есть на свете легенд и сказок... Про магов, про волшебников. Причём сказки по это есть практически у всех народов мира. Наверное, когда-то очень давно, что-то произошло, и магия на Земле исчезла? Может быть, скажем тогда: В нашем мире больше нет магии.

— Значит, когда-то давно, а может и совсем недавно она всё-таки была?

— Или как тебе такая фраза: В нашем мире пока ещё нет магии.

— Значит, она скоро будет?

— Инга! Может быть, это ты принесёшь магию снова на Землю?

— Я?

— Но рана же на плече заросла? Причём не просто зажила, а практически исчезла. Одно светлое пятнышко осталось на коже. Да и то, я думаю, что скоро и следа от него не останется.

— Но я же там была...

— Ага... А тело твоё было здесь. И рана наша была здесь. Так что лечение проходило тоже здесь.

— Но я была там. Это же так далеко...

— Инга! Пока не попробуешь, не узнаешь. Получится или не получится, хуже-то ведь не будет. А ещё можно пока попробовать на Натане потренироваться. Ведь у него теперь на лице шрам такой приметный, что и на улицу лучше не выходить с таким фейсом.

— Это почему ещё?

— А чтобы детей не пугать...

— А где они сейчас?

— Поехали к Натану порядок на квартире наводить. А то после той эпической битвы в ванной толком ещё и не убирались там...

— А мы с тобой чем будем заниматься?

— Я хотел с трофеями разобраться, а ты можешь пока попробовать разобраться со шрамами на нашем животе.

— Ну ладно. Я попробую. Но я не уверена...

— А ты не сомневайся! Думай, что всё получится... Может тогда всё и получится как надо?

Портфель, взятый с квартиры майора, я нашёл довольно быстро. В шкафу с одеждой, под висящими плащами и пиджаками. Там же и коробка лежала с оружием. Но с оружием я потом разберусь. Пока что-то не хочется. Честно говоря, воевать немного поднадоело.

Открыв портфель, я извлёк на свет четыре пачки денег. Пересчитывать лень. Купюры разного достоинства. Всё потом пересчитаю. С деньгами в последнее время проблем нет.

А что за бумаги в портфеле? Папки какие-то. Уголовные дела. Их вроде бы надо в сейфе хранить? В сейфе, в служебном кабинете, на работе, а не дома в портфеле под диваном... Посмотрим, посмотрим что тут у нас...

На папках с делами статьи Уголовного кодекса разные. Есть по 102 УК РСФСР. Это я помню... Умышленное убийство с отягчающими. Есть и попроще. Статьи 144, 145, 146. Это я тоже помню... Кража. Грабёж. Разбой... Всё понятно. Все уголовные дела значатся, как не раскрытые. Значит, злодеев не нашли. Или не искали. А может быть, только делали вид, что искали кого-то, тщательно замечая следы...

Так... Посмотрим по фамилиям потерпевших. Зильберман, Фишер, Коган... Характерные все фамилии. О... Вот и знакомая личность: Левин Анатолий Борисович, 1936 года рождения. Погибшие... Да. Жена и дочь. Украдено... Перечень украденного... Небольшой, кстати, список.

А у других потерпевших? О! Тут список побольше будет. Списки похищенных украшений. А вот и рисунки похищенных изделий. Коряво, от руки, но опознать можно.

Теперь ясно, откуда у майора информация, к кому засылать своих агентов, для поиска того, кто мог разобраться с капитаном и его бандой. Вот картинка и вырисовывается. Видимо здесь только те дела, где кто-то остался в живых. Либо дома не было во время ограбления, либо ещё что... Разберёмся.

Появилась мне мысль, вернуть драгоценности, если их удастся идентифицировать, их законным владельцам. Вдруг там есть такие, которые дороги не только как вес золота и стоимость камней. Может память от бабушки или семейное наследство от отца. Сразу двух зайцев можно убить. И дело хорошее сделать, и избавиться от приметных золотых изделий.

Ценные украшения, сделанные до наступления времени штампованных серёжек и безликих колец, имеют свою индивидуальность. Почти как отпечатки пальцев. Опытный ювелир может и целую историю рассказать, лишь глянув на кольцо или перстень. А тем более среди ювелиров очень много найдётся родственников или однофамильцев потерпевших. Так что просто так продать за правильную цену всё равно не удастся. А вернуть владельцам — это будет более правильно, чем превратить красивую вещь в безликий лом, и продать по дешёвке.

Ладно. Оставим пока это на потом.

А где у нас там клады, что мы откопали оба сразу в одной яме? После недолгого обыска, обнаруживаю всё на антресолях, заваленные старыми вещами. Кожаный кофр достал легко, а ларец с большим трудом выволок. Чуть даже не уронил его, стоя на табуретке. Тяжёлый,

чёрт возьми, какой... Интересно... Тяжёлый сам ларец или его содержимое?

Оттащив всё в комнату, я отхлебнул лимонада из бутылки и задумался... Считалочку что ли применить, чтобы угадать с чего начинать? Будем действовать по хронологии. Первым Вадим откопал саквояж, повредив его лопатой. Вот с него и начнём.

Рядом с саквояжем, завёрнутые в какую-то грязную тряпочку, были те монеты, что высыпались ещё там, в яме... Развернув её разглядываю монеты более внимательно. Ну, да... Николаевские червонцы, а ещё есть и монеты по семь с половиной и по пять рублей. Даже несколько номиналом по пятнадцать...

А после вскрытия самого саквояжа, внутри его обнаружился ржавый револьвер знакомой мне уже системы Нагана, несколько пачек заплесневевших денег царской России. Ещё был мешочек с драгоценностями и орденами. В орденах Российской Империи я не особо разбираюсь, но орден Святого Георгия хотя бы по ленте могу отличить. Причём это был именно орден, а не Георгиевский крест для нижних чинов... Уж в этом-то я смог разобраться. Ещё было несколько разных крестов в основном красного цвета, но разной формы. Так что синего креста Андрея Первозванного здесь точно нет. Драгоценности были не слишком увесистые, но изящные. Сразу видно, что старинные...

Я всё сложил обратно и отложил в сторону. Жаль, что промокли и заплесневели бумажные деньги. В будущем такие бы ценились у нумизматов и бонистов. Но саквояж из кожи не был герметичным изначально. Так что как минимум пятьдесят с лишним лет нахождения во влажной среде и на бумаги, и на металл револьвера повлияли не лучшим образом.

Наверняка этот клад был оставлен до лучших времён, каким либо дворянином и офицером, примерно в семнадцатом-восемнадцатом году. Но лучших времён для него, видимо, так и не настало...

Ладно... Пусть земля ему будет пухом!

А теперь займёмся ларцом...

Оббитый полосками из толстой бронзы, и украшенный в районе замка цветными камнями ларец, был явно сделан из морёного дуба... Ломать такую красоту совсем не хотелось... И я колдовал над врезным замком, ковыряясь внутри жёсткой сталистой проволокой, найденной у Вадима, среди инструментов. Набор инструментов у доктора был скудноват. Молоток, пассатижи, отвёртка... Ну, всё правильно. Он всё же ветеринар, а не сантехник. Но проволочка всё-таки нашлась.

Сижу... Ковыряю... Толку никакого... Ощущение, что там внутри в замочной скважине либо всё насквозь проржавело... Либо...

Разве бронза ржавеет? Зеленеет, да... Но ржавеет? Нет...

Верчу ларец, разглядывая с разных сторон. Петель на задней части совсем не видно. Видимо петли какие-то хитрые, внутренние, скрытые... И даже никакой щёлочки нет в том месте, где по идее должны крышка открываться... Сразу видно, что Мастер делал...

Мастер... Ломастер... Слышал я раньше такую замутку, что делали вот такие ларцы с секретом. И замок там был не замок, а так... Имитация замка... А открывался он как-то по-другому, по хитрому... Даже вроде бы стишок такой есть, про то, что ларчик проще открывался... Может и здесь так же?

Кручу, верчу, открыть хочу...

Протираю тряпочкой, осматриваю более внимательно. Ищу все швы и соединения... Но

из шевелящихся частей, имеется только ручка наверху, которая может лечь на бок или стоять вертикально... И всё... Боковые швы на стенках, все закрыты бронзовыми полосками. Полоски прикреплены намертво заклёпками...

В одном месте показалось, что одна из полосок на задней стенке, слегка отстаёт от деревянной основы... Совсем чуть-чуть. Если бы специально не искал, то и не заметил бы... Ага...

А если так... Я посмотрел на нашлёпку с замком и мне показалось, что она стоит не слишком ровно, относительно бронзовых полосок. Нет симметрии... Я не перфекционист, но всё же... Взявшись рукой за бронзовую накладку замка, я с трудом, но смог её повернуть, чтобы она стала ровнее. Получилось...

А потом я решительно повернул её на девяносто градусов. Причём поворачивалась она только в одну сторону, а в другую ну совсем никак. А после поворота я снова попытался потянуть за верхнюю ручку. И снова я был удивлён.

Да... Ларец открылся... Но открылась не его крышка... Ну, то есть не одна крышка, а почти что треть ларца. И при чём, не с передней стороны, там где была замочная скважина, а с задней стороны. Как раз там, где я обнаружил маленькую щёлочку под бронзовой полоской. Получилось так, что ларец раскрылся сразу почти на две половины, но всё-таки скреплённые, внутренними петлями. Хитро...

Из ларца пахнуло немного затхлым... Я разглядывал содержимое, боясь прикоснуться к ветхим тканям. Ларец изнутри был когда-то отделан парчой или бархатом с золотым шитьём.

В верхнем отделении лежало что-то из золотой ткани сложенное так плотно, что напоминало книгу в тканевом переплёте. Но, когда я всё-таки достал это, то оказался прав. Совсем не книга. Похоже, что это какое-то церковное одеяние. Я даже разворачивать не стал. Просто отложил в сторону. А ещё в верхнем отделении всё-таки лежала и книга в кожаном переплёте с серебристыми застёжками. Не стал открывать. Вдруг сломаю чего, а потом учёные ругаться будут на меня, что непрофессионал сломал им такой раритет...

Блин. Какие учёные, на хрен. А вот как раз и хрен им. Мы нашли и наше будет...

В нижнем отделении, завёрнутый в толстый мягкий бархат, лежал большой крест на длинной цепи. Похоже, что из чистого золота, да ещё и украшен камнями драгоценными. Если на самом ларце камни были скорее полудрагоценные, может гранаты или что там ещё бывает, то на этом кресте были явно рубины и изумруды.

Ох и ни *уяж себе... Да у меня таких слов и нет вовсе, чтобы выразить удивление от созерцания такого великолепия.

А под крестом, тоже обёрнутая тканью, лежала икона в серебряном окладе. В аккурат по размерам ларца... Я развернул и достал явно очень древнюю святыню... А на меня с иконы смотрел потемневший лик неизвестного мне Святого. Я не слишком уж разбираюсь в религии, но одно мне показалось очень уж отличным от того, что я видел раньше... Святой держал два пальца, сложенные для крещения... А это значит, что у меня в руках икона старообрядцев... Так что просто так передать её в ближайшую церковь не получится. Наверняка и книга тоже такая же... Это же какая древность ко мне в руки попала... Придётся заморочиться и выйти на старообрядцев, чтобы передать им реликвию. Продавать это куда-нибудь за границу у меня совести не хватит. Блин... Я ведь сразу говорил, что не надо выкапывать второй клад...

Это что же такое у нас получается... Этот клад более древний, так как лежал, зарытый

гораздо глубже от поверхности, чем тот, что с начала двадцатого века... Или его просто изначально глубже закопали... Жаль, что я не историк и не археолог... А ещё не теолог, и не геолог...

Я сложил всё обратно, закрыл ларец на хитрый замок, да и запихнул подальше на антресоли, забросав тряпками... Туда же и саквояж запихнул, но не так глубоко, как ларец...

Так. С этим разобрались. Что там дальше? Деньги что ли посчитать? Я вроде бы пацанам пообещал ещё тридцатку добавить.

А зачем мне эти недогопники? Сделать из них банду? Это можно, конечно. Да по мелким поручениям можно погонять. Передать чего или проследить за кем. Пригодятся парни. Всё ж лучше, чем по мелочи попадутся, а менты их поймают и на зону отправят. А так... Хоть слегка приподнимутся с моей и божьей помощью.

Как кстати их фамилия? Даже не спросил. Имена только. Виктор и Сергей.

Только вот связь с ними не слишком удобная. Вот в будущем. у всех мобильники, смартфоны... Набрал номер. Позвал. Вызвал.

А тут надо за ними идти к ним домой или в окно стучать...

Что-то живот чешется... Как муравьи по нему ползают...

— Не чеши! Это я пытаюсь шрамы разглаживать.

— А! Инга? Ну ладно. На спине не забудь почистить. Там ещё помнишь, банкой порезано...

— Я всё помню.

— Инга! А хочешь на море?

— Никогда не была на море. А там как?

— Там хорошо. Вот если все шрамы уберёшь, то мы купим классные купальники и будем загорать и купаться в море...

— Здорово! Я буду стараться.

— Кстати... волосы отросли, скоро светлые корни будут сверкать. В какой цвет волосы покрасить? В тот, что раньше был, в светлый? Или ещё в какой другой?

— Я в рыжий хочу попробовать покраситься.

— Без проблем. А какого оттенка? Бывают огненные, а бывают медные оттенки.

— Не знаю. Если есть возможность, хочу все попробовать.

— Ну, тогда начнём с самого светлого рыжего, а потом, если не понравится, то переёдем к более ярким. Только слишком яркое может быть приметным.

— Ты же говоришь, что мы на море поедem, отдохнуть. Не на войну же.

— Мы войну не ищем, но она нас почему-то всегда сама находит.

Я разложил деньги по разным цветам. Немного жёлтых стольников, чуть больше зелёных полтинников, отложил в сторону. Пусть ими Натан с Вадимом расплачиваются. Туда же пачка сиреневых четвертных. Пачку десятков сунул себе во внутренний карман куртки. А пятёрки, трёшки и рубли, не разбирая и не пересчитывая, просто рассовал по карманам.

Чаю попить? Или обед приготовить. Напарники мои приедут, а я их чем-нибудь вкусным удивлю. В магазин что ли сходить? Или лучше даже на рынок. Дороже, но можно найти что-нибудь повкуснее, чем хлеб с колбасой и картошка с луком. Хотя картошку с луком, да жаренную на хорошем подсолнечном масле я люблю.

Аж в животе зажурчало. Плечусь на кухню, проверяю наличие того, чего можно

приготовить. А ничего и нет. Надо бы срочно холодильник Вадиму подогнать, чтобы было, где чего хранить.

Чай я себе сделал. Попил с остатками печенек.

Заодно проинспектировал наличие на кухне посуды и всяких кухонных принадлежностей. Кулинарить я любил и в прошлой жизни. А в этой что-то не было пока возможности развернуться.

Что тут есть у Вадима полезного?

Чайник. Несколько разномастных кружек. Такие же разномастные ложки, вилки... Большая часть из которых алюминиевые. Не люблю такие. С них жир трудно отмывается. Кстати, для мытья посуды что-нибудь кроме хозяйственного мыла надо бы прикупить.

Блин. Я всё не донесу один. Вот есть возможность братьев поэксплуатировать. Доплачу им, если что, за помощь.

Так... Авоська, сумка есть, но она набита всяким ещё с квартиры капитана. Вещмешок... В глаза бросается. А рюкзак мой в Шуе остался, рваный после разбитой банки...

Сколько времени. Ещё полудня нет. Мы сегодня рано день начали. Ну, что же? Пойду искать своих «добровольных» помощников.

Глава вторая

Хорошо, что мне этих малолетних оболтусов искать долго не пришлось. Они сидели во дворе на лавочке. И со стороны было заметно, что им явно было нечего делать. Интересно... А чего это они не в школе? Или учебный год у них уже закончился? Я даже не знаю... Вот и спрошу.

— Здарова, бандиты! А чё не в школе? Прогуливаете?

— Так всё уже закончилось. Восьмые и десятые будут ещё экзамены сдавать. А ни у меня, ни и Витьки экзаменов нет в этом году. У него только в будущем году будет. — словоохотливый Сергей первым реагирует на вопросы, и первым отвечает сразу за двоих.

Выходит, что Витя мой ровесник, раз экзамены ему только через год сдавать. Вот ведь как, а выглядит постарше.

— Мне ваша помощь нужна!

— Какая?

— Реальная... Надо на рынок съездить, затариться. Продукты купить, ну и так... по хозяйству кой чего полезного.

— Это лучше тогда сразу на Зацепский рынок ехать. Он большой, да и тут не особо далеко. На трамвае можно доехать.

— А что, его разве не сломали ещё? Вроде бы планировали...

— Не-а. Были такие слухи, что ломать будут скоро, но... пока ещё стоит, где стоял, и даже работает. На той неделе я мимо проезжал, сам видел.

— Ну, тогда, чего сидим? Поехали! Только надо бы в спортивный магазин какой, ну или в хозяйственный заскочить по дороге. Мне нужна сумка, или рюкзак, а может и то, и другое сразу.

— А зачем тогда куда-то заезжать? Там, на рынке есть магазинчик клёвый. Называется «Рыболов-спортсмен». Там есть и рюкзаки, и удочки, и ещё много чего всякого...

— Ну, вот тогда сразу туда и едем. И вот ещё что...

Достаю из кармана деньги, отсчитываю тридцать рублей.

— Вот, держи! Это вам то, что обещала. За июнь мы в расчёте?

— В расчёте. — Сергей забирает у меня деньги и передаёт всё брату.

— Я своё слово всегда держу! — добавляю в голос немного пафосной стали и продолжаю... — И вам совету... Тот, кто слово своё держит крепко, тот заслуживает уважения в глазах других людей!

Сергей внимает моим словам, а Виктор деловито убирает деньги во внутренний карман пиджака. Пиджачок на нём слегка потёртый, да ещё и немного ему великоват. Явно он ему в наследство от непутёвого бати достался. Приодеть бы пацанов попримечнее. А то за версту видать, что шпана малолетняя. Ладно, потом посмотрим.

— Сёрега! А фамилия-то у вас какая? Ведь нехорошо как-то получается, вы на меня работаете, деньги получаете, а я про вас совсем ничего не знаю.

— Волковы мы. Виктор Иванович и Сергей Иванович Волковы.

— Солидно. Но пока вас по отчеству величать рановато, да и до волков вам далековато. Поэтому будете пока «волчата». Но шанс стать настоящими волками очень велик... Санитары леса... Блин...

— Чего?

— Волков так обычно называют — «санитары леса».

— Это ещё почему?

Хотел им рассказать, что в мультике про Машу и Медведя, волки жили в старой и брошенной в лесу машине скорой помощи, но не стал. До этого мультика ещё лет сорок-сорок пять. Не поймут.

— Волки в лесу могут догнать и убить тех, кто медленно бежит или старый. Остаются только сильные и быстрые травоядные. Вот поэтому и говорят про санитаров. Удаляют они больных и слабых.

— Мы не это...

— Не заморачивайся. Я не буду тебя заставлять убивать больных и слабых. Будешь убивать только сильных и крепких... Шутка!

Кажется, Серый моей шутки не понял, и надолго замолчал. Для него это было даже немного странно.

Хорошо ещё, что трамвая нам ждать, долго не пришлось. За проезд, за нас всех троих, заплатил младший брат. У меня просто не было никакой мелочи в карманах. Ничего. Я с ним потом рассчитаюсь. Думаю, что в обиде он не будет.

Странно, но Зацепский рынок по-прежнему находился на своём привычном месте. Вот ещё одно небольшое отличие от моего мира. У нас там этот рынок начали ломать ещё в прошлом, в шестьдесят девятом году. А к семидесятому к этому времени уже ничего на этом месте не было. Пустырь с обломками строительных материалов, битым кирпичом и поломанным бывшим асфальтом. Теперь же вижу, что рынок работает вовсю, и слухи про то, что его сломают, пока только лишь остаются только слухами.

До рынка мы и вправду доехали как-то быстро. Сергей уверенно шагал впереди. Он явно знал этот рынок хорошо. Небось, частенько здесь шныряли в поисках найти чего-нибудь, что плохо лежит, чтобы приделать к этому ноги и руки...

Я шёл чуть позади него, а Виктор солидно замыкал нашу группу. Ну, что же? Молодец! Грамотно действует. Деньги-то все у меня в карманах. Так что воров-карманников мне не стоит опасаться. Ежели чего, то Витя подстрахует. Хотя я и сам не планировал разевать рот. Нет у меня такой вредной привычки. Особенно в таких людных местах. Я вообще с самого юного возраста люблю контролировать обстановку вокруг себя на предмет, как бы чего не вышло. Типа «секу поляну». Причём это получается практически машинально. Мне даже не приходится прилагать к этому каких-то усилий. Просто сразу замечаю, что вон тот мужик без дела ошивается и глазами стреляет на сумочки всяких мадамов... Но мне сегодня до него нет никакого дела. Фарта ему и удачи! А если к нам полезет, то получит сдачи...

Первым делом мы пошли затариваться тарой в «Рыболов-спортсмен». Каламбур опять получился...

Я помню точно такой же магазин на Таганской площади. Тоже «Рыболов-спортсмен» назывался. Маленький, компактный. Но глаза разбегались от количества ассортимента предлагаемых товаров. Тут и удочки всякие, и крючки с блёснами. И ножи охотничьи, и даже капсулы к патронам, и гильзы с порохом. Но это уже по охотничьим билетам продаётся. Нам не продадут. Но мне этого и не надо пока. Ножи у меня с собой и так есть, а такие патроны к моим стрелялкам по калибру не подойдут.

Я сразу же присмотрел себе рюкзачок. Он как бы считается детским, но на мою фигуру — в самый раз. А Виктору я куплю рюкзак побольше. Взрослый. Ему такой в самый раз пойдёт. Сергей же прилип к витрине с ножами.

— Чего залип? Ножик какой понравился что ли?

— Ага. Вон тот. «Белка» называется. Клёвый ножичек.

А я помню. У меня точно такой же тоже был, но только немного позже. Примерно в году семьдесят седьмом или даже в семьдесят восьмом. Стоил он... Примерно два рубля. Или даже чуть меньше. А здесь какой ценник? Рубль шестьдесят. Да, примерно так и стоил. Хотя, мне кажется, что мой был за рубль девяносто. Невелика разница... Ну что же, можно и порадовать братву пацанским подгоном. Это завсегда приятно получать подарки.

— Хочешь? — спросил я Серёгу...

— А то... Хочу, конечно. Сейчас куплю. Деньги-то теперь есть.

— А ты не торопись свои деньги тратить. Деньги-то я вам не на развлечения и не на баловство давал. А на то, что бы вы не голодали с братом, и мамке своей помогали... Июнь ещё не начался, а ты уже хочешь начать тратить деньги направо и налево?

— Нет. Так не хочу... Но ножик такой, блин, офигенный... Я давно его хотел. И брату такой же куплю.

— А Виктор?

— Что Виктор?

— Брат тоже хочет именно такой ножик?

— Ну, да, наверное... Тоже...

— И что? Даже спрашивать его не будешь?

— Он тоже хочет. — уверенно ответил мелкий. — Но его вон, удочки сейчас больше интересуют.

Действительно... Старший брат залипал у витрины с крючками, разноцветными поплавками и блестящими блёснами.

— А он что? Рыбак?

— Ну да. Ещё какой... Только у него удочка из обычной палки сделана. Но крючок и леска покупные. А грузила с поплавком, он тоже сам себе смастерил. И рыбу он иногда столько наловит... Домой приносит, а мамка потом нам пожарит...

— Может ему тогда и нож не нужен?

— Не-е... Ножик всегда нужен.

— Но тогда ему может другой какой ножик подойдёт? Вон тот видишь. С двумя лезвиями. Называется «Золотая рыбка», за рубль девяносто.

— Ага... Тоже обалденный. Но «Белка» лучше.

— Может, его самого об этом спросим? Или у него нет своего мнения и ты всегда всё за него решаешь...

— Не...

— А спорим, что ему больше понравится «Рыбка», а не «Белка»...

— А на что спорим? — купился на мою провокацию Мелкий.

— Ну, если он выберет то, что я сказала, то я ему его и куплю.

— А если он «Белку» выберет?

— Тогда я ему куплю для рыбалки всё, что ему понравится.

— Спорим. — Сергей протянул мне ладонь, и мы сцепились в рукопожатии, как обычно делают мальчишки, когда спорят.

— Вить! — позвал он старшего брата. — Разбей!

Виктор подошёл и не переспрашивая ничего слегка рубанул ребром ладони, «разбивая» наш спор.

— Скажи мне, Витя! — начал я свою речь. — Вот я решила Серёге ножик купить. Вот этот. «Белка» называется. А ты какой хочешь себе?

Старший задумчиво посмотрел на витрину с ножами. Пробежался по разным моделям режущих предметов... И спокойно так ответил:

— Такой же, как у брата...

Сергей засиял, как новый полтинник, натёртый фетрой с пастой ГОИ. Но Виктор немного помолчав, после паузы продолжил...

— Но если и у брата будет такой же, мы будем их путать всё время. Тогда вон тот, который «Золотая рыбка».

Серёга сник. Но я его успокоил.

— Не переживай, Малой! Куплю я ему и нож, и рыбацкие придамбасы, какие захочет.

— Правда что ли?

— Да. Но не сегодня. Сегодня мы пришли не за этим. А с удилицем потом по рынку ходить неудобно будет. Согласен?

— Согласен. — насуплено проговорил расстроенный Сергей, видимо подозревая, что я его обману. Типа пообещаю, а потом не сделаю. Наверное, не раз с таким сталкивался.

Но я же не из таких.

— Витя! — А сколько денег надо тебе, чтобы купить удочку нормальную и к ней всё, что нужно? Типа леску, крючки и так далее...

— Ну-у... — рыбачок задумался, а хомяк внутри него в это время изо всех сил душил жабу.

— Десять рублей хватит? — подначил я.

— Ну... — снова включил свой внутренний калькулятор любитель рыбалки.

Я стал уставать от этого «нукания». Достал из кармана и протянул ему деньги:

— Вот, даю тебе пятнадцать рублей. Но всё это только на рыбалку. Потом сам купишь. А сейчас берём два ножа. «Белку» и «Золотую рыбку». И два рюкзака. Большой и маленький. Маленький мне, а большой Витьке.

— А мне? — Серёге было обидно. Что его обошли с раздачей бесплатных рюкзаков.

— Тебе какой?

— Большой, конечно.

— А унесёшь, если его картошкой набить?

— Не знаю. — честно признался он.

— Может тогда маленький?

— Ну, тогда маленький...

Я понял. Тоже тот ещё хомячина. Мне очень хочется проверить их, не избалуются ли они с первого раза, или всё же проявят какую-нибудь скромность. Хотя какая тут может быть скромность, когда богатая девка швыряется деньгами, направо и налево, абсолютно их не считая... Дают — бери, а бьют — беги...

Всё правильно...

Объяснив продавцу наши пожелания, я пробил через кассу за рюкзаки и ножи. А потом почти торжественно раздал подарки братьям.

— Спасибо! — буркнул старший.

— Спасибо! — тут же опомнившись, добавил младший.

— Да не за что. Пацан без ножа в кармане, это какой-то неправильный пацан... выдал я глубокую мысль, придуманную только что... — Всё равно вы потом всё отработаете... И ещё заработаете.

— А что делать-то надо.

— А я пока ещё сама не знаю. Но поверь мне, работа будет...

Мы почти уже ушли из магазина, когда я увидел неплохой такой полезный девайс. Литой казанок с крышкой. Имеющий ещё и дужку, как у ведра, для подвешивания над костром. Приличного такого размера, с добрую кастрюлю. Не раздумывая тут же купил и его. Засунул в рюкзак к Виктору. Этот казанок сразу же решил проблему моего меню на сегодня. Сделаю мои парням чахохбили. Я помню этот рецепт. Не самый сложный, кстати. Хотя, наверняка, настоящие грузины его делают как-то по-другому. Но я стараюсь всё делать по упрощённой рецептуре. Конечно, получается на вкус попроще, но и я и не гурман, и не грузин.

Как говорится... У нашего парохода и труба пониже, и дым пожиже, и нос поуже... Но идёт не хуже...

Глава третья

Бродя по рынку, я покупал почти всё подряд, но по своему плану. Купил курицу, явно не магазинную. Не только по цене, но и по внешнему виду. Дороже, чем в продмаге, но мне пофиг. Молодой картошки взял немного. Три кило. Купил по невероятной цене четыре азербайджанских помидора. В магазинах таких не появится ещё долго. Пучок укропа и пучок кинзы. Подумал немного, и добавил пучок петрушки. Две головки чеснока. Пакетик хмели-сунели, по пакетику чёрного и красного перца. Полтора кило репчатого лука. Добавил ещё небольшую баночку аджики, взятую у усатого продавца в кепке.

Растительного масла купил пол-литра. Выбирал по запаху. Купил вместе с бутылкой. Продавали в разлив. Надо с собой тару носить, оказывается, а я забыл. Так избаловали нас в будущем пластиковые бутылки и пакеты. Забыли уже, небось, что в магазин и на рынок надо ходить со своей упаковкой.

Рюкзак у Виктора заполнялся, но он не высказывал особых возражений. Похоже, что это физическое упражнение ему вполне по плечу.

Нашли посудную лавку. Тут я слегка разошёлся. Купил большую разделочную доску. Несколько кухонных ножей, набор мельхиоровых чайных ложек. Ложки и вилки тоже купил. Чайные чашки.

Теперь уже и у нас с Сергеем рюкзаки заполнились полезным грузом.

А напоследок прикупили пирожков с мясом, и по бутылке лимонада. Пирожки с лимонадом дружно схомячили. И только после этого пошли на трамвайную остановку.

До дома доехали довольно быстро. Но по дороге заскочили ещё в продуктовый магазин. Сливочное масло, сахар, печенье, хлеб. Колбаски варёной тоже прикупил.

Ребята занесли всё купленное в квартиру Вадима. Я вручил Сергею пятёрку за сегодняшнюю помощь по хозяйству, и мы расстались довольные друг другом.

Я по-быстрому почистил кастрюлю картошки, и оставил, залитую водой. Молодую картошку можно вообще не чистить, но я так, слегка ободрал её, чтобы она не потеряла своей юной красоты.

Помыл свой новый казанок. Моющего средства я не нашёл в продаже, зато купил соды и горчичного порошка. И то и другое отлично помогает для мытья посуды.

Налив на дно казанка подсолнечного масла, мелко нарезал туда репчатый лук и чеснок. Покрошил зелень. Причём мелко нарубленные ножки от пучков сразу пошли в казанок, а верхние части, отложил, чтобы добавить в почти уже готовое блюдо. Верхушки от укропа отложил отдельно от кинзы и петрушки.

Ещё на плиту казанок не попал, а аромат нарезанных овощей с чесноком и зеленью уже пленил. Мелко нарезанные помидоры дополнили разноцветность картины. Жаль, не было перца, я бы и его покрошил.

Я добавил соли и специй, а потом принялся за разделку курицы, ну а потом долго перемешивал кусочки курицы в казанке, до тех пор, пока все они не стали облеплены луком и зеленью.

По классике надо бы добавить грамм сто белого вина, но, увы, его у меня не было.

Поставив наполненный казан на небольшой огонь, я присел слегка отдохнуть. Всё время на ногах и с ножом в руках. Вся эта кухонная суэта сильно утомляет. Упарился я.

Глянул на часы. Ого. Уже почти полшестого. Интересно, когда ребята подъедут? От этого зависит, когда ставить варить картошку. Минут через двадцать точно будет уже пора.

Я перемешал содержимое казана, чтобы лук не пригорал ко дну. Очень, знаете ли, вкус подпортит.

Минут через двадцать на кухне уже вкусно и ароматно пахло. Я снова перемешал чахохбили, добавив зелень кинзы и петрушки. А картошка уже стояла на огне.

Когда в дверях провернулся ключ и вошли мои напарники. Я уже выключил огонь под казаном и занялся картошкой всерьёз.

— Парни! Мойте руки и за стол.

Слив воду, я кинул в картошку приличный кусок сливочного масла и нарезанную зелень укропа. Когда масло подтаяло, закрыл кастрюлю крышкой и слегка потряс.

Поздний обед, а может быть и ранний ужин, прошёл на славу. Ребята ели с таким аппетитом, что если бы их снимали для рекламы этого блюда, то продажи после этого подскочили бы в разы. Да и сам я ел, как не в себя. Аппетит просто зверский. Не растолстеть бы...

В ожидании закипания чайника, я поинтересовался у друзей, как прошёл их день?

Оказалось, что рутинно и утомительно. Чистили и отмывали последствия погрома в ванной. Сделали всё в лучшем виде, но как бы так сказать, сильно задолбались.

После чая уже ни у кого не было сил. Но Вадим взял на себя почётную обязанность помыть посуду.

Натан, полусидя на диване, отдыхал...

Неожиданно «проснулась» Инга.

— Саша! Проверь шрамы на животе!

Я расстегнул рубашку и понял, что чудеса продолжаются. От шрамов остались едва заметные светлые полоски. Думаю, что ещё через день другой и следа от них не останется.

— На спине тоже самое. — прокомментировала Инга.

— Скажи, а Натана сможешь подлечить?

— Не знаю. Но попробовать можно. Он хорошо поел. Так что у него есть сейчас запас сил у организма, чтобы способствовать быстрой регенерации. А я лишь направлю его силы в нужное место.

— Ну, что же? Давай попробуем!

Подойдя к Натану поближе, я сказал, обращаясь к нему:

— Я могу посмотреть на твои раны?

— Зачем? — лениво ответил он, не понимая моего интереса.

— Так надо.

Расслабленный после еды, он спокойно дал мне развязать повязку на голове.

Рана выглядела не так хорошо, как надо бы. Несмотря на тонкий разрез, края раны покраснели и слегка отекали.

— Ну что, Инга? Давай, действуй! — я устранился от действий и стал просто сторонним наблюдателем.

Инга взяла под контроль всё тело. Я при этом почувствовал как будто онемение. Так бывает, когда ногу отсидишь или руку отлежишь... Но сейчас ощущение, что я отлежал всё тело. Интересно, Инга тоже так себя чувствует, когда я управляю телом.

— Так же. Саш, не мешай мне! Сиди молча! Мне надо сосредоточиться.
Я постарался абстрагироваться от всего происходящего вокруг. Просто сидел и смотрел.
А передо мной стало разворачиваться целое представление.

Глава четвёртая

— Натан! Закрой глаза! Расслабься! Слушай только меня! И отвечай на мои вопросы только «да» или «нет». Ты меня понял?

— Да.

— Ты хочешь, чтобы твоя рана поскорее зажила?

— Да.

— Тебе нравится, что теперь на твоём лице будет шрам?

— Нет.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе залечить рану?

— Да.

— Ты веришь, что у меня есть особые способности?

— Да.

— Ты доверяешь мне?

— Да.

А тем временем пальцы Инги почти прикасались ко лбу музыканта. Почти, но не касались. Между пальцами и кожей Натана начали проскальзывать зелёные искорки.

— Ты чувствуешь тепло от моих рук?

— Да.

— Сейчас я буду направлять энергию лечения на твои раны, а ты будешь мне помогать. Ты должен мне помочь! Ты же хочешь, чтобы моё лечение помогло тебе?

— Да.

Голос «больного» звучал уже более монотонно. Казалось, что он как будто в транс... Или под гипнозом. Хотя я и не специалист в таких вещах. Так. По телевизору может видел что-то когда-то. Но не факт, что там только правду показывали. А сейчас вижу и верю в то, что это работает. Краем глаза я заметил появившегося у входа в комнату Вадима. Инга повернулась к нему и сделала останавливающий жест рукой. Доктор застыл на месте, но продолжал наблюдать за лечением.

А Инга продолжала:

— Натан! Сейчас я буду направлять на рану лечебное тепло. Если станет слишком тепло, потерпи! Так надо. Ты меня понял?

— Да... — голос звучал глухо.

— Твоя кожа начинает искать способ снова соединиться в одно целое. Ты чувствуешь это?

— Да. — на этот раз голос прозвучал веселее.

— Тебе щекотно?

— Да.

— Это хорошо. Значит, рана заживает. Потерпи немного! Ты же хочешь, чтобы твоё лицо снова стало, таким как было раньше?

— Да.

Из кончиков пальцев Инги уже не искорки сверкали, а прямо лились ручейки зелёного цвета и гладили раны на носу и на рассечённой брови. Раны под зелёными лучами казались неестественного коричневатого-багрового цвета. Цвет зелени сменился, он стал более

светлым, но более ярким. Ещё пока не слепил глаза, но уже было близко к этому.

— Тебе тепло?

— Да... — совсем тихий голос...

— Тебе хорошо?

— Да...

Уже не зелёный, а почти ярко белый свет заливал лицо пациента. Свет исходил уже не из пальцев, а из ладоней целительницы. Голос её звучал спокойно, но очень убедительно:

— Я тебя вылечу! Ты веришь мне?

— Да...

— А сейчас ты должен поспать! Ты потратил много сил! Когда ты проснёшься, то всё будет хорошо... А теперь... Спи!

Ничего не изменилось в позе Натана. Инга продолжала делать над его головой пассы руками. Но никакого света руки больше ни излучали.

А пациент как сидел на диване в расслабленной позе, откинувшись на спинку, так и продолжал сидеть. Но его дыхание стало более ровным. Он спал. Он просто спал...

Я решил слегка вмешаться и спросил у Инги:

— А ты можешь исправить ему дикцию, чтобы он больше не картавил так сильно?

— Не знаю. А надо ли? Он порой так смешно говорит...

— Солнышко! Зачем смеяться над другом. Я думаю, что он всю жизнь стесняется своего дефекта. Он даже свои фразы так строит, чтобы максимально исключить букву «Р» из своих фраз.

— А как это сделать?

— А как ты лечила шрамы?

— Ну... Я давала импульс его телу, а тело само...

— Попробуй так же. Пообщайся с его организмом. Тем более он спит. Разве так не проще?

— Я попробую...

Она снова поднесла пальцы к лицу спящего друга. На этот раз к вискам. А потом закрыла глаза, и я перестал что-либо видеть.

Через несколько минут мои глаза снова открылись. На мой взгляд, ничего не поменялось. Натан всё так же сидел, откинувшись на диване. Его лицо было спокойным и умиротворённым...

Раны? Их больше не было... Почти... На его лице были видны лишь две слабо видимые светлые полосы на коже. Ран больше не было! Как будто их и не было вовсе. Ниточки ненужных уже швов бессмысленно торчали, обозначая те места, где ещё несколько минут назад были повреждённые участки кожи.

Инга отступила на шаг, как бы любуясь своей работой, и устало присела на стул. Я тоже чувствовал усталость этого тела. Хотя я сам ничего не делал, только смотрел. Вот, что значит одно тело на двоих.

В дверях безмолвным памятником самому себе, стоял наш ветеринар. Глаза у него были большие-большие, как у анимешной девочки.

— Что это было? — то ли произнёс, то ли выдохнул Вадим, ни к кому конкретно не обращаясь.

Но, учитывая, что кроме меня и Натана в комнате никого не было, а больной после утомительной процедуры спал, отвечать пришлось нам. Так как я устранился при

проведении лечения, контроль был в руках Инги. Ей и отвечать...

— Лечение. — лаконично ответила юная целительница.

— Но как?

— Я не знаю. — простодушно и как бы даже слегка наивно ответила Инга. — Я в медицине ничего не понимаю.

Тот, кто посвятил медицине почти полжизни и знал много больше тринадцатилетней девочки, не мог поверить тому, что видел своими собственными глазами.

— Это невероятно! — он указал на лицо Натана. — Если бы я сам это не видел, то подумал бы, что меня просто обманули.

— Считай, что тебя обманули. Потом снимешь ему швы, ладно?

— Инга! Ты можешь, хоть что-то мне пояснить?

— Я же сказала, что плохо разбираюсь в медицине. Кстати, мне нужна твоя помощь. У тебя есть книги по медицине? Мне нужно много информации по анатомии человека и про работу органов ещё. Если можно что-нибудь попроще, без латыни. Я её не знаю. Но поподробнее, чтобы мне было понятно.

— Ты хочешь пойти учиться в медицинский?

— Нет. Не хочу. Мне просто надо побольше знаний. А то с наружными повреждениями я уже научилась справляться, а с внутренними органами, пока не знаю чего делать...

— Ты хочешь сказать, что уже залечила шрамы на своём теле?

— Да.

— Я могу посмотреть?

— Да, доктор.

Я почувствовал, что контроль над телом постепенно возвращается ко мне. Инга мне сообщила, что устала и ей надо отдохнуть. После этого контакт с ней пропал. Придётся мне выкручиваться и что-то отвечать на вопросы медика. А вопросы у него наверняка возникнут.

Расстегнув рубашку, я снял её с себя. Вадим тщательно рассматривал кожу на месте моих шрамов, трогал пальцами, нажимал на кожу, поворачивал меня, снова пальпировал. Видимо на спине тоже от шрамов остались лишь слабые следы.

— Хватит! Щекотно.

Я снова оделся. Вроде бы ничего такого, как на приёме у врача, но почему-то ощущал я себя неловко. Стесняюсь, что ли? Раньше вроде бы не стеснялся. Неужели я окончательно превращаюсь в девочку?

Вадим был настолько ошарашен, что не мог ничего ни говорить, ни делать. Сидел молча, изучал пустоту, задумчиво глядя в потолок.

— Вадим! Напой меня чаем! Я очень устала...

— Да-да... Конечно. Я сейчас...

Мы переместились на кухню. В ожидании закипания чайника, сидя друг напротив друга мы молчали. Молчание висело в воздухе.

Это было похоже на игру в молчанку. Проигрывает тот, кто первым нарушит его. Проиграл наш Айболит.

— Инга! Я не верю...

— А я тут при чём? Это твой выбор — верить или не верить.

— Твои глаза светились зелёным светом, когда ты посмотрела на меня.

— Ну, у меня вроде бы зелёные глаза. У папы были такие же.

— Но они светились, как у кошки ночью.

— Моя фамилия — Котти. Но я не кошка вроде бы.

— Ты иронизируешь, а я серьёзно хочу разобраться.

— Зачем? Зачем разбираться? Этого мне хочется меньше всего, чтобы кто-то копался во мне и разбирался: что и почему. Ты ещё отправь меня в КГБ. Чтобы там надо мной начали эксперименты ставить.

— Да ты что... Нет. Я для себя...

— А для себя, ты лишь определилась — ты мне друг или кто?

— Друг.

— А Натан — наш друг?

— Да...

— А разве у друзей нужно спрашивать, почему и как друг помог другу? Это уже не дружба получается. Ты же, когда помогал мне, ты не спрашивал, почему у девочки рука прострелена из пистолета. Ты сначала всё сделал, а потом уже поинтересовался, что случилось...

— Ну да...

— А зачем тогда сейчас спрашиваешь, почему и как я помогла нашему другу избавиться от шрамов на лице?

— Но я не понимаю.

— И я не понимаю...

— Но ты это сделала. Прямо у меня на глазах.

— Не. Не на глазах. Всего лишь на лице у Натана.

— Хватит ёрничать!

— Тогда не задавай мне вопросов, ответы на которые я сама не знаю.

— Инга! Я как доктор хочу разобраться.

— Лучше как доктор, помоги мне разобраться хоть немного в медицине. Тогда может я и смогу тебе, хоть что-то ответить. А пока я просто не понимаю, что делаю, и почему у меня получается. Я не знаю. Поверь мне!

— Я тебе верю. Но не могу поверить даже своим глазам.

Закипел чайник и прервал нашу беседу. Я пил сладкий чай и наслаждался.

— Слушай, доктор! А подскажи мне, как лучше сделать так, чтобы следов от шрамов вообще не было видно?

— Говорят, что помогает загар. Только не слишком сильный. Но дозы ультрафиолета полезны.

— То есть ты намекаешь, что надо на юга смотаться? Позагорать и отдохнуть? Я не против. Я только «за».

— Но у меня работа...

— Возьми отпуск! Дай денег там, кому надо. Давай съездим на море! Я никогда на море не была. А у меня такое ощущение, что в этом году в середине лета у нас на курортах начнётся что-то нехорошее. И вторая половина лета для отдыха на Чёрном море не подойдёт.

— Что такого может произойти на курортах Чёрного моря? Плохая погода? Дожди?

— Эпидемия холеры...

Глава пятая

— Что за ерунда? Холера? У нас в СССР? Не может быть. После Гражданской войны эпидемия закончилась. У нас такая медицина в стране, что такой эпидемии быть не может. Это раньше...

Валим ненадолго замолчал, что-то обдумывая. А потом вдруг внезапно спросил:

— Что? Правда холера?

— Правда.

— Но как? Откуда ты можешь знать?

— Не знаю. Просто знаю и всё.

— Кстати. Я тут ещё кое-что подумала. Тебе с Натаном действительно лучше всего провести весь июнь и начало июля не в Москве. Но ни в коем случае не в Питере?

— В Ленинграде?

— Ну да...

— А почему?

— Понимаешь... Люди вашей национальности...

— Ты что-то имеешь против евреев?

— Я — нет. А вот комитет...

— Да. Они нас не очень-то любят...

— А после пятнадцатого июня очень будут не любить.

— А что будет пятнадцатого июня?

— Тебе это обязательно надо сейчас знать? Ты сможешь потом узнать из газет. Ну или из «вражбых голосов» по радио.

— А ты уже знаешь?

— Знаю.

— И что там будет?

— Если ты обещаешь, что никому ничего не скажешь...

— Даже Натану?

— Даже Натану.

— Обещаю!

— Слово?

— Да!

— Ну, как знаешь. Я конечно расскажу тебе всё, что сама знаю. Но тебе потом жить с этим знанием, и с осознанием того, что ты ничего не сможешь сделать, чтобы это предотвратить...

— И у тебя много таких знаний?

— Зря иронизируешь. Я каждый день переживаю, что не могу ничего сделать для того, чтобы спасти людей, заранее зная, что они погибнут.

— И много погибнет?

— Много. Вот, например, в это воскресенье, тридцать первого мая, в Перу произойдёт землетрясение...

— Так далеко...

— Его потом назовут Великое Перуанское землетрясение. Магнитуда основного толчка

примерно восемь баллов по шкале Рихтера. В департаменте Анкаш погибнет до семидесяти пяти тысяч человек. Город Юнгай полностью будет разрушен. В самом городе погибнет более двадцати пяти тысяч человек. Всё случится примерно в пятнадцать часов по местному времени.

— Инга! Ты что такое говоришь? Это действительно произойдёт?

— Да.

— Но надо же...

— Что? Позвонить в министерство иностранных дел и сказать им: Я знаю, что тогда-то и там-то будет землетрясение!

— Ну... да...

— Во-первых: тебе не поверят. Примут за психа или за провокатора.

— Но потом...

— А потом, когда всё произойдёт, тебя закроют в подвале на Лубянке и будут пытаться на предмет источника твоих знаний. Ты выдашь меня. И пытаться уже будут меня.

— Я не выдам.

— Выдашь. Нет таких людей, которые молчат под пытками. Просто не все умеют правильно спрашивать...

— А ты умеешь?

— Умею...

Вадим замолчал, но потом, как бы вспомнив, спросил:

— А что будет пятнадцатого июня?

— Группа примерно в двенадцать человек, в аэропорту у города Приозёрска недалеко от Ленинграда, попытаются захватить самолёт, чтобы вылететь в Швецию. Большая часть из них — евреи. Их всех арестуют. Двоих потом расстреляют, а остальных надолго посадят. А ко всем евреям СССР после этого будут относиться как к потенциальным идеологическим врагам.

— Надо их предупредить...

— КГБ уже с апреля в курсе подготовки угона. И этих людей уже предупреждали об этом. Они не стали менять свои планы. Готовились стать мучениками во имя идеи. Но всего лишь навредили и себе и другим. Ничего уже не исправить.

— А зачем нам лучше быть подальше?... Ясно. Сам догадался. Чтобы потом не могли привязать к ним...

Киваю в ответ.

— А про холеру?

— Начиная с середины июля и почти до октября, эпидемия прокатится по всему черноморскому побережью и не только. Первый случай в Батуми, потом Одесса, Керчь, Новороссийск... Особенно в Астрахани будет много заболевших и умерших. В десять раз больше чем во всех остальных местах.

— Но надо...

— Что, Вадим? Что ты можешь сделать? Очаги заражения будут в разных местах. Я не знаю подробностей, я знаю последствия. И опять же... Как ты сможешь это предотвратить? Предупредить? Но кто тебе поверит? Ты же мне не поверил сначала.

— Ну да... Ты права. Но хотя бы родственников Натана, ну то есть его жены предупредить.

— А они скажут соседям, а те своим родственникам. Вадим — это же Одесса. Там в

одном углу чихнёшь, в другом скажут: «Будь здоров!». В конце концов, об этом снова узнают большие дяди из Комитета глубинного бурения и придут к нам с вопросами...

— Как ты интересно сказала... Комитет глубинного бурения... Не слышал такого.

— Ну да, а в США говорят Кей Джи Би.

— Не буду спрашивать о том, откуда ты это знаешь...

— И не надо.

— ...

— Ну так что... Возьмёшь отпуск? Съездим на море?

— Надо подумать...

— Думай!

Последнее слово я всегда стараюсь оставить за собой.

Натан проснулся только утром. Мы об этом узнали по его удивлённому возгласу из ванной. Видимо он, умываясь, взглянул в зеркало. Сначала не сообразил, но потом вспомнил, что у него на носу и над глазом должны быть свежие шрамы от бритвы. А теперь там торчали только нитки, а шрамов не было. Он стал щупать себя за лицо в поисках ран, но не нашёл. Всё это он сопровождал немного нецензурными выражениями удивления.

— А ещё культурный человек... с виду... — прокомментировал проснувшийся доктор.

— Надо было ему вчера ещё и швы снять. — добавил я.

— Не хотелось будить его.

— А он бы и не проснулся. Он так вчера устал, что видишь, спал до утра без задних ног.

— А он-то с чего устал. Работали мы с ним вместе.

— От лечения. Ты думаешь, это я ему шрамы лечила? Не-а. Это он сам. Я просто дал нужную установку его организму. А потом слегка подпитывала своей энергией. А раны залечивал его собственный организм. Только ты ему не говори.

— Ладно. Не скажу. А меня сможешь научить?

— Чему?

— Вот так вот лечить.

— Нет. Не смогу. Я же сама не знаю механизм всего этого. Честное слово!

— Но почему у тебя получается?

— Наверное, это награда... — я показал пальцем вверх. — За мои мучения и страдания.

— Я всё равно не верю.

— Это твоё право. Никто тебя не заставит верить, если ты сам не хочешь поверить в это. Тебя отягощают знания. Вот покажи я такой фокус человеку из раннего средневековья, он сразу поверит, что я колдунья.

— Ага. И тебя сожгут на костре.

— Но поверят же...

Натан вернулся в комнату и вопросительно посмотрел на меня. В его взгляде читалась какая-то невысказанная мысль.

Я надул губы и голосом обиженного ребёнка произнёс:

— Натан! Не смотри на меня так, пожалуйста. Я больше так не буду!

Вадим расхохотался, глядя на мои гримасы. Натан какое-то время давил в себе смех, но тоже рассмеялся. Я улыбался. Это просто обычное такое счастье, когда друзьям весело.

— Что ты со мной сделала? — Наконец смог произнести своё вопрос музыкант.

— А что не так? — поинтересовался я. — Надо было ещё и ринопластику тебе сделать?

Левин смотрел на меня непонимающе.

— Ринопластика это коррекция носа. Такая пластическая операция. Очень дорогое и мучительное удовольствие. — перевёл ветеринар медицинский термин на доступный русский язык.

— Инга! — настойчиво продолжил Натан, — Что ты сделала?

— Помогла тебе стать прежним. Я чувствовала свою вину, за то, что с тобой произошло.

— А твоя вина-то в чём?

— Я плохо связала того злодея. У меня тогда с правой рукой были проблемы.

— Но ты умудрилась одной левой обезвредить налётчика, а потом ещё и связать его.

— Вот... Плохо связала. И из-за этого он изрезал бритвой лицо моему другу. Я переживала. Моя вина грызла меня. Я решила исправить то, что произошло из-за меня. Вот и помогла тебе вылечиться.

— Давай ты не будешь передёргивать... То что ты сделала — это невозможно. Так не может быть, если ты, конечно, не бог.

— Давай оставим эти разговоры! Что вы заладили: Бог! Бог? Про какого бога вы всё время спрашиваете? Никто его никогда не видел и никто никогда не слышал его голоса. Но в него почему-то верят люди. Верят слепо, а порою и неистово. А ещё эти слепо верующие люди, пытаются убедить всех и вся, что верят в него. Но чем больше они пытаются убедить в этом меня, тем мне становится больше ясно, что они лишь пытаются побороть демонов, раздирающих их изнутри. Ведь демоны и созданы для того, чтобы подготовить почву, из которой взрастает слепая вера в неизведанное чудо. А надо ли богу, чтобы в него слепо верили, как в чудо? Конечно, если есть он на самом деле...

— Ты так говоришь о боге, как говорят о равных себе. Может ты и есть бог или его посланник?

— Натан! Не смей меня! Какой я бог? «Я не волшебник. Я только учусь...» — не постеснялся я использовать известную фразу из фильма «Золушка».

Вадим слушал нас с интересом, но не вмешивался. На лице его таилась задумчивая улыбка. Но вот он решился, и обращаясь к Натану, предложил:

— Толя! Давай я из тебя нитки выдерну. Они уже не нужны на твоём лице. И кстати, у тебя почему то изменилась дикция. Твоё знаменитое «Р» уже не звучит так смешно, как раньше.

Натан запнулся. А потом махнул рукой:

— Да. Странно. Я стал по-другому разговаривать. Я даже сам не узнаю свою речь. Р-р-р-р...

— Не рычи! — поддел друга доктор. — Нитки-то из тебя выдёргивать?

— Да. Давай! — казалось, он был расстроен и даже слегка напуган. — Делайте, что хотите! Я ничего не понимаю.

— Ты — не один. — присоединился к нему я. — Мы с Вадимом тоже ничего не понимаем.

Ветеринар взял маленькие ножницы, подрезал узелки и за секунду избавил лицо больного от лишних украшений.

Глава шестая

Я решил не откладывать надолго наметившиеся планы, и пока они там развлекались с нитками, завёл новую для Натана тему:

— Мы тут решили, что для реабилитации больных и раненых, нам надо съездить на юг и отдохнуть на море месяц, другой...

— Кто это мы? — поинтересовался доктор.

— Ну, мы же с тобой уже договорились...

— Не было такого...

— Чего не было?

— Что-то я не припомню, что мы УЖЕ договорились.

— А ты, что? Против?

— Да, нет, в общем-то.

— Вот и ладненько. — А ты, Натан?

— Я не знаю. Но я и не против.

— А ты знай, что ты мне очень нужен. И без тебя я одна не смогу поехать. Мне снова придётся воспользоваться документами Маши. Со стороны это будет выглядеть очень даже нормально. Отец с дочерью, вместе с другом семьи — едут отдыхать на море.

— Ты всё время напоминаешь мне о больном.

— Успокойся! Ты уже отомстил за дочку и за жену. Они тобою гордятся. Не всякий отец и муж на такое способен.

Вадим положил руку на плечо друга и поддержал меня:

— Она права, Толя. Твоя жизнь не только продолжается. Она выходит на другой уровень. И моя жизнь тоже. Мы сами не знаем, с чем мы соприкоснулись. Это что-то новое, нереальное. И в то же время вокруг нас по-прежнему та же самая жизнь, те же люди со своими повседневными заботами и делами. Но мы-то уже другие. Я думаю, что нам надо поехать вместе с Ингой. Помнишь, что она говорила? Что это не она сама выбирает направление, а что-то или кто-то подсказывает ей, куда идти.

— Я помню... Я с вами. Когда едем?

— Ну, ребята. Нам надо подготовиться. Вадиму взять отпуск, а тебе тоже следовало бы разобраться со своим статусом на работе. у нас в стране к тунеядцам плохо относятся. Ну а мне надо устроить шопинг.

— Что? — практически в один голос спросили меня друзья.

— Шопинг — это от английского shop — магазин, если по-нашему. Ну, скажите, в чём девочка будет загорать и купаться на море? В мальчиковых трусах? Это же неприлично.

— До этого ты предпочитала именно мужскую одежду.

— Так было надо. Так было удобнее. Теперь всё иначе. Мне нужен нормальный купальник.

— А твои шрамы? — Натан проспал демонстрацию моих излеченных шрамов доктору и был не в курсе...

— Их больше нет.

— Не может быть.

— Что? Мне опять раздеваться? Мужчины... Это уже становится немного

неприличным. Но если вам так интересно... — я стал расстёгивать пуговицы на рубашке...

— Нет не надо. — одёрнул меня Вадим. — Толя! Я всё подробно уже рассмотрел. Она вылечила свои шрамы. У неё нет больше их, ни на руке, ни на животе, ни на спине. Чистая кожа... Чуть просматриваются светлые полосы. Но немного ультрафиолета, и это пройдёт без следа. Да и тебе поездка на море пойдёт на пользу.

— Я не против. Вы меня убедили. Сегодня и начнём.

— Мне надо на работу съездить. — сообщил Вадим. — Инга, а сколько денег дать начальству. Она женщина серьёзная.

— Не так много, рублей пятьдесят. Ещё скажи ей, что если она нигде не будет отмечать, что тебя не было на работе, то и зарплату твою сможет забрать себе, а ты потом всё подпишешь в ведомости.

— Я попробую.

— Возьми деньги! Кстати, а куда ты убрал то, что вывезли с квартиры Натана?

— На антресоли.

— Доставай! Надо разобраться кое с чем.

И уже обращаясь к музыканту:

— Натан! Ты не хочешь помочь?

— А что я должен делать?

— Вот посмотри! — я достал портфель с уголовными делами. — Здесь дела по нескольким нераскрытым преступлениям. Всё как под копирку. Вламывались в квартиры, грабили, убивали. Там в каждом деле есть список похищенных ценностей. И даже рисунки особо приметных украшений. У нас есть куча украшений из золота. Надо разобраться. Если найдутся похожие на те, что там указаны в делах, я предлагаю вернуть их потерпевшим, тем, кто остался в живых. Вдруг там будут те ценности, которые им дороги не только из-за их стоимости, а просто как память о родственниках. Я думаю, что так будет правильно.

— Ты права! Это хорошее дело!

Вадим укатил на работу. А мы занялись делом.

Так забавно был со стороны наблюдать, как Натан разбирается с золотыми изделиями. Он их раскладывал. Рассматривал, перекладывал с места на место. Листал уголовные дела. Снова перекладывал из кучки в кучку. Казалось, что большой ребёнок забавляется с цветными стекляшками и блестящими безделушками.

Неожиданно, он застыл, держа в руках кулон с камнем, на довольно толстой золотой цепочке. Из его глаз как крупные горошины по лицу прокатились две слезы... Только две слезинки... И всё... Он убрал кулон с цепочкой в карман, а сам продолжил перебирать цацки...

Об этом я не подумал. Хотел его отвлечь от грустных мыслей. А сам... Толкнул его снова в пучину горьких воспоминаний.

Ладно. Он мужчина крепкий. Должен справиться.

А тем временем я тоже не скучал. Стал «играть в фантики». Разбирал деньги и другие бумаги. Облигации, облигации... А это что за... Сертификаты Внешшосылорга... Синие полосы, жёлтые полосы... О, а эти без полосок. Тут на некоторых и печати стоят... Ага. Ясно. На сертификатах с копейками печати не ставят. А на рублёвых синеют оттиски. Прочитать трудно. Некоторые смазаны и плохо читаются. Но... Буквы всё-таки проглядывают. На одной удалось прочитать: «... денежных документов» на другой:

«СоюзГосЦирк», а ещё на одной: «Министерство Культуры СССР».

Значит... Значит, это тоже из квартир, где жили цирковые артисты. Угу... Чеков приличная сумма. На машину не хватит, но всем придется в самый раз.

Есть и по двести пятьдесят рублей и с копеечными номиналами. Но больше всего по двадцать и по десять рублей. На некоторых печати, не имеющие отношения к цирку. Но это ерунда. Я помню немного эту систему. Главное уверенно себя вести на входе. И иметь хоть что-то из документов, которые могут объяснить нахождение сертификатов в твоих руках.

— Натан! У тебя есть документы, доказывающие, что ты работаешь в цирке?

— Ну... У меня есть пропуск в цирк... Что ещё? Больше ничего. Загранпаспорт был, но я его сдал, когда вернулись с гастролей.

— Ты был на гастролях за границей?

— Да, какая граница? Один раз в Болгарии на фестивале цирков и всё.

— То есть ты знаешь, как «пользоваться» магазином «Берёзка»?

— Ходили с женой. Но у меня тогда было всего ничего. Она купила косметику, а Машке жевачки взяли на сдачу...

— купишь мне тоже. Я люблю фруктовую. С ментолом не очень...

А сертификаты?

— Да вот тут есть немного...

— Ничего себе немного. Да тут... Но вот эти с жёлтой полосой... Я не был в таких странах. А без полосы...

— А если был? Кто будет проверять. Цирк же ездит и в Индию, и в Бельгию с Австрией.

— Ну... да...

— У тебя есть во что одеться поприличнее. Чтобы сразу было видно, что ты не простой советский человек.

— Но я именно и есть — простой советский человек.

— Это исправимо.

— Но...

— И не спорь со мной. Помоги лучше мне тоже найти что-нибудь из одежды для девочек. Желательно тоже не советское.

— ...

— А ещё мне снова надо в парикмахерскую. Подстричься и покраситься.

— Но у тебя и так короткие волосы.

— А будут ещё короче.

— С тобой невозможно спорить.

— И не надо. Ты там разобрался с цацками?

— С чем?

— С ювелирными украшениями...

— Да. Нашлось многое, но не всё. В некоторых вещах я сомневаюсь. Всё-таки рисунки у следователей так себе, и описание украшений слишком уж скупое и убогое.

— Когда будем возвращать? Сейчас? Или когда вернёмся с юга?

— А ты как считаешь?

— Я думаю, что лучше после возвращения. А на время поездки, все лишние деньги и ценности надо бы спрятать получше. Лучше всего закопать. Так как нет уверенности в том, что в ваши квартиры во время нашего отсутствия никто не заберётся. Это практикуется во

всех странах во все времена. Если долго нет хозяев — дом доступен без присмотра.

— Но я тут уже много чего разложил по делам.

— Сделай пакетики из бумаги. Потом всё равно придётся всё перебирать.

— Зачем?

— Протирать. Стирать твои и мои отпечатки с предметов. Даже на таких маленьких предметах, как камень в ювелирном украшении можно найти и снять отпечаток пальца или его фрагмент. Нам этого не надо. Вдруг кто-то из потерпевших потащит то, что им вернули опять в милицию.

— Но зачем?

— А кто их знает... Люди порою такие непредсказуемые.

— На да...

— Слушай! А что ты думаешь насчёт обеда?

— Сейчас?

— Нет, конечно. Но готовить то его надо.

— Ты вчера такой обед сотворила. Это было чудесно.

— Сегодня тоже могу расстараться, но надо снова идти за продуктами. А на будущее, надо чтобы в квартире был холодильник. Когда будет где хранить запасы, готовить вам обеды мне будет легче.

— Пошли в магазин тогда.

— Бери с собой побольше всякой тары. Авоську там... сумку. А я возьму рюкзак.

Мне пришлось подождать, пока Натан соберётся. Ну то есть уберётся. Ему ведь пришлось изобретать кульки из газетной бумаги, а потом снова всё прятать на антресоли.

Но всякой работе приходит конец, и через некоторое время мы уже шагали по лестнице на выход из подъезда.

— Натан! Давай пока мы налегке в парикмахерскую забежим. Мне только спросить. Смогут ли они сделать то, что я хочу.

Ох, уж эти наивные советские мужчины. Моё «только спросить», вылилось в полтора часа сидения в парикмахерской.

После долгого препирания в женском зале, меня отправили стричься в мужской.

Там я сумел донести до мастера свои хотелки, и в принципе, получил желаемое. А после я вернулся в женский зал и меня там покрасили хной в рыжесть.

Да, получилась именно жесьть.

В зеркале я увидел, что реально похож на британскую актрису из будущего. Маленькой ещё она сыграла Гермину в «Гарри Поттере». Угу. Эмма Уотсон. Или Ватсон. Мне всё равно.

А потом эта девочка подросла и постриглась покороче.

Смотрю в зеркало.

А что, похож...

А наш музыкант оказался умнее, чем я думал. Он не стал сидеть и ждать меня у парикмахерской. Видимо опыт семейной жизни даёт себя знать.

Он просто пробежался по соседним магазинам. Даже умудрился купить мяса. Правда это была говядина с косточкой, которая больше годилась на суп. Ну и ладно. Осталось только по дороге домой придумать, что за суп сварить.

По дороге попала палатка с мороженым. Кажется, в эти времена именно там продавалось нечто, что в будущем там уже не додумались бы продавать. Замороженный шпинат в брикетах. Есть! Отлично. Сегодня у нас будут зелёные щи со шпинатом. пару морковок взял в соседнем овощном.

Вот ведь времена. Бакалея в одном магазине, овощи в другом, хлеб в третьем... Эх, сейчас бы Ашан какой рядом с домом. Мечты, мечты...

Придя домой сразу поставил варить бульон. А за это время я успею и картошку с морковкой почистить. А лук ещё и пожарить с тёртой на крупной тёрке морковкой. Шпинат уже стал оттаивать. Да... Холодильник. Вот вернёмся с юга... Не забыть бы...

Бульон варился долго. Я уже успел заскучать. Хотя пришлось первое время стоять над ним и пену снимать. Но всё кончается и плохое, и хорошее, и долгое ожидание. Вынув мясо из готового бульона, я отделил мясо от кости и нарезал помельче. Закинул опять обратно. туда же пошла нарезанная соломкой картошка.

Через некоторое время закинул туда и поджаренный лучок с морковкой. А потом уже и шпинат в дело пошёл. Сметанки не хватает. Ещё яичек куриных парочку отварить и половинку в тарелку запустить, как кораблик в зелёное море.

Но вернувшийся Вадим, и уже изголодавшийся от вкусных запахов с кухни Натан, ели мой супчик и хвалили.

Я не против.

Хвалите меня, хвалите!

Но супчик и правда получился объеденье.

После привычного уже позднего обеда пришло состояние приятной сытости и ленивой расслабленности...

— Ну, что, джентльмены! Поедем завтра в «Берёзку»?

Вадим, недоуменно поднял на меня глаза:

— Деточка! Там за рубли не продают.

Отвечаю ему в том же духе:

— Дяденька! А у меня тут сертификатов немного нашлось. На машинку с колёсиками не хватит, но закупить одежды на нас троих вполне. Вы же не поедете со мной на юг, в таком неприличном виде?

— А почему это у меня вид неприличный? — Вадим даже немного обиделся вроде бы. Или это только с виду?

— А я утром видела тебя в плавках, так вот. У тебя они уже протёрлись на коленках, и дырка на попе...

— Всё! Хватит! Ты права. Приличные плавки мне не помешают.

— И не только плавки. В шортах на юге ещё не принято мужчинам ходить где попало. Так что понадобятся брюки поприличнее, но из более тонкого материала, чем ваши шерстяные.

— А нас туда пустят? — Вадим всё сомневался в возможности простого советского человека посещать, и не дай бог, отовариваться в настоящем, почти что валютном магазине «Берёзка».

— Не переживай! — цирковой музыкант с видом знатока свысока посмотрел на друга, — Я уже бывал там. Всё нормально будет.

— Натан! Ты немного ошибся. — поправил его я, — Ты там не «бывал», ты там «был» и всего лишь один раз.

— Можно подумать ты там каждый день себе конфеты покупала? — иронично переспросил он меня.

— Не конфеты, а жевачку. — не подтверждая, и не опровергая его слова, я подбросила немного свежих дров на костёр его недопонимания. — И не каждый день.

Снова эти двое смотрят на меня. И снова в их глазах сложные переплетения сомнения и недоверия.

— Ребята! Расслабьтесь! А то у вас на лицах видно, как мысли бегают внутри. Особенно у тебя Вадим.

— А почему это у меня особенно видно?

— Потому что у тебя лицо больше! — поймал мою шутку Натан и подколот друга. — У тебя лицо заканчивается не на лбу, а на затылке.

— Вот сейчас обидно было. — похоже у доктора это был довольно большой вопрос.

Ну, ещё бы, тридцать три года, а лысина уже съела три четверти волосяного покрова головы.

— Вадик! Тебя это беспокоит? Хочешь об этом поговорить? — тоном опытного психотерапевта, начинаю слегка троллить слишком рано облысевшего ветеринара.

— Да, Инга. Тебе это не понять. Ты вон взяла и постриглась так коротко, как даже мальчики сейчас не стригутся. И тебе это очень даже идёт...

— Спасибо!

— А я оберегаю на голове, каждый волосок. Потому что ещё не старый, но уже лысый. А это плохо складывается на общении с девушками.

Видно было, что тема для него реально больная. Натан, хоть был и старше на год, но имел на голове шикарную гриву со слегка седыми висками... Кстати, его тоже надо бы постричь поприличнее. А Вадим...

— Инга! Приём!

— Да, здесь я. Здесь...

— А ты можешь...

— Я поняла. Могу попробовать, но результат не обещаю.

— Но ты, хотя бы попробуй. В будущем такие операции делают. Пересаживают волосяные луковицы с того места, где они ещё есть, в то место, где их уже нет...

— А мне-то зачем эти подробности?

— Ну, ты же говорила, что тебе не хватает знаний по медицине.

— То, что ты мне сказал сейчас — это не медицинские знания, а всего лишь слова

человека, который что-то где-то слышал.

— Хоть что-то... Вон когда ты лечила картавость у Натана, ты как действовала?

— Я обратилась к его организму с призывом это исправить.

— Вот. Сможешь внушить голове Вадима, что ей так холодно и неплохо бы снова шерстью обрасти?

— Если я так сделаю, то он в барашка превратится.

— Он и так был кудрявый раньше. Видишь, у него остатки волос на голове кучерявятся? Значит, и на макушке будут такие же кудрявые. Интересно, с твоей помощью, как быстро у него волосы отрастут? Раны ведь быстро заживают, прямо на глазах...

— Я попробую. Но снова повторяюсь: Не обещаю, что всё получится так, как ты думаешь. Сейчас я соберусь. Ты пока его подготовь, а потом я снова тебя подвину.

— Без проблем...

— Вадим! Выслушай меня! — стараюсь предать голосу максимум серьёзности, хотя иногда пробивает на хи-хи. — Ты хочешь, чтобы снова на твоей голове были волосы, как в молодости?

— Ты смеёшься? Хочу, конечно, но увы...

— У тебя есть фотография, где ты молодой и с волосами?

— Можно поискать, у меня и на паспортной фотографии они ещё есть, но она маленькая.

— Показывай!

Он достал паспорт. Фотка была маленькая, но лысины на неё ещё не было.

— Тогда у меня только на затылке стала проявляться плешь. И на фото это не было заметно.

— А побольше есть фото?

Нашлось фото и побольше. Как в песне у Аллегровой «Фотография девять на двенадцать». Кудрявый молодой человек с серьёзным взглядом.

— Инга! Такой образец пойдёт?

— Вполне. Ещё бы вид сзади иметь.

— Так не фотографируют даже в тюрьме. Там только фас и профиль.

За неимением гербовой придётся снова рисовать на туалетной. В первый раз, что ли? Нам не привыкать.

— Вадим! Садись на диван и расслабься!

— Что? Опять чудеса будешь творить?

— Во-первых: Я только постараюсь. А во-вторых: Ты что, против?

— Я не против. Просто думаю, что на этот раз у тебя ничего не получится.

— А вот теперь послушай меня! Натан верил, что я ему помогу. И у нас всё получилось. Я не знаю, получилось бы у меня помочь ему, если бы он не хотел вылечиться. Так что или ты мне помогаешь своим желанием, либо будешь и дальше переживать по поводу своего облысения. Ну, как? Будешь мне помогать?

— Буду! — настойчивость в его глазах могла прожечь дырку в стене. Но капельки недоверия всё ещё были видны мне. Пора начинать...

— Инга! Начинай!

Меня снова отодвигают вглубь на место стороннего наблюдателя, а голос Инги зазвучал уверенно и властно:

— Садись! Устраивайся поудобнее! Вот так. Расслабься! Закрой глаза! Слушай меня! Слушай внимательно! Отвечай только «да» или «нет». Ты меня понял?

— Да!

— Ты хочешь, чтобы у тебя на голове снова были волосы, как в молодости?

— Да! — голос дрогнул, но это уже не важно.

— Ты веришь мне?

— Да! — на этот раз голос был твёрже.

— Слушай только меня! Вспоминай, что было в молодости! Что тебя радовало... Что тебя беспокоило... О чём ты мечтал...

На лице подопытного Вадика появилась лёгкая улыбка. Видимо вспомнил что-то хорошее...

— Тебе хорошо?

— Да...

— А сейчас тебе надо поспать. У тебя был трудный день. Ты устал! Ты уже засыпаешь... Спи!

Ничего не изменилось. Но я видел, что доктор реально провалился в сон. Руки Инги приблизились к его вискам.

Снова зелёные волны с лёгкими искрами стали вырываться из её пальцев. А потом руки стали совершать круговые движения вокруг его головы. Казалось, что она моет ему голову, не хватало только пены. Но вот и пена появилась.

Нет. Не пена. Это лёгкий пушок на месте гладкой кожи. Такие волосы обычно бывают у младенцев. Легкие как пух и мягкие, как тот же пух. И этот пух под пальцами целительницы кружился. Темнел и увеличивался в размерах.

Я вдруг перестал видеть. Инга закрыла глаза. Наверное ей было тяжело. Я чувствовал это напряжение всем телом. Хотя самого тела я в этот момент не чувствовал.

Вдруг стало светло. Даже сквозь прикрытые веки этот свет слепил глаза... Голову пронзила внезапная боль, насквозь, от затылка к глазам.

Вспышка!

И я чувствую, что теряю сознание.

Инга теряет сознание.

Мы теряем сознание.

Пытаюсь перехватить управление телом. Не удаётся. Последнее, что я чувствую это то, что мы падаем со стула, на котором сидели, прямо на пол.

Удар всем телом об пол...

Тьма!

Чё так мокро?

Бр-р-р. Лицо мокрое, всё в воде. Одежда на мне мокрая. Кто-то льёт на меня воду.

— Натан перестань! Хватит уже...

Я открываю глаза. Охренеть... Это что такое за чудовище надо мною склонилось?

Бонни М какой-то... Только...

Только не негр, а... Вадим.

Твою же маму... Богу в душу...

— Вадик! Что у тебя на голове?

— А ты сама попробуй, догадайся с трёх раз? Опять как всегда будешь говорить: Я больше не буду! Я больше не буду...

— Не... Так я больше не буду. Кажется, что я слегка перестаралась...

— Ни хрена себе слегка?... Перестаралась она... Ага. Уже с полчаса в отключке валяешься. Слава богу, Натан догадался и меня разбудил. Я уже и нашатыря тебе давал нюхать, и водой поливал...

— Я чуть не захлебнулась... Вон вся мокрая лежу, как в детстве...

— Ну а теперь смотри, полюбуйся, что ты со мной наделала! Куда мне теперь с такой шевелюрой идти?

— В парикмахерскую, конечно... И Натана с собой прихвати. А то мне с вами скоро стыдно будет на улицу выходить. Заросшие оба, как папуасы. Особенно ты, Вадик. Та-акой смешной...

— Ты ещё и издеваешься, мелочь пузатая?

— Ну во-первых... Не такая уж и мелочь... А во-вторых... Не такая уж и пузатая... Сам дурак! Связался с ведьмой, теперь не жалуйся, что рожки на лбу выросли...

— Где? — Вадим стал судорожно ощупывать свой лоб, а Натан даже упал на диван и бился от смеха, держась за живот.

— Несносный ребёнок! — возмущённо проговорил ветеринар.

— Не благодари! — отмахнулся я.

Вадим потрогал рукой свою вновь обретенную шевелюру и проникновенно сказал:

— Спасибо тебе, девочка! Я до конца не верил в то, что так всё будет. Думал, что ты...

— Не стоит... Вадик, понимаешь, я сама не верила, что у меня всё получится. Поэтому, наверное, и переусердствовала так. Но теперь тебе надо срочно постричься. С таким афро на голове...

— С чем?

— Такой кудрявый шарик на голове называется афро. Так негры в Америке носят. Скоро такая причёска очень модной станет. Очереди будут стоять в парикмахерскую, чтобы сделать такую химическую завивку. Но, чуть попозже... Вот, когда в конце этого года арестуют Анжелу Дэвис в Америке, и весь мир увидит эту причёску. Вот тут все как с ума сойдут оптом и в розницу. Не поверишь, весь Советский союз в едином порыве будет скандировать: «Свободу Анжеле Дэвис!», а пионеры будут писать ей письма в тюрьму.

— Серьёзно что ли?

— Серьёзной некуда. Сам потом увидишь. А нам надо теперь серьёзно подумать, в чём завтра идти в «Берёзку»? Одеты мы должны быть так, как будто периодически посещаем этот магазин. А пока что мы все трое выглядим, как голимые нищоброды...

— Нет такого слова в русском языке. Что это вообще за слово такое? Нищоброды...

— Скоро будет и такое слово, и много других разных. Не о том думаешь, доктор. Давай сейчас ты подберёшь себе одежду попримечнее... Что-нибудь импортное найдётся?

— Поищем.

— А мы с Натаном поедem к нему на квартиру, и там переоденемся. Завтра за тобой заезжаем с утра, и сразу в парикмахерскую. Хотя, нет... Давай сделаем так... Ты, Вадим сам с утра сходишь, где-нибудь здесь поблизости от дома. А мы там, возле дома Натана. А то будет как-то слишком приметно, когда одна девочка приведёт стричься двух дяденек...

На этом и разбежались в этот день. Мы к себе поехали, а Вадика оставили дома, собираться...

Вернувшись, я перерыл все женские вещи в доме у Натана. Видел, конечно, что у хозяина квартиры всё это вызывает горечь и грусть... Он сидел на стуле и делал вид, что смотрит телевизор, но это его мало отвлекало. Боковым зрением, а может даже нейронами спинного мозга он следил за моими примерками. И извлечение мною какой-либо очередной вещицы, снова кидало его в пучину воспоминаний. Но что мне делать? Я подошёл к Натану со спины и положил ему руки на плечи.

— Прости меня, пожалуйста! Но мне сейчас нужны их вещи. Завтра я куплю себе что-то новое, и ты не будешь больше так переживать...

— Это ты меня прости, девочка! Я просто каждый раз вспоминаю...

— Я тебя понимаю. Очень понимаю... Но и ты меня пойми. Жизнь — такая штука... Она состоит не только из одних потерь. Ты ведь уже сделал всё, что мог, чтобы наказать обидчиков. А теперь надо всего лишь просто жить. Жить на зависть всем вокруг. И чтобы твоим девочкам было хорошо, ты должен продолжать жить и радоваться жизни.

— Но они... Они как будто всегда рядом со мной...

— Ты их помнишь, ты их любишь, и они это ценят. Если же ты не хочешь жить, то вот, возьми наган, пойди на кладбище и застрелись на их могиле! Кому-то легче от этого станет? Тебе станет легче? А им? А мне?

— Я этого никогда не сделаю.

— Ну, тогда и не страдай так напоказ. Я знаю про твоё горе. Вадим знает про твоё горе. Но горевать вечно — это же не выход из положения. Ты загонишь себя в самый тайный уголок своей души, как загонял до встречи со мной. Укроешься там в плащи своей печали, и зачахнешь от горя и тоски. Умрёшь от неизвестной болезни в расцвете лет. Тебе этого хочется?

— Нет.

— Ну тогда и хватит об этом. Мне очень жаль... Но тебе придётся немного потерпеть. Ты будешь видеть как я одеваюсь в одежду твоей дочери. Тебе придётся называть меня Машей и относиться ко мне как к своей дочери. Ведь если мы сейчас поедem куда-то вместе, то я могу быть только твоей дочерью. По крайней мере, на время нашей поездки. Ты сможешь потерпеть какое-то время?

— Смогу! Хотя мне это будет больно. Но я смогу...

— Натан! Ты слишком эгоистичен в своём горе. У меня ведь тоже есть о чём горевать,

но я ведь держусь. Я не знаю, что будет завтра... Я не знаю, что будет дальше, но я держусь. И держаться буду до конца.

Наконец-то я подобрал себе вполне приличный гардеробчик для похода по валютным магазинам. Сложнее всего было с обувью. Машины туфли мне были немного малы, а обувь Миры немного великовата. Хорошо ещё, что нашлись капроновые подследники для туфель. Дефицит, однако. Кое-как поколдовав над взрослыми туфлями, я всё же смог, подложив в носок каждой туфли по носовому платку, надеть так, чтобы они мне были как раз в пору. Хватит дойти от машины до магазина. А там, я надёюсь, смогу купить себе обувь по размеру. Хотя эти красные туфли мне очень понравились.

Кофту я себе выбрал импортную, белую... Больше похожа на батник, но весь такой белый из блестящей синтетики. Подойдёт и под юбку и под брюки...

— Это Маша надевала, на концерт...

— А с какой юбкой она это носила?

— С чёрной. Только она ей мала уже стала...

Да, под такие красивые красные туфли, чёрная юбка смотреться не будет. Или будет...

— Туфли дорогие, итальянские. Мира их купила у подруги года три назад. Помню, что стоили они тогда бешенные деньги. Но ей они очень понравились...

— Они и сейчас стоят дорого. Да и смотрятся, как новые.

— А они и есть новые. Один раз она их и смогла надеть. Малы оказались. Так ноги натёрла, что на следующий день не смогла на работу выйти. Вот с тех пор туфли и лежали в коробке. Ждали, что вот Маша подрастёт...

— Мне они тоже велики...

— Ничего. Года через два может и в самый раз будут.

— Только они не подходят под чёрную юбку. И ещё. Мне нужно ещё бельё найти... женское... А то как я буду примерять в магазине что-то, а на мне мужские трусы...

— В той сумке посмотри...

В сумке нашлись не только трусы для девочки, но и остальные женские шмотки. Машины, наверное. Подойдут на один раз. А это что такое красненькое?

Ух, ты... Шорты, удлиненные, почти что до колена, а ещё сверху лямки, как у полукомбинезона. Ткань, что-то типа хлопка, но с добавкой синтетики, видимо. Лежали в сумке, а не выглядят мятыми. И ремень прилагался из белой лаковой искусственной кожи, с пряжкой. Какая забавная вещица...

Ну-ка, ну-ка... Сейчас примерим.

Когда я вошел в комнату, то у Натана отвисла челюсть.

— Инга! Да ты просто красавица.

Ну да... В туфлях на каблуках и осанка меняется, и походка. Странно. Я почему-то сразу смог нормально ходить на каблуках. Хотя каблук и не такой большой. Но всё же... Наверно это заслуга тела Инги. А сочетание красного и белого выгодно подчеркнуло мой новый рыжеватый окрас.

— Что? Симпатично выгляжу? Придётся тебе от меня теперь парней отгонять.

— Да ты и сама это неплохо сможешь делать?

— Издеваешься? Сам попробуй на каблуках походить. Бли-ин...

— Что такое?

— Да подумала вдруг, что и ножи теперь к руке не прикрепить, и револьвер некуда спрятать.

— Инга! Какой револьвер? Какие ножи? Мы же собираемся в магазин за покупками.

— Никогда не знаешь, где тебя опасность поджидает... Это ты не знаешь реалий жизни, мой друг. Возле валютных и чековых магазинов идёт своя тайная жизнь. И ходить там с пачкой чеков, не менее опасно, чем бродить с деньгами по ночным улицам Иваново.

— Ты так думаешь?

— Я не думаю, я знаю. Там вокруг кого только нет. Менты и комитетчики, менялы и кидалы. Думаю, что и гопников там тоже хватает.

— Ты всё время говоришь «гопники». Откуда у тебя это слово?

— Это слово старше меня и тебя вместе взятых. ГОП — так называемое Городское общежитие пролетариата. Это было после революции в Питере. Там селили беспризорников и вообще всякий уголовный элемент. И естественно, эти уркаганы промышляли разбоями и грабежами. Они подстерегали прохожих на тёмных улицах и грабили. Просто подходили и говорили: «ГОП-СТОП!» Это слово «гопстоп» у блатных так и означает теперь — грабёж. А грабители — «гопники». Но более популярным эти слова и другой уголовный сленг, станет чуть позже. Лет через пятнадцать.

— А ты откуда знаешь?

— Сама не знаю. Просто знаю и всё...

Жаль, что нет большого зеркала. Я бы на себя посмотрел со стороны. Надо привыкать к своему внешнему виду.

— Давай теперь тебя приоденем. Что у тебя там есть из импортных шмоток?

— Инга! Ты говоришь порой, как... Как гопник...

На следующий день с утра пораньше Натан отправился стричься. А я собрал все сертификаты, что нашёл. Сложил всё в сумочку. Сумка была тоже красного цвета. Нашлась в вещах Мириам. В будущем такие сумочки назывались клатч. Сейчас даже не знаю, как...

Больше похоже, конечно, на кошелёк переросток, чем на сумочку. Но мне такое по размеру в самый раз оказалось. И самое главное, в этой красной сумочке нашлись солнечные очки, в модной красной оправе «Кошачий глаз». Вау! Других слов не было у меня. Сразу полетел в ванную смотреться в зеркало. С моим новым окрасом — супер. Жаль, нет большого зеркала. Не перестаю удивляться своим порывам. Девочки — такие девочки. Это я и раньше знал. Но я-то тут при чём?

— А это не ты в зеркале, а я. — раздался в голове довольный голос.

— Привет! Давно не виделись. Тебе нравится то, что я для тебя выбрал?

— Это не ты выбирал, а я...

— Хорошо. Не спорю. Давай сойдёмся на том, что мы выбрали неплохой стильный наряд.

— Согласна. Пошли на улицу. Там его подождём.

— Сейчас, только прихвачу ключи от машины.

В сумочку я добавил ещё немного советских денег. Рублей пятьсот не больше. У нас же день шопинга. Вдруг в «Берёзке» не всё найдём. Придётся ещё куда-нибудь зайти. Примерился... И поместил на дно один из своих стилетов. Как раз вошёл, впритирочку. Но и достать тоже можно легко.

Вот я и собран. Пойду на улицу, там и подожду Натана.

Да, бли-ин... Ощущение было такое, будто все на меня пялятся. И если женщины смотрели немного укоризненно, как бы говоря: «Ишь, вырядилась, сучка крашенная!», то молодые мужчины явно смотрели... как бы это выразиться... раздевающим взглядом.

Мне не понравилось это ощущение. Но придётся видимо привыкать к этому, если я хочу нормально выглядеть, как девушка, и быть готовым к немедленному отпору. Я же всё-таки не готов к тому, чтобы меня... это самое...

— Любили?... — слышался иронический комментарий Инги.

— Ага... Догоняли и снова любили. И так восемь раз...

— А почему восемь?

— А тебе, что мало? Ну, тогда девять...

— Да, ладно. Я тоже пока к такому не готова.

— Вот и договорились.

И где же шляется наш «папа»?

А, вот и он. Невероятно. Реально? Элегантный, как рояль. Вроде бы так скромно всё, костюм, галстук, чешские полуботинки. Но всё вместе, вкупе с новой причёской, смотрится ничего ещё так.

— Привет! Я уже тебя жду тут...

Он окинул меня взглядом. Кивнул... Видимо остался доволен моим внешним видом.

— Вот ключи. Я с собой взяла. Поехали!

— А деньги?

Я молча похлопал рукой по сумке.

— Ты пропуск в цирк взял?

— И паспорт тоже со мной. — он хлопнул себя по карману.

Мы уселись в наш автомобиль и поехали за Вадимом.

Подъехав к дому ветеринара, мы припарковались на привычном месте. Натан пошёл за другом. Мне было реально лень подниматься в туфлях на каблуках, аж на пятый этаж. Вышел из машины и присел, стараясь не испачкаться на край лавочки метрах в двадцати от «Запорожца».

Сижу себе, нога на ногу. Никого не трогаю. Наблюдаю.

Через минут пять из соседнего подъезда вышли мои молодые гопники. Оба двое. Старший и младший. Виктор бросил на меня скользкий взгляд, но сразу отвернулся. Они приблизились к машине. Охраняют, типа.

Не спеша встаю со своей лавочки и приближаюсь к ним сзади:

— Привет, бандиты!

Сергей аж вздрогнул, и резко обернулся. А потом застыл соляным столбом, глядя не меня. Его старший брат, как всегда был неэмоционален. Повернулся он не спеша, но посмотрев на меня тоже застыл в ступоре.

— Чё молчим-то? Языки проглотили?

— Инга? Ты?

— Нет, блин, тень отца Гамлета...

— Чего? — спросил старший.

— Персонаж есть такой у Шекспира. Призрак короче.

А младший ничего лучше не нашёл, чтобы ляпнуть:

— Ты просто — Дикая собака Инга!

— Чего? Ты меня собакой назвал?

— Не-е. Это кино такое было. «Дикая собака динго». Просто к слову пришлось.

А что? Подумал я. По окрасу динго — самое то. Но как-то не особо хочется быть собакой.

— Я скорее кошка, чем собака. Дикая хищная кошка.

— Ты не обижайся! — младшего наконец-то «разморозило». — Но ты офигенно выглядишь! Такая крутая вся, и одета так... Стильно. Всё ненашенское. Импортное.

— Так надо для дела.

— Наша помощь нужна?

— Нет. Сегодня не надо ничего. Мы скоро уедем на месяц. За квартиркой приглядите, чтобы никто не влез случайно.

— Ага. Но днём-то ладно. А вот по ночам... Не сможем мы. Не будем же мы в подъезде у дверей сидеть.

— Ладно. Я что-нибудь придумаю.

— А куда поедешь? Если это не секрет.

— На юг. На Чёрное море.

— Офигеть... Мы на море не были никогда.

— Ещё побываете. Какие ваши годы. Может и в этом году. Если дела пойдут в нужном направлении.

Всё это время старший стоял молча, пристально меня разглядывая. Наконец он открыл рот и восторженно произнёс:

- *ля! Ты такая красивая!

— Витя! — как бы укоризненно ответил ему я. — За нецензурное выражение в моём присутствии и в мой адрес, с тебя штраф: Пять рублей. Вычту из зарплаты следующего месяца...

— Инга-а! — протянул младший. — Он не со зла. Это он так восторг высказал. Просто не привык. Да и других слов не нашёл...

— Ну ладно, заступничек. Уговорил, речистый. За комплимент, штраф отменён. Прощаю. Но чтобы всяких посторонних мыслей в мою сторону даже не возникало. Ясно?

— Ясно. — быстро ответил Сергей.

— Надо чтобы и ему было ясно. — кивнул я на старшего.

— Я ему всё объясню. Но ты действительно шикарная. Он прав.

— Скажу один раз, но запомните навсегда. Лица мужского пола меня не интересуют ни в каком виде. Ну, разве, что в качестве друзей и соратников. Постарайтесь это понять и запомнить. Раз и навсегда. Тогда между нами не возникнет недопонимания.

— Понятно.

— Что тебе понятно, друг мой малолетний? Девочек вы себе найдёте легко, когда будете прилично одеты и с деньгами на кармане. А я вам не девка для развлечения. Усвой это!

В это время из подъезда вышли мои взрослые сотоварищи. Вадим был пострижен. Теперь его голову уже не венчала шапка кудрявых волос в стиле афро. Выглядел он тоже, как и Натан, на все сто. Серый батник, слегка потёртые джинсы. Правда, на ногах, всё те же чешские полуботинки. Ну да, в Союзе это считалось почти что шиком. После итальянских,

конечно.

— Приветствую, принцесса! — обратился ко мне доктор, и протянул правую руку.

Я машинально тоже сделал жест рукой навстречу рукопожатию. Но этот помолодевший ловелас, подхватил мою ладонь и запечатлел на ней поцелуй. Ну, прям, как на приёме у английской королевы, не выше и не ниже. Дипломат не иначе.

Мои дворовые пацаны на эту сцену вообще смотрели выпучив глаза. Младший видимо поймал лёгкую иронию в словах Вадима, а старший приняв всё за чистую монету, наивно спросил:

— А ты что? Взаправду принцесса?

Подыграв его наивности, я ответил:

— Самая всамделишная.

Младший хихикнул. Вадим многозначительно кивнул. А Натан прервал нашу словесную пикировку, сказав:

— Пора ехать!

Глава девятая

Вадима мы запихнули на заднее сиденье, а у нас с Натаном вышел небольшой спор о том, кто поедет за рулём. Я его убедил, что днём по городу у меня получится лучше, а ежели чего, то деньги на штраф есть. После пары минут препираний, я победил и сел за руль. Это вызвало ещё больший эмоциональный ступор у Виктора Волкова. Он стоял и смотрел вслед уезжающей машины, пока мы не скрылись за углом.

Вначале, я решил поехать на Таганку. Магазин в принципе, находился на Краснохолмской набережной, но все его знали как «Берёзку» на Таганке. Этот адрес и все прилегающие к нему дворы я знал как свои пять пальцев. И в своей прошлой жизни, и уже даже в этой, я немало протоптал тропинок в этом районе.

Доехали мы минут за двадцать. Машин на улицах было немного. Припарковался я не у самого магазина, а во дворе сразу за ним. Хотя у входа в «Берёзку» было полно места для парковки, но я решил не рисковать.

На входе внутри магазина сидел пожилой милиционер в форме, но на нас он лишь мельком взглянул. Я шёл первым, источая абсолютную уверенность в своём праве на посещение этого заведения. Натан шёл за мной с видом папаша исполняющего все капризы дочери. Ну а Вадим, как шёл, так и шёл вслед за нами, никого не изображая.

В магазине было немногочисленно, поэтому наше пришествие вызвало нездоровый интерес продавцов. Улыбаясь, они стали на нас поглядывать, видимо гадая, к какому из отделов мы подойдём. Я сказал парням, чтобы они сами сориентировались, а сам направился к отделу с одеждой. И первым делом поинтересовался наличием купальников на меня. Продавщица оценила мою фигуру опытным взглядом и предложила на выбор несколько моделей.

Один был цельный однотонный, тёмно-синего цвета. Похож на спортивный. Другой совсем детский. Даже смотреть не стал. Ну а третий мне с виду понравился. Плавки типа шортиков, а верх был похож на топик без чашечек для того, чего у меня пока ещё нет. Тоже похож на спортивный. Чёрный, с жёлтыми звёздочками разного размера. Причём звёздочки не пятиконечные, а самые разные... Прямо звёздное небо на *опе будет.

С наивным выражением лица, спросил про померить. Ответ был: Конечно же нет. Нижнее бельё примерке не подлежит. Просто приложил к себе. Вроде бы мой размер. Видать у продавщицы — глаз алмаз. Но померить не мешало бы...

Спросил про цену. Цельный купальник стоил шесть, а со звёздочками пять с половиной местных рублей. Открываю сумочку. Отдаю двадцатку. Тётка пробила чек, дала сдачу разными бумажками, завернула, положила в фирменный пакет.

— А теперь можно померить? — наивно спрашиваю я.

— Ты сможешь и дома померить. Но обмену и возврату бельё не подлежит.

— Я знаю. Спасибо! Но если эти подойдут, что я себе бы взяла такого же размера, но других расцветок.

— Ладно. Иди в примерочную. Вон там. Сбоку.

Топаю в примерочную. Меряю только шортики. То, что надо. Сравниваю размер с цельным. Такой же. Сделано в Голландии. Ну, надо же. Снимаю. Кладу снова в пакет,

возвращаюсь в отдел. Снова проявляю вежливость:

— Спасибо! Вы прямо угадали мой размер. Простите, что я Вам не сразу поверила. А какие ещё расцветки есть у этих моделей?

Довольная похвалой тётка заулыбалась и выложила ещё несколько купальников. С шортиками и топиком были ещё зелёный в синюю полоску и снова чёрный, но всего лишь со светло голубой вертикальной полоской ассиметрично расположенной лишь на правой стороне комплекта в передней его части. А цельный был ярко-красного цвета. Блин! Это же как у Памеллы Андерсон из спасателей Малибу. Беру! Один красный и один чёрный. Зелёный в полоску — слишком простоват. Не беру.

Снова моя двадцатка. Снова сдача.

— Простите, а просто трусики на меня есть?

Взял ещё пять пар обычных трусиков разного цвета. Плюс несколько футболок с принтами. Недорого обошлось. Поманил продавщицу, и натурально стесняясь, спросил её на ушко про предметы женской гигиены. Она понимающе кивнула и продала мне упаковку прокладок. Жуткий дефицит в СССР этого времени. У меня пока не было ничего, но никто не застрахован. А на курорте искать такое будет проблематично.

— Спасибо большое! — снова благодарю я и получаю от неё второй пакет со своими покупками.

Возвращаюсь к своим «мальчикам». Ну, конечно... Залипли у отдела с алкоголем. Вручаю Вадиму свои пакеты и даю умные советы:

— «Белую лошадь» не берите, и «Рэд лейбл» тоже. Колхозное пойло. Лучше «Баллантайн» возьмите. Кстати, там рядом есть ещё другой «Баллантайн», но более старый. Он вдвое дороже. Но оно того стоит. Не верите? Возьмите и тот и другой. А потом сравните.

Продавец мужчина кивает, соглашаясь со мной, с удивлением меня разглядывая. Подаёт одну выдержанную, а другую обычную бутылку выбранного мною шотландского виски

— Добавьте этим алкоголикам ещё пару «Бифитеров». Тоник есть в продаже?

Продавец кивает.

— Сколько бутылочек «Швепса» в упаковке?

— Шесть.

— Две упаковки.

Снова кивок.

— Одну бутылку «Куантро».

Оборачиваюсь к Натану:

— Пап! А ты сигареты не забыл взять.

Некурящий музыкант делает покер-фейс и ничего не отвечает. За него с продавцом говорю я.

— Блок «Марльборо» и блок «Салем» с ментолом.

Продавец посчитал нашу покупку. Вышло не так уж и много если в их рублях считать. Не больше пятнадцати сертификатов. Ещё и сдачу дали копеечной мелочью. Куда её девать?

— А жевачка в каком отделе?

Вежливый продавец указывает на кондитерский отдел, а сам передаёт моим мужчинам четыре тяжёлых пакета.

Уже и в руках тесно становится. Решаю эту проблему просто:

— Пап! Может, ты отнесёшь пока пакеты в машину. А то я ещё джинсы хотела померить. В багажник положи всё пока.

Идут вместе с Вадимом на пару. Так как пакетов вместе с моими покупками вместе у них уже штук шесть. А я двигаюсь в кондитерский.

Беру себе жевачку «Денди» производства Дании двух типов. Тутти-фрутти десять штучек и дикую вишню столько же, а в придачу французских тоже по десятку клубничных и апельсиновых. Заодно ещё и кофе растворимого взял. Стограммовую банку западногерманского Мокко и какой-то бельгийский Ша Нуар на двести грамм. Меня ещё спросили: Кофе с кофеином или без? Ну конечно с кофеином. Я все эти извращения типа безалкогольного пива и безкофеинового кофе и в той жизни презирал. Снова мне вручают пакет с товаром.

Передаю его вернувшемуся Вадиму. А сам интересуюсь снова у знакомой тётки джинсовым полукомбинезоном. Оказывается есть и такой в продаже. И даже мой размер есть. Заодно прошу «на померить» ещё две пары разных джинсов. Это уже можно мерить до оплаты.

Тётка молодец. Все размеры мне подошли. Взял и комбинезон, и чёрные узкие джинсы, и синие стандартные. Но синие не клёш, а обычные прямые. С клешами у меня не очень-то, хотя сейчас вроде бы и модно. Но зачем мне эта мода? Было бы удобно и все дела.

Ещё мне предложили для комплекта ещё и синюю джинсовую куртку. То, что надо. Примерил прямо здесь, не отходя от кассы. Заставил «папу» и «дядю Вадима» тоже померить и приобрести себе модные штаны. Снова пять пакетов в руках плюс шестой с кофе и жевачкой. Все пакеты с фирменным логотипом «Beryozka» Пусть пока здесь побудут. Нечего оставлять свои вещи без присмотра на улице в машине.

Я ещё перед заходом в магазин заметил несколько мутных личностей рядом со входом. Странно, что к нам никто не подошёл с предложением поменять сертификаты на рубли по «очень выгодному» курсу. Даже странно. Неужели что-то поменялось в этом мире и лохов обувают по совсем другой схеме?

Заставил своих мужчин прикупить ещё по паре цветастых рубашек для юга, да летние штаны из лёгкой ткани. Эти дуболомы хотели купить себе штаны одного цвета.

— Вы чего, близнецы, что ли? Есть же выбор.

В результате один взял штаны серого, а другой оливкового цвета. Ну, прямо, как дети, ей богу.

Себе купил две бейсболки. Чёрную и красную. Тут же нарвался на солнечные очки. Себе взял разных три пары, включая одни авиаторы. Мои мальчики приобрели по одной консервативного вида.

А теперь — обувь. Парням проще. Купили себе мужские босоножки и довольны. А мне — мерить, не перемерить...

Помогала мне в этом снова та любезная тётка. Я ей подмигнул и незаметно запихнул в кармашек фирменного халата пятёрку. Сертификатов конечно...

— Спасибо Вам огромное! Вы мне так помогли.

Улыбается и помогает. У меня теперь есть западногерманские кроссовки, босоножки и шлёпанцы для пляжа. Спросил про туфли, пожаловался, что те, которые на мне — велики. Оказалось, что есть почти такие же. Тоже красные, но чуть другой модели. Примерил. Прошёлся. Удобно. Надо брать.

— А эти, которые тебе велики, они же у тебя новые совсем.

— Это мамины. — вздыхаю я.

— А мама?

— Погибла. В прошлом году.

Тётка делает скорбное лицо, но тут же предлагает мне продать ей «мамины» туфли за обычные рубли. Сулит приличную сумму. Деньги мне в принципе не так уж и нужны. Но и туфли большие тоже не нужны.

— Я у папы спрошу.

Иду к Натану и на ушко объясняю ему ситуацию. Он не против. Примерно так он и сказал:

— Делай что хочешь!

Я вернулся к продавщице и кивнул:

— Папа разрешил.

Она ушла в подсобку с пакетом, унося мои бывшие туфли. Платочки я вынул. Вернулась довольная. Туфли оказались ей впору. Аккуратно передала мне свёрнутые деньги. Я прикупил ещё носочков. И одев сразу одни из них на себя, переобулся в только что приобретённые кроссовки. Что же. Так гораздо удобнее.

Всё, хватит. Пора отсюда сваливать. Уж больно мы разошлись. Да и денег уже не так много осталось. Одежда и обувь стоили намного дороже виски и сигарет. Расплачиваемся, и обвешанные пакетами, плетёмся на выход.

На улице нас встречают и провожают злые и завистливые взгляды «мутных личностей».

Мне было на них плевать. Но чувство какой-то тревоги посетило меня и не хотело отпускать. Как будто колокольчик какой внутри электронным голосом бубнил: «Аларм! Аларм!»

Я тормознул своих парней. Отдал им свои пакеты и забрал у Натана ключи от машины. Пошёл вперёд первым.

До машины мы дошли спокойно. Я открыл двери и дёрнул крючок открывания багажника. Вадим стал класть свои пакеты в нутро багажника, а Натан свои — на заднее сиденье за креслом водителя.

В этот момент к нам стал приближаться худошавый мужчина с короткой стрижкой в строгом костюме советского производства. Выглядел он... Ну, как все комитетчики вместе взятые. Не иначе...

Куча мыслей пронеслась в голове за доли секунды.

Кирдык! Это была первая мысль.

Писец, доигрались! Это была вторая.

Много других мыслей мелькнули... и исчезли в никуда...

Но странно, тревожный «Аларм» до этого звонивший в голове набатом, вдруг звенеть перестал, а злой адреналин наоборот прилил к голове.

Глаза... Мне его глаза показались странными. При всей внешней суровости сотрудника самых сильных в мире органов власти, в глазах его бегал... страх. И сами глазки бегали, туда-сюда, как у человека, который врёт или собирается соврать.

Но голос его прозвучал ровно и строго:

— Одну минуту, граждане!

Мои парни уже загрузили в машину свои пакеты. Вадим даже успел в момент обращения к нам этого «костюма», хлопнуть крышкой багажника, закрывая его.

Я повернулся к «чекисту» и спросил:

— А в чём собственно дело?

Но, ответил мне совсем не он, а сержант милиции в форме, подошедший к нам с другой

стороны. Я его даже не заметил, так как всё моё внимание было привлечено «чекистом», который демонстративно так шёл в нашем направлении.

Во как? «Менты подкрались незаметно». Это был не тот, сотрудник, что сидел на входе в магазин. И помоложе, и похудее. Он попытался отодвинуть меня в сторону, проговорив:

— А тебя это не касается, девочка!

Возмущения своего я не скрывал:

— Это почему же это меня не касается? Что вам от нас надо? И предъявите для начала ваши документы!

Отработанным движением, он сунул руку во внутренний карман кителя, и достав красную корочку, развернул и сунул мне её почти в лицо со словами:

— Не борзей, ссыкуха! Милиция! — и обращаясь уже к моим мужчинам. — Документы для проверки!

Хм. Вот всё и сошлось. Хотя он довольно быстро тут махал рукой, доставая и показывая своё удостоверение, я успел кое-что заметить. На одном из пальцев его правой руки синела татуировка... Перстень с сердечком посредине.

Там, в моём будущем, при приёме на работу опером в Уголовный розыск, ко мне придрались из-за армейской татуировки парящего на парашюте десантника, что я изобразил во время службы на своём плече. Но докапывались не особо.

Так вот. У этого «якобы» сержанта патрульной службы на пальце был набит перстень насильника. Такие позорные татуировки наносили осуждённому за изнасилование несовершеннолетних. Причём наносили принудительно, чтобы другим было видно, что за нехороший человек перед ними.

Освободившись, такие перстни обычно закрашивают или выводят. Но этот либо ещё не успел, либо ему пофиг, что другие видят его позор. Но вряд ли человека с судимостью взяли бы на службу в милицию. Особенно в патрульно-постовую службу, где надо всё время быть в форме. С этим обычно строго. А это значит, что сейчас передо мной — ряженный.

После осознания этого, я сразу же стал замечать и другие мелкие несоответствия формы и содержания. Ну не мент он ни грамма. За мента его может принять лишь испуганный лох.

Сразу же сюда добавились бегающие глазки «строгого» человека в штатском, очень похожего на чекиста, который тоже не чекист ни разу.

Похоже, что нас сейчас будут грабить. Ну, или разводять как кроликов...

— Ты чё такой грубый, сержант? Небось, за такую же ссыкуху, срок мотал? Это там тебе позорный партак набили? Любишь мохнатые сейфы взламывать, петушара?

Он уже почти прошёл мимо меня, но как бы застыл, услышав мою «пламенную» речь. Но быстро пришёл в себя и развернулся ко мне:

— Ты как с сотрудником милиции разговариваешь?

Договорить он не успел. Мой удар в пах согнул его пополам. При этом он зажал больное место руками, а голову почему-то задрал повыше, открывая горло. Вторым моим ударом пришёлся ему в кадык, и ненадолго успокоил его.

В это время меня крепко обхватил двумя руками сзади мнимый чекист.

Я уже не сомневался в его принадлежности. Настоящий чекист так себя не ведёт. Видел я этих ребят. Они уверены в себе и действуют по-другому. Этот тоже ряженный.

Чувствую его дыхание в левое ухо, и тут же пробиваю правой ногой за левое плечо.

Слышится хруст и мне в щёку брызгает что-то горячее и липкое. Хватка мнимого чекиста ослабевает, и он кулём падает на землю. Раньше мне такой удар, ни за что бы не удался. Но подготовленное тело цирковой гимнастки творит чудеса.

Такой удар в ушу называется — чжэнтисетитуи. Удар прямой ногой назад через противоположное плечо. Джеки Чан бы мною гордился.

— Грузитесь в машину! — это я своим парням.

Проверяю «чекиста». Нос свёрнут на бок и вдавлен внутрь. Кровь хлещет, но дышит. Быстрый шмон. Выгребаю всё до последнего фантика. В кармане пиджака опасная бритва. Неужели так теперь в КГБ вооружают? Нет, он точно не оттуда. У меня на полукомбинезоне большой нагрудный карман. Складываю всё найденное туда.

— Садись за руль! — это я Натану. — Заводи!

Шмонаю «мента». Дышит ещё парашник. Хотя и через раз. Горло я ему нормально так пробил. Огнестрельного оружия при нём нет. Зато есть финка во внутреннем кармане кителя, откуда он доставал свою поддельную ксиву. По карманам почти голяк. Несколько мелких купюр. Не он главный в этом дуэте.

Возвращаюсь к псевдочекисту. Сидит, зажимает морду ладонями, из-под которых кровь сочится:

— Ты кто по жизни, терпила? — задаю ему провокационный вопрос...

— ...

— Если будешь молчать, то я твоей же мойкой тебе хлебало распишу...

— Ты чё за беспредел творишь, сучка?

За «сучку» он получает от меня тычок кулаком в разбитый нос:

— Это ты рамсы попутал, чепушила! С петухом на дело ходишь? Может ты и сам дырявый? За такого козла как ты, ни один авторитет не впишется в разборки. Ты хоть долю малую в общак скидываешь, или всё под себя гребёшь, крысёныш? Скажи спасибо, что я не мокрушница. Ты понял, чушкан?

Чушкан отчаянно закивал.

— Живи, пока, гнида...

Спокойно иду к машине. А в мыслях лишь одно: Пока не случилось большого шухера, пора делать ноги!

Нырряю в машину. Она уже заведена.

— Только не гони! — это я своему водиле, которого немного потряхивает. — Не спеша, но быстро. Давай налево! Ещё налево! Направо через арку...

Вывожу его другим маршрутом, не тем, по которому мы заезжали в этот двор. Во дворе тихо. Спокойный такой дворик. Надеюсь, что я всё сделал быстро и тихо. И никто не заметил ни номера нашего кадиллака, ни наших физиономий.

Лишь отъехав далеко от злополучного двора, и переехав через мост на другую сторону реки, я выдохнул спокойно.

Тут очнулся Вадим и спросил меня:

— Инга! А что это сейчас было?

Глава десятая

К вопросу нашего ветеринара присоединился и Натан:

— Инга! Что всё это значит? Ты избил милиционера, и этот второй... Он не из КГБ случайно?

— Ребята! Вы ничего не понимаете...

— Ну, так ты объясни нам, бестолковым таким! Что такого мы тут не понимаем? — ветеринар был очень настойчив.

— В горле пересохло. Попить есть чего? Тоник у нас здесь или в багажнике?

Вадим, сидящий на заднем сиденье весь в пакетах, засуетился и стал копаться в покупках.

— Есть.

— Открой одну, пожалуйста! Очень уж пить хочется.

Беру у друга бутылочку швепса. Я не люблю тоник, как отдельный напиток. Ну, разве, что тот сладкий, что будет производиться когда-то в будущем. Кажется он назывался... или будет называться "Дерзкий гранат". Вот сейчас бы его литрочку сюда... Мне бы сейчас послаще чего.

Ладно уж... Чего там... На безрыбье, и килька — шпроты... Пью горьковатый напиток. А потом сделав многозначительную паузу отвечаю своим любопытным друзьям на их вопрос:

— Парни! Нас только что попытались ограбить.

— Как? Это же... Но это же был милиционер?

— Не-а... Только ряженный под милиционера. А второй пытался из себя изображать то ли комитетчика, то ли милиционера в штатском. У того, что был в форме я заметила на пальце татуировку. Перстень наколот... Я уж промолчу, что при приёме на работу в правоохранительные органы не приветствуются всякие татуировки на теле... Но у него на пальце татуировка была тюремная или зонавская. Которая во-первых означает, что он ранее судимый, а во-вторых, что он насильник. Обиженный... а возможно ещё и опущенный.

— А это что означает? — Натан явно был далёк от тюремного сленга.

— Тех, кого сажают за изнасилование, а особенно за изнасилование несовершеннолетней на зоне обычно опускают.

— И что это значит? Куда опускают?

— Куда, куда? Ниже некуда... Трахают в задницу. Делают петухом, ну или педерастом. Не всегда, но часто. А наколку на палец в виде перстня с сердечком посередине — делают насильно, чтобы всем было видно кто это такой.

— Инга!... Ты-то это всё откуда знаешь?

Многозначительно молчу в ответ. Пью свой тоник. Восполняю, так сказать, кислотно-щелочной баланс в организме... Ну или нарушаю... Я не помню из прошлой жизни, что полезно, а что не очень... Помню, что кока-кола — это вредно, а вот насчёт тоника... Ладненько. Буду для себя считать его полезным в малых дозах...

— А тот второй, в костюме? Он точно не из комитета?

— Ну, разве только, если всем комитетчикам выдают на задание с собой опасную бритву, то да... Я такую изъяла из его кармана. Кстати там же я нашла кучу разных бумажек.

Дома посмотрим. Разберёмся. Поехали сейчас Вадиму! До него ехать ближе... Мне над бы кровь с себя смыть...

Натан вёл машину немного нервно, но уже более уверенно, чем в первые дни. Не рисковал, не особо газовал, и ни кого не подрезал. Молодец! Что ещё можно сказать? Спиригонщик...

Доехали до дома Вадима довольно таки быстро. Братья Волковы сидели с деловым видом на лавочке во дворе. Увидав нашу машину, немного оживились. Ну а когда я вышел из машины с окровавленной левой щекой и испачканным кровью плечом, застыли недоуменно.

— Чего завяли, камрады? — обратилась я к своим малолетним помощникам. — Хватайте по быстрому пакеты и несите наверх! И никаких вопросов... Ясно?

Вадик и Натан удивились моему командирскому тону по отношению к малолетним "бандитам", но виду не подавали. Нагрузили молодёжь пакетами, и сами тоже прихватили по паре шгук в каждую руку. Пакетов у нас набралось много. Я закрыл машину и шёл позади всего этого каравана, с видом хозяйки всея и всего.

Когда на пятом этаже всё было занесено в квартиру ветеринара, молодёжь получила за работу по паре пачек жевачек и по бутылке тоника. Довольные братья Волковы шумно ускакали вниз по лестнице.

— Инга! Ты их что поработила или приворожила?

— Да, нет... Пока только приобрела на распродаже. А что? Недорого... Хорошие ребята. Полезные... Бедные и голодные до всего. Пока ещё не испорченные до конца этой гнусной жизнью. Кстати, если им оставить ключи от твоей квартиры, Вадим, то они за время нашего отъезда на юга, будут днём и ночью охранять её от постороннего проникновения.

— Ты им настолько доверяешь?

— Вадим! Понимаешь... Я никому на доверяю настолько, чтобы не проверять... Но чем мы рискуем? Всё самое ценное мы увезём подальше и прикопаем поглубже. А остальное... Не пропадёт я думаю. Если им довериться, то они это доверие постараются оправдать. Я попробую с ними поговорить на эту тему. Надеюсь, что у меня всё получится. А сейчас, парни, мне надо бы помыться. Кровь с себя смыть. И... это... Вадим! Ты умеешь кровь застирывать так, чтобы следов потом не оставалось?

— Да. Опыт есть. Бросишь одежду там в ванной. Я сразу же после тебя и застираю. Постараюсь не испортить. Вещи ведь хорошие.

Валяясь в горячей ванной, наслаждаясь чистотой и негой, я мысленно прокручивал сегодняшний день.

Вроде бы я нигде особо не ошибся?

Нет. Ну это точно были ряженные. Сто процентов даю... Даже двести. И если кто-то из жильцов ближайшего дома всё-таки проявил бдительность, и вызвал наряд милиции, то найдут они лишь побитых кем-то очень подозрительных людей. Один из которых, к тому же, несмотря на судимость, одет в милицмейскую форму.

Что будут делать доблестные стражи правопорядка?

Могут начать проверку на тему: Кто и за что их избил?

Но это вряд ли. Всяком попахивает. Доказательств-то нет никаких. Свидетелей тоже не должно быть. К тому же, поддельный мент — это уже само по себе стопроцентное раскрытое преступление. Зачем углублять бездну и зазря плодить сущности? Думаю, что

будет именно так...

Но даже если и начнётся какая-то проверка... На нас напали, мы оборонялись. Они были с оружием, а мы с голыми руками. нет... Это слишком уж фантастично...

Не верю я в такую сознательную целеустремлённость правоохранителей советского периода. Палочная система и постоянный наезд со стороны руководства, сделал систему довольно мерзкой. Если процент раскрываемости падает, начальство ругается, премии не платятся, звёздочки на погонах не растут... Следовательно, возбуждаются в основном те дела, которые уже раскрыты, а также те, которые замять никак нельзя...

Вот приходит старушка или другой какой обыватель и заявляет, что у него украли какую-то вещь... Опер тщательно опрашивает его, принимает заявление, составляет разные бумаги, опись похищенного и т. д. Даже выезжает на место совершения преступления... Но если перспектив как-то по быстрому раскрыть данное преступление нет, то проводив заявителя, кладёт заявление со всеми бумагами себе под жопу, и продолжает работать дальше, занимаясь другими, более важными делами.

Но собранный материал не выбрасывается... И если вдруг где-то, что-то всплывёт, типа информации от стукачей или найдётся какая-то приметная похищенная вещь, то опер тут же делает стойку, как охотничья собака. А если ловит злодея и тот признаётся в краже тогда-то того-то у кого-то, то дело достаётся из-под задницы, и возбуждается. Заявитель на радостях, что его вещи нашли, под диктовку переписывает все бумаги так, как надо оперу и следователю. Дело возбуждается, а процент раскрываемости повышается...

А если дело представляет из себя абсолютно бесперспективный бесперспективняк, то остаётся "поджопным" на веки вечные, и уничтожается после энного количества времени, путём сожжения или утилизации через канализацию...

Нет. Вряд ли кому из ментов понадобится ворошить это мутное дело. К тому же, скорее всего, злодеи сами уже смылись куда подальше, не дожидаясь приезда настоящих милиционеров.

На мсть, со стороны обиженных мною, я даже не поставлю и копейки. Я их на словах так опустил и зафаршмачил, что им либо мочить меня надо было сразу, либо схватить всё это и заткнуться навсегда. Сами они к нам не сунутся никогда. Я с ними так быстро и лихо разделался, что им будет ссыкотно снова на меня нападать.

А будут ли они обращаться к кому бы то ни было за помощью? К кому они могут обратиться? К таким же петушкам? Никто не поможет. Закон джунглей. "Каждый сам за себя". А солидные люди, с такими как эти двое, на одном гектаре рядом даже не присядут, по большой нужде.

Так что беспокоиться вроде бы не о чем. Тем более что мы на месяц или больше планируем отъехать из Москвы на юг куда подальше. А на курорте нас хрен кто найдёт...

Мои размышления прервал стук в дверь ванной комнаты и голос хозяина квартиры:

— Эй, русалка! Ты там не утонула ещё?

— Нет. Ещё немного тут поплаваю. Надо хвост побольше отрастить.

За дверью кто-то из друзей то ли хмыкнул, то ли крякнул... Но я понял, что пора уже и вылезать из приятной тёплой воды... Но так не хочется этого делать... Пожалуй ещё чуточку полежу...

Валяюсь в ванной... Отмокаю... Наслаждаюсь... Думаю...

— Инга! Ты здесь?

— А куда я денусь с подводной лодки?

— Ты ещё не пробовала включать режим самоизлечения для нашего организма?

— Каждый день пробую. Правда, о результатах в подробностях не знаю ничего.

Внешних признаков нет, а внутренности пока не научились разговаривать со мной.

— Надо медициной позаниматься. У Вадима наверняка есть полезные книжки. Он же учился в медицинском...

— На ветеринара...

— Да какая разница?

— Хочешь, чтобы у нас выросли хвост и копыта?

— Ага... Ещё рожки и нос пяточком. Получится такой миленький чертёнок. Тебе пойдёт...

— Тьфу на тебя!

— А если серьёзно, то попробуй поработать с нашими мышцами.

— Нарастить их как у того актёра из твоих фильмов? Как его там?... Что-то с неграми связано, кажется.

— Угу... Шварцнеггер?

— Да, точно... Хочешь, чтобы у нас были такие мышцы как у него?

— Нет. Такой дизайн на наши плечи точно не подходит. Ты же всё-таки девочка. Я другое хочу попробовать. Чуть подкачать, а потом подсушить мышцы. Чтобы было поменьше жировой прослойки, а сами мускулы остались такими же или чуть больше. При сохранении общей массы, увеличится сила. Ты должна это знать. Такие мышцы у гимнасток, акробатов... Только с этим главное не переборщить. Хочется, чтобы сила не перекрывала красоту. А то можно так измениться. что станет уж совсем некрасиво... Я такое видел в интернете...

— Саш! Ты сможешь вспомнить и показать мне картинку?

— Постараюсь...

Я стал вспоминать виденные в интернете картинки из нейросети, где девочке, похожей чем-то на нас с Ингой, добавили накачанных мышц...

— Вот так точно нам не надо. Перекачанные ноги, вздувшиеся вены на бицепсах и трицепсах, кубики на животе...

— Фу... Мне так не нравится. Это какой-то перебор... А если не с таким энтузиазмом?

— Во так примерно было бы нормально...

— Саша! Я хочу такую же грудь!

— Подожди немного! Всё скоро само вырастет! А мы сейчас пока разговариваем про мышцы...

— Ты знаешь как это сделать?

— Конкретно... Нет. Только теоретически...

— Ладно... Может быть, попозже попробую. А пока действительно пора вылезать. А то точно хвост отрастёт.

Я вышел из ванны, завернувшись в большое полотенце. Ну ещё на мне были трусы из только что купленных. Хочу сегодня одеться только во всё новое.

Так я и сделал. Одел новую футболку... Красную. Джинсовый полукOMBинезон. На ноги

крассовки, а сверху всё прикрыл новой красной бейсболкой.

— Обалдеть! — вымолвил Натан.

— Ты, Инга, как всегда умеешь удивлять. — добавил Вадим.

— Э, вы чего? — не понял я.

— Всего лишь только переодевшись, ты буквально поменяла свой внешний вид настолько, что тебя и не узнать.

— Это называется сменить имидж.

— Опять ты засоряешь русский язык англицизмами.

— Скоро все так будут говорить. И слово «Окей» — будет применяться не реже, чем неопределённый артикль «*ля».

— Инга! Ну, хоть ты-то не матерись! — доктор укоризненно посмотрел на меня.

А потом, обратившись к Натану, проворчал:

— Это всё твоя вина. Ты материшься направо и налево. А с виду такой приличный человек.

— С кем поведёшься, так тебе и надо. — отшутился я...

Мы бы и дальше перешучивались, но нас прервали...

Внизу во дворе раздался звон разбитого стекла и какие-то крики. По причине хорошей погоды, дверь на балкон была открыта нараспашку, и слышимость с улицы была хорошая.

Я быстро выскочил на балкон, чтобы посмотреть, что там за кипеш во дворе происходит. А внизу уже вовсю шла драка. Причём участниками её были и мои верные вассалы — братья Волковы.

Без раздумий, я устремился к выходу из квартиры.

— Инга! Куда ты? — музыкант соображает не всегда быстро. Обеспокоенный Вадим уже надевал ботинки, а Натан всё ещё задавал ненужные вопросы...

— наших бьют! — издал я старинный боевой клич, известный во все времена на всей территории Российской Империи, как бы она тогда не называлась.

— Осторожнее там! — услышал я вслед напутствие Левина, а ветеринар уже топал вслед за мной, отставая всего на десяток ступенек.

Вылетев из подъезда, я не раздумывая с ходу прыгнул в самую гущу дворовой драки.

По-футбольному с ноги вынес какого-то незнакомого парня, который в это время пытался пнуть, лежащего на земле Сергея.

И сразу же переключился на пару других незнакомцев, которые уже почти добивали, лежащего на земле Виктора.

Одного, подлым ударом кулака в голову со спины, я отправил в нокаут, а с другим разобрался, подлетевший злобным колобком, Вадим.

Ещё один чужак, в драке не участвовал. Он уже сидел на земле около лавочки, закрывая лицо ладонями, из-под которых текла кровь.

Снова пришлось успокаивать первого, но мне на помощь уже пришёл поднявшийся на ноги младший Волков.

Вадим оказался довольно сильным бойцом. Маленький и толстый, он метался от одного к другому, нанося вполне ощутимые удары.

Я всё время сдерживал себя от нанесения добивающих ударов. Пока я не разобрался, что здесь произошло, мне не хотелось никого убивать. Да и вообще, убивать кого бы то ни было возле своего подъезда — это не есть хорошо.

Когда из подъезда выбежал Натан, четверо чужаков уже валялись на Земле, не пытаюсь

встать. Так как все их попытки подняться на ноги, блокировал злой доктор Айболит.

Серый склонился над братом и пытался привести его в чувство. Да... Виктор был довольно капитально избит. Лицо всё в крови. Похоже, что голову пробили чем-то. На лбу была заметна приличная вмятина в кости черепа. Так кулаком не пробьёшь... Если ты, конечно, не Майк Тайсон...

А вот и то, чем голову пробили. Кастет... Как раз на руке того, четвёртого, что у лавочки приземлился.

Как бы разобраться: Что же тут произошло на самом деле?

Рассуждая логически, вырисовывается следующая картина:

Когда я выбежал из подъезда. Сергей уже лежал на земле. И его пытался ударить один из нападавших. Обозначим его как «Первый».

«Второй» и «Третий» пинали лежащего Виктора, но голова его к тому времени уже была пробита кастетом.

А «Четвёртый» с разбитой мордой и кастетом на руке, валялся около лавочки.

Получается, что после того как «Четвёртый» кастетом пробил голову старшему брату, его вырубил младший.

Младшего завалил на землю «первый», а старшего добивали «Третий» и «Второй».

Я приблизился к скулящему «Четвёртому», и жестоко пробил ему ногой в голову. Он сразу же отключился.

— Ты зачем его ударила? — спросил меня Натан. — Он же уже не нападал ни на кого.

— Натан! А ты посмотри сначала на его руку, а потом на голову вон того нашего парня.

Натан только теперь обратил внимание на кастет, продетый сквозь пальцы злодея.

— Вадим! Посмотри, что там с Виктором! А я с этими сама разберусь.

— Инга! Только не убивай никого! Нам тут этого точно не надо...

Я посмотрел на него и сказал, стараясь вложить в голос побольше спокойного и циничного сарказма:

— Я очень постараюсь этого не делать... Обещать не могу... Но я постараюсь...

Глава одиннадцатая

Вадим послал Натана в квартиру за своим медицинским чемоданчиком, а сам колдовал над Виктором.

— Сергей!

Младший подскочил ко мне.

— Серый! Что здесь случилось? С чего всё началось?

— Мы сидели на лавочке. Пили из той бутылочки, что ты дала. Мы решили поделить одну на двоих, а вторую оставили на потом. А потом пришли эти. Они не из нашего района. Залётные. В нашем районе я почти всех знаю. Один из них до брата докопался. Типа: Чё ты пьёшь? Чё за хрень? А ну-ка дай на пробу!

— А дальше?

— Витя ему ответил: «Не нукай! Не запряг...»

— Дальше понятно... Кто первый ударил?

— Вон тот, у лавочки. Он махнул рукой и выбил бутылку из руки у Вити. Бутылка разбилась. Брат его толкнул. Тот упал. Те двое... — Сергей указал на «номер два» и «номер три», — схватили Виктора, а вон тот, кастетом пробил брату в голову.

— Ясно. Ты его вырубил... Кстати, как тебе это удалось?

— Я попробовал как ты. Прыгнул, и ногой ему в голову. В прыжке. Получилось...

— Понятно. А потом тот сбил тебя с ног, а эти двое пинали Виктора.

— Ага.

— Следи за тем, с кастетом!

— Понял.

Я подошёл к сбившимся в кучку троим гопникам. Они уже не пытались подняться. Перевес был явно не на их стороне.

Один ещё был в отключке от моего удара, а другого крепко приложил доктор. Третий решил не проявлять активность. Всем им было лет по семнадцать — восемнадцать.

— Инга! Ты здесь?

— Да, Саш.

— Я хочу попробовать воздействовать на этих гадов. Ну, типа загипнотизировать их.

— А если не получится?

— Просто вырублю. Но ты попробуй во время моих слов воздействовать на них. Я решил проверить кое-что.

— Постараюсь. А что мне надо делать?

— Я буду внушать им, чтобы они подчинились мне. А ты попробуешь взглянуть на них подавляющим волю взглядом. Ты же усыпляла и Натана, и Вадима...

— Но они мне доверяли.

— А этих, я попробую напугать...

Я задал вопрос, обращаясь сразу ко всем троим, сидящим на земле:

— Кто главный?

Пострадавший меньше других, указал на того, кто был у лавочки, всё ещё с надетым

кастетом на руке.

— Он...

Не раздумывая ни секунды, я залепил ему, не слишком сильную, но очень обидную пощёчину.

— Неправильный ответ. Спрашиваю ещё раз. Кто главный?

Видимо, вопрошаемый подумал, что я подозреваю его во лжи, и снова указал на того, у лавочки.

— Правда, он! Честно...

Снова оглушительная пощёчина, прямо в ухо.

— Неправильный ответ... Кто тут главный?

Сообразив, что он отвечает что-то не то, гопник замолчал. Но когда я снова демонстративно замахнулся открытой ладонью, вдруг выпалил:

— Ты! Ты — главный!... главная...

— Молодец... Быстро соображаешь.

Я взял его левой рукой за волосы и в упор посмотрел ему прямо в глаза.

— Подчиняйся!

— ...

Ничего особенного не произошло, но в его глазах на долю секунды отразился зелёный блик...

— Теперь ты будешь слушать только меня! Понял?

— Да...

А вот голос его поменялся. Не было больше ни страха, ни чего-то другого в этом голосе. Но чувствовалась какая-то покорность.

— Сиди здесь!

Я перешёл к его соседу:

— Смотри мне в глаза!

Испуганный взгляд мне был ответом.

— Ты будешь слушать только меня! Ясно?

— Да...

Вот как проверить, сработало или нет?

— Встали оба!

Оба встали. Но это ничего не значит. Может, просто боятся, что их продолжат избивать.

— За мной!

Иду в сторону лежащего у лавочки тела. Топают за мной! Смотрю на одного из них. Указываю на руку с кастетом.

— Ломай ему руку?

— Как?

А это уже лучше. Не стал возражать. Не стал отнекиваться. Всего лишь спросил как это сделать.

— Видишь на руке кастет?

— Да.

— Топчи ногой. Пока не переломаешь все пальцы.

Не раздумывая, первый зомби стал методично топтать руку с кастетом. Примерно на пятом или шестом ударе, владелец кастета пришёл в себя и завыл.

— Выруби его! — приказываю второму.

Снова никаких возражений не поступило. Наклонился над телом и ударом кулака в челюсть снова погрузил того в Нирвану.

Первый продолжал бить ногой по руке с кастетом.

— Хватит!

Остановился.

— Теперь сломай ему другую руку в локте.

Скупые движения. Ничего лишнего. Взял да и сломал руку лежащего в локте, переломил о своё колено.

— Достаточно! За мной!

Возвращаемся к приходящему в себя после нокаута. Смотрю ему прямо в глаза.

— Подчиняйся!

Отчётливо вижу зелёный отблеск в его глазах.

— Вставай!

Кое-как встает пошатываясь.

— Теперь берёте того, у лавочки и несёте его в сторону моста.

— ...

— Ты знаешь, где тут мост через реку? — обращаюсь к первому своему зомби.

— Да.

— Посредине реки сбросите его с моста! Понятно?

— Да.

— Перед тем как сбросить его с моста, желательно ударить его головой об перила. Ясно?

— Да.

— Всем ясно?

— Да... — почти хором отвечают мне трое.

— А потом, как сбросите его, вы всё забудете, начиная со вчерашнего дня. Это понятно?

— Да! — уже более дружно ответили мне.

— А теперь схватили его и понесли! Выполнять!

Вся троица поплелась исполнять мой приказ. Неуклюже подхватив тело, двое под руки, а третий за ноги, они удалились по направлению к выходу из двора. Причём сразу выбрали направление наиболее прямое в сторону реки.

Сергей стоял, глядя не меня немигающим глазами.

— Что ты с ними сделала?

— Ничего... Просто приказала им, чтобы они унесли своё дерьмо из нашего двора.

— А нас с братом ты тоже заколдовала и заставила тебе подчиняться?

— Нет. Вы решили это сами. А я всего лишь согласилась платить вам за работу.

— Но...

— Давай посмотрим, что там с твоим братом!

А с Виктором всё было очень плохо... Он не приходил в себя, хотя и дышал. Дыхание было тяжёлым, со свистом, но всё же дышал...

— Давайте его в квартиру поднимем. И побыстрее.

Странно, что до сих пор во дворе нет ни наряда милиции, ни даже бдительного участкового Пилипенко. Видимо драки не редкость в этом районе. Не убивают... И ладно. Лишь бы окна не били.

Через пять минут Виктор уже лежал прямо на полу в квартире Вадима. Я выгнал всех из комнаты.

Странно... Но все меня послушались и ушли на кухню.

— Инга!

— Я уже настраиваюсь. Что с ним?

— Надо чтобы кость черепа вернулась на место. И ещё... Постарайся, когда будешь работать с его головой, добавить ему мозгов.

— Чего?

— Ну, как бы тебе сказать... Внуши ему, чтобы он стал больше интересоваться знаниями, учиться, побольше читать и так далее...

— Не уверена...

— Тогда просто внуши его организму, чтобы он стал совершенствоваться. Чтобы не только мышцы развивались, но и в мозгах всякие там нейронные связи... Я и сам до конца не понимаю. Но я и не понимаю, как ты всё это делаешь... Поэтому просто попробуй.

— Хорошо.

— А заодно пройдишь по всему телу. Его же били и пинали ногами. Подлечи его всего. Только не перестарайся, как с Вадимом. А то сделаешь из него умного терминатора...

— Как Шварценеггер?

— Да. Такого пока из него делать не надо...

— Всё. Я начинаю. Теперь ты мне не мешай.

Снова я сторонний наблюдатель. Снова вижу яркий зелёный свет из рук. Из наших рук. Там во дворе, мы действовали вместе. Надо потом попросить Ингу научить меня тоже стрелять зелёным светом из глаз.

А тем временем Инга снова творила свои чудеса. Прямо на моих глазах по лбу Виктора расплзлось пятно зелёного света. Оно не было ярким, и не было прозрачным. Больше напоминало мутноватый болотный туман, по которому иногда проскакивали зелёные искорки.

Я не видел, что происходило под пеленой этого тумана. Но чувствуя наше общее внутреннее напряжение, понимал, что Инга старается помочь парню, напрягая все свои силы.

Через некоторое время, Виктор глубоко вздохнул и открыл глаза. Он смотрел на нас в упор. Было видно, что он не понимает, что с ним и где он.

— Вставай! Иди в ванную и умойся хотя бы.

Видимо, что-то вспомнив, старший Волков стал ощупывать свой лоб там, где ещё несколько минут назад была вмятина в лобной кости. Его глаза стали ещё более непонимающими.

— Витя! Очнись! Всё в порядке... Иди умываться!

На этот раз он меня послушался, бодро поднялся и пошёл в ванную. Ну а я направился на кухню. В теле чувствовалась усталость, а во рту было сухо, как в Сахаре. Хотелось пить, пить, пить... Или даже выпить...

В этом теле и в этом времени я ещё не пробовал ни алкоголь, ни табак. Хотя в моём прошлом будущем я был немного гурманом. Любил крепкие напитки в разумных дозах. Именно для того, чтобы почувствовать вкус, и чуть-чуть добавить тонуса. Напиваться мне не нравилось, и я к этому не стремился. А курил я много, но в свои лучшие годы предпочитал

вкусные сорта. Вот и сейчас захотелось аж...

— Парни! Сделайте мне чаю... А лучше кофе, если есть молоко, то с молоком... А если нет...

Все смотрели на меня. У меня почему-то не получалось сформулировать свои мысли. Устал всё-таки.

— Вадим! Достань пожалуйста из наших сегодняшних покупок ликёр «Куантро» и пачку «Салема».

Доктор пошёл искать то, что я попросил. Вернулись они уже вдвоём с Витей. Виктор умылся и выглядел довольно свежо. Сергей и Натан смотрели на него с изумлением. На лице старшего Волкова не было ни единого следа от недавних травм.

— Это как? — бормотал Сергей. — Как это?

— Вот так. — ответил ему ветеринар, выставляя на стол ликёр и протягивая мне пачку сигарет.

— Дай спички! — обратился я к Натану, машинально, отработанным за многие годы движением, распечатывая сигаретную пачку.

Натан протянул мне коробок. Я сел на табурет, и закурив, с наслаждением затянулся, ощущая во рту освежающий ментоловый вкус.

— Вадик. Налей мне рюмочку! Грамм пятьдесят, не больше.

Все молчали. Я пригубил ликёр. Вкус апельсина и привкус ментола от сигарет... Я наслаждался, а все смотрели на меня.

Молчание нарушил Виктор:

— Спасибо тебе!

— Не за что... Я просто сделала то, что могла, чтобы помочь. Вот ты бы помог мне, если бы мне понадобилась твоя помощь?

— Конечно! Я готов всё для тебя сделать

— Не разбрасывайся обещаниями! Если я скажу тебе, что помочь мне можно убив кого-то...

— Для тебя я готов сделать всё! — серьёзным тоном продолжил Виктор.

— Я тоже! — добавил его младший брат.

— Ребята! — Вадим улыбнулся, — Вы не поверите... Но я тоже с вами согласен. И если вы пойдёте таки кого-то убивать, то я буду участвовать.

Натан промолчал. Но я знал, что он с нами. Не всегда надо сотрясать воздух пустыми словами.

— Парни! Успокойтесь! Нам надо уже начинать собираться. Мы же решили на море ехать. Я предлагаю на машине.

— Почему? — на этот раз Натан не смог смолчать.

— Будем на юге более свободны. С машиной мы не привязаны к одному месту, и сможем проехать по всему побережью. А может быть, и в Крым заскочим. Это уже как фишка ляжет.

— Я тоже хочу на море! — мечтательно произнёс младший.

— И я бы не отказался... — вторил ему старший брат.

— В машине мало места. Трое с трудом помещаются.

Я задумался. Что-то изнутри толкало меня на необдуманные поступки. Хотелось сотворить что-то такое... Допустим... Подарить кому-то сказку.

— Вадим! Натан! Давайте возьмём ребят с собой. Мне кажется, что им надо поехать

вместе с нами.

Немая сцена... Первым очнулся Вадим.

— Но как мы это сделаем?

— Элементарно... — я чуть было не добавил «Ватсон», но вовремя опомнился. Этот знаменитый фильм тут ещё не сняли...

— Завтра мы с ребятами съездим в «Детский мир». Парней надо бы приодеть. Не в этом же им ехать... А потом мы с Натаном и со всеми вещами поедem на машине, а ты Вадик купишь три билета на поезд до Сочи. Мы там вас встретим на машине.

— Но... — попытался что-то спросить Сергей.

— Не благодари... Родители-то вас отпустят одних?

— Мать отпустит. Когда я принёс ей денег на продукты, она даже слезу пустила... А батя... Ему ещё дней десять свои сутки отрабатывать.

— Денег я вам ещё добавлю. Маме оставите. Завтра с утра ждите во дворе. Примерно в десять. Раньше не надо. А сейчас идите домой. И больше не влипайте ни в какие истории. И ещё...

Оба брата посмотрели на меня...

— О том, что сегодня произошло, никому и никогда...

— Могила! — выпалил младший.

— Вот там ты и окажешься, если проговоришься кому-нибудь...

Волковы ушли. Натан сидел на кухне и витал где-то в облаках. Вадим попытался меня допросить:

— Инга! Что ты с ним сделала? Он же почти в кому впал. Ему череп проломили, и возможно мозг был повреждён.

— Я помогла его организму это побороть.

— Но ты понимаешь, что это нереально?

— Ты же сам видел: У него всё в порядке. И он ушёл домой на своих ногах.

— Инга! Твой феномен надо...

— Ничего не надо, Вадик. Ты хочешь, чтобы меня заперли и ставили на мне опыты?

— Нет.

— Поэтому никому не надо ничего говорить. А мне надо поспать...

Интерлюдия 1

Дежурный по городу.

Трое несовершеннолетних, учащиеся строительного ПТУ. Избили четвёртого, тоже из того же училища. Сломали ему руки и сбросили с моста в реку. Были сразу же задержаны ПМГ. Наша машина проезжала мимо. Сопrotивления не оказывали.

И ещё. Утверждают, что ничего не помнят. Сейчас с ними инспектора из второго отдела работают. Тело достали из реки водолазы. Видимо ударился головой при падении. На руке со сломанными пальцами — кастет. Пацанов, скорее всего, придётся в Сербского отправлять. Нет, если и косят, то грамотно. Только не может же быть амнезии у всех троих сразу.

Ещё нарисовался один труп в форме сержанта милиции. Нет. Не милиционер. Ряженный. Пока не опознан. Пробиваем по пальчикам. Ранее судимый. Перстень на руке наколот. Насильник. Сейчас архивы поднимаем.

Причина смерти? Сломана гортань. Свидетели есть. Говорят, крутился рядом там один... Приметы: Среднего роста. Серый костюм. Невзрачный такой, как соседи из конторы. Да... По таким приметам хрен найдёшь. Может и правда из конторы. Отследили его маршрут. Поймал такси на набережной. Там рядом таксопарк есть. Таксиста уже допросили.

У пассажира был повреждён нос. Свёрнут на бок. Морда вся в крови была. Почему повёз? Наверное, пообещал денег. Таксисты за деньги кого угодно, куда угодно. Но со слов водителя денег у клиента с собой не было. Доехали до Октябрьского поля. Улица Народного ополчения.

Высадил у подъезда жилого дома. Ждал. Пассажир оставил в залог часы. Красивые, импортные. Вернулся через минут пять, расплатился. Забрал часы, ушёл.

Подъезд отработали. Голяк. Проходной. Никто из жильцов не опознал... Думаю, что не стоит дальше отрабатывать. Скорее всего, конторские разборки. Они там крутятся у «Берёзки» постоянно. Так что... у нас всяк...

Интерлюдия 2

Серьёзные люди.

— Ты чего его там бросил? Менты роют. Чекисты вопросы всем задают ненужные...

— А что мне его, в карман надо было спрятать и с собой унести? Он кони двинул через минуту после того, как эти отъехали. Задёргался, захрипел и сдох. Я проверил. Жмур. Она ему сперва по яйцам ногой заехала, а потом кадык сломала.

— А ты там, мимо проходил, что ли?

— Я её схватил сзади, а она меня ногой в лицо... Нос сломала...

— Вижу... И что? Она тебя уронила на землю и ногой сломала нос?

— Нет. Я стоял.

— И как же она тогда?

— Что? Вот так вот ногой махнула и... А я сзади был, а тут нога прилетает прямо в морду.

— Как? Это же нереально.

— Я тоже не ожидал. А тут. Удар в нос. Вспышка... и всё... Я в кино видел, так японцы ногами дерутся. Это у них карате называется.

— Она, что, японка была?

— Может быть и японка. Она в тёмных очках была. Глаз не видно. Рыжая. Крашенная, наверное. Мелкая. На вид девчонка совсем.

— И эта мелкая девчонка в очках, уделала двух взрослых мужиков? Одному нос на бок свернула, а второго на глушняк...

— Кстати. Кто нам подсунул этого петуха?

— Почему петуха?

— Она его на раз раскусила. Расколола как буратину, лишь глянув на перстень, что на пальце у него был наколот. Я потом поинтересовался у каталы одного. Всё в цвет. Реально, такой партак насильникам на зоне, принудительно накалывают.

— Да. Косяк реальный. Кто же знал. Его Гиви привёл. Говорил нормальный пацан.

— Говорил... гамадрил... Я в татуировках не разбираюсь...

— Ничего. Посадят, научишься.

— Типун тебе... Он говорил...

— Он много чего говорил. Теперь уже никому ничего не расскажет. А эта девка его за полсекунды расколола. Пока он свою ксиву поддельную из кармана тащил. И перстень срисовала. И ему тут же обосновала всё. И кто он по жизни, и за что сидел. А потом мне в нос.

— Да-а... Шнобель тебе лихо подрихтовали. Знатно на бок свернули.

— Я же не боец. Я свои руки для другого дела тренировал.

— И что потом эта девочка...

— Да какая она к *беням, девочка? Просто мелкая. Точно, азиатка. Они там мелкие, но шустрые. Вон вьетнамцы америкосам как вставляют.

— Так там наши помогают... А те двое, что с ней были?

— Тоже нерусские. Чернявые, как арабы.

— Или евреи.

— Да, хрен их там разберёт.

— Номер машины запомнил.

— Записал. На бумажке.

— И где она?

— Кто?

— Бумажка, *ля... Тебе что, мозги все отбили?

— Похоже на то... Она меня вырубила и обшмонала. И его тоже. Быстро так, профессионально. Так менты шмонают.

— Или карманники.

— Выгребла у меня всё. Документы, деньги, все бумажки, вплоть до трамвайного билетика. Мне даже с таксистом нечем было рассчитаться.

— А паспорт твой?

— И паспорт, и ксиву конторскую поддельную...

— Его тоже под ноль?

— Да.

— Это хорошее. Значит, ментам ничего не досталось, кроме кителя ментовского, да штанов обосранных. Ну, пусть копают. Его всё равно пробьют по пальчикам. Он же сидел. Вот пусть в ту сторону и роют.

— А чего она тебе там ещё втирала?

— Обосновала как и почему мента фальшивого раскусила. Сказала, что я с петухом на дело пошёл. И много ещё чего на фене наболтала. Похоже, что из крутых девка. По-русски чисто говорит, без акцента. Может и не японка. Но мелкая такая... Полтора метра ростом.

— Да. Кому расскажешь, зачморят за такой косяк. С петухом пошли на дело, а потом мелкая девка, двух здоровых лбов вырубила и спокойно ушла.

— Не ушла... Уехала. Причём она командовала теми двумя.

— Я думаю, что про это вообще не надо никому звенеть. Сами потом в дураках окажемся. А тебе надо на другую точку сваливать. А ещё лучше, в Питер рвани. Ты здесь засветился по полной. Поработаешь там годик, другой... А после посмотрим.

— А...

— А сейчас лепила к тебе приедет. Нос вправит и на место поставит...

Глава двенадцатая

Я проснулся просто зверски голодным. По крайней мере, живот мой рычал, как дикий зверь. Зато выспался я на все сто.

Утром Вадим напоил меня кофе с молоком. Странно... Вчера ещё молока у нас в доме не было. С утра что ли сбегали и купили? Наверное...

Что там у нас на сегодня было запланировано? Шопинг с молодёжью, с целью одеть их поприличнее, чем дворовая шпана...

На машине, что ли поехать? Не-а... Лениво. Рванём-ка мы на метро... А то совсем скоро обленюсь. Скоро в булочную буду на машине ездить...

Нет. Сегодня у нас будет пешая прогулка по городу и поездки на общественном транспорте... Так и сделаем.

Сколько там времени у нас? Угу... Уже полдесятого. Ну, пора и собираться.

Видимо, мои малолетние бандиты были куда больше меня мотивированны на итоги сегодняшней поездки. Когда я вышел во двор, то Волковы уже маячили там, делая вид, что только что вышли из дома. Хотя видно было, что пространство возле нашей дворовой лавочки уже слегка помечено следами их ног...

— Привет, парни! Сегодня поедem на метро. Возьмите с собой рюкзаки! Они нам наверняка пригодятся.

— Уже... — откликнулся младший, и кивнул на лавочку.

Странно... Слона то я и не заметил... Старею...

— Ну, тогда поехали! Чего время-то терять?

И мы двинулись в путь. Доехали на трамвае до ближайшего метро. Потом на метро с двумя пересадками. И вот я снова вижу Центральный детский универмаг. Всего лишь полтора месяца тут не был, а сколько уже всего произошло с тех пор.

Теперь вот и деньги есть в достаточном количестве. И не надо больше копейки в кармане считать. А жизнь-то налаживается...

Мы начали с самого главного... С обувного отдела. Сразу купил ребятам новые кеды. Полезная обувь по нынешним временам. Взял те, что были покрепче и подороже.

Жаль, что кроссовок импортных в продаже не оказалось...

Это я так... Иронизирую, если кто не понял...

Ну а дальше всё по порядку. Плавки, штаны, футболки. На юг же едем. Нужны вещи полегче. Ну и так по мелочам всего накупили и им, и мне.

В общем, набил я им рюкзаки под завязку... Причём получилось это в прямом смысле этого слова. Какие молнии? Какие к чертям липучки? Завязки на рюкзаках — это наше всё! И ещё долго так будет...

Из Детского мира, мы пешком добрались до улицы Горького. Я решил всё-таки попробовать поинтересоваться своей входящей корреспонденцией. Ну вот там, на Центральном телеграфе я и поинтересовался: Нет ли письма «До востребования», на имя Александры Котовой?

Странно... Но письма с адресом тётки в Армавире не было среди входящей корреспонденции с пометкой "до востребования". То ли тётка забыла его мне отправить, то ли она ещё не определилась с постоянным адресом проживания.

На обратном пути я загнал их в парикмахерскую. Старшему сделали модельную стрижку покороче, а Сергей упёрся... Не хотел расставаться с так давно отращиваемыми длинными волосами. Я с ним согласился. Мода есть мода... Так что его только слегка подравняли. Но я его предупредил, что носить длинные волосы он будет исключительно в виде «конского хвоста». Я руками собрал в пучок его гриву и показал, как будет выглядеть.

— Я что тебе — девчонка?

— Дурак ты, Серый! Девчонки носят хвост не так. У них волосы висят вниз, а это называется «Конский хвост». Пучок собирается на затылке. Так за границей крутые парни сейчас носят. Особенно рок-музыканты всякие. Ты что? Это же последний писк западной моды. Только резинка нужна. И не цветная, как у девчонок, а чёрная или серая.

Я не стал говорить молодому бандиту, что девчонки иногда такую причёску тоже носят, а меж собой называют её не «Конский хвост», а «Лошадка хочет какать». Зачем ему такая лишняя информация?

Эти неиспорченные интернетом души всему верят на слово...

— Ну, тогда ладно... — согласился он с моими доводами.

По дороге я стал немного нудно и подробно инструктировать ребят по поводу будущей поездки.

— С собой берёте свои свидетельства о рождении. По дороге, если спросят, говорите, что едете с дядей Вадимом, чтобы больше лишних вопросов не было. Пусть он и решает все остальные вопросы.

— А ты поедешь на машине?

— Да, с Натаном. Все тяжёлые вещи мы с собой заберём. Так что вы поедете налегке, с комфортом. Поэтому, с собой возьмёте лишь только то, что в дороге может и пригодится. А всё остальное погрузите к нам в багажник. Это ясно?

— Ясно-понятно, гражданка-начальник.

— Всё шутишь, Серый? Есть хотите?

— Ну, если только мороженое.

— Хотите есть мороженное на ходу? Фу... Это же не комильфо, джентльмены...

Мы, как белые люди, зашли в кафе-мороженое и заказали сразу по несколько шариков каждому. Подавали нам холодный десерт в блестящих креманках.

И мы от души наслаждались обалденно вкусным пломбиром, поедая его при помощи чайных ложечек. Это просто блаженство...

Вернувшись домой, я отправил Вадима с парнями за билетами. Нам важно было заранее узнать, когда ребята приедут в Сочи, чтобы встретить их там, на вокзале на нашей машине.

Договорились о том, что все вместе собираемся на квартире у Вадима завтра. Забираем все тяжёлые вещи и стартуем.

Выезд назначили на первую половину дня, чтобы до вечера добраться как минимум до Воронежа. Лучше, конечно до Ростова-на-Дону. Но это фантастика для этого времени, да по этим дорогам, к тому же на этой машине... А ночами гнать тачку вовсе никакого смысла нет. Да и зачем нам так напрягаться? Наверняка билетов на ближайшие дни не будет. Так что торопиться нам особо некуда.

А мы с Натаном прихватили из тайника всё золото, оба клада и основную часть наличных денег. Надо всё это спрятать на время поездки, да понадежнее. Сумку с оружием

мы тоже прихватили для захоронения.

С собой на юг я возьму лишь ножи, да один наган плюс полторы пачки патронов. Думаю, что мне хватит. Я же всё-таки не на войну еду, а просто на море отдыхать с друзьями...

Получилось прилично так поклажи для захоронки. Хотя мы и сокращали груз, как только могли. Золото и ордена из первого клада переехали в сумку к драгоценностям. Ржавый наган я хотел даже выкинуть, но Вадим сказал, что пригодится. Бросил у него дома. Пусть развлекается с ним на досуге...

Я заранее продумал куда можно спрятать наши «сокровища», чтобы не заморачиваться с раскопками новых ям в лесах Подмосковья. Знаю я одно такое тихое место. Пока там ещё нет особого бума дачного строительства. Да и туристы не особо кучкуются там по выходным дням со своими рюкзаками и палатками. Но в будущем это место будет широко известно. С далёких времён там есть кое-какие рукотворные пустоты в земле, про которые у нас до конца восьмидесятых ещё никто не узнает. Ну а я уже знаю, что там, и где там, и даже в подробностях.

Под Москвой есть много заброшенных каменоломен. В стародавние времена там при свете лучин вручную добывали известняк. Да, да... Тот самый белый камень, из-за которого Москва и получила в своё время прозвище «Белокаменная». Добывая камень, люди углублялись под землю всё глубже и глубже. Местами возникли подземные лабиринты протяжённостью и тридцать и пятьдесят километров... Постепенно добычу вести перестали. Невыгодно стало. Стали лепить кирпичики из глины... А каменоломни забросили на долгие-долгие годы. Открывать заново их начнут энтузиасты спелеологи ещё лет через пятнадцать-двадцать. Но места на поверхности, где можно без особого труда проникнуть под землю, мне хорошо известны. Да и внизу, я там частенько бывал. Не заблужусь...

Часа через три с половиной мы смогли избавиться от ценного груза. Причём я умудрился сделать сразу три разных нычки, в разных местах, каждое из которых было далеко от других. Отдельно одну закладку для оружия, другую для денег и третью для ценностей. На всякий случай не стал делать никаких пометок на стенках, типа креста выведенного копотью от сгоревшей свечи. Я смогу и так найти, а другие мимо пройдут и даже подумать не смогут, что стена в этом месте не цельная...

Правда, запарился я знатно. Как в сауну сходил, к тому же позабыв перед этим раздеться. Да и ползать по катакомбам с фонариком в руке, это вам не это... Налобных фонарей пока что не наделали в таком количестве, чтобы его можно было свободно найти в магазине... А те монстры, которые производят для шахтёров, хоть и работают долго, и святят ярко, но по весу они, как ещё один рюкзак... Да и где бы нашёл шахтёрский фонарь в Москве за такое короткое время? Ладно... Хватит плакаться... Справился, ну и бог с ними, с сокровищами нашими...

Дома у Натана мы собирали вещи и не спеша грузили их в машину. В машине я тайком от Натана, оборудовал тайничок для своего нагана. И найти довольно сложно, и достать быстро можно. А сверху всё завалил разными вещами. Если специально его не искать, то и найти будет сложно. Особенно тому, кто не знает чего ищет. Надеюсь, что по дороге ни у кого из сотрудников правоохранительных органов не возникнет любопытства для такого мероприятия, как обыск транспортного средства...

Ну а если что... Была у нас такая поговорка в девяностых: «Троих на месте положим, а

от остальных убежим!».

Другая поговорка была ещё конкретнее: «Уходя, гасите всех!»

Я решил, что всю поездку мне выгоднее быть в образе девочки. Но мальчиковый набор, я тоже имел с собой. На всякий случай. А как говорил поручик Ржевский в известном анекдоте: «Случаи разные бывают...»

Денег на поездку я решил взять побольше.

Во-первых нас будет пятеро, и это значит, что понадобится как минимум два номера в пансионате или санатории, если мы будем искать такой тип размещения. А если снимать квартиру или койко-места у граждан, то это опять же либо две-три комнаты, либо целых пять коек.

Ну а во-вторых, экономить на отдыхе, имея деньги — это смертный грех. Отдыхать на курорте надо во всю широту русской души.

Возродим традиции и привычки купцов первой гильдии, что в царские времена гуляли на всю катушку. Есть, правда ещё и пример того, как гуляли нэпманы... Как в последний раз... Так оно и вышло позже... И те, и другие плохо кончили...

Шучу, конечно... Но мне почему-то хочется отдохнуть, ни в чём себе не отказывая...

Почему-то снова потянуло в сон. Последнее время я что-то сильно устаю. Хотя и событий происходит слишком много в это самое последнее время...

Да и ноет чего-то внутри. Непонятно так... Противно на душе... Надо бы у Инги спросить. Что она сможет сказать по этому поводу... Но всё это будет уже только завтра.

А сейчас... спа-ать...

А утром мы как-то просто и буднично стартовали на машине по направлению к Вадиму.

А вот там, как раз, и стояла, и висела в воздухе, всеобщая нервозность и суета. Пожар в борделе во время наводнения? Фигня на постном масле... Здесь всё было как во времена первой русской революции... Неорганизованные народные массы мечутся без руководящей роли РСДРП(б).

Братья всё никак не могли определиться: Что брать с собой? Чего не брать с собой? Что им самим тащить, а что надо нам в машину грузить?

Я решил ни во что не вмешиваться. Сидел себе тихо на кухне, пил кофе с молоком, запивая печенку...

Младший брат щеголял с новой причёской. Нашёл, значит, где-то чёрную аптечную резинку... А что? Ничего так получилось. Конский хвост ему шёл. Об этом я ему сразу, конечно и сообщил. Парень зарделся. Похвала она ведь и ёжику приятна, и волчонку тоже.

Но наконец-то, всё устаканилось. Лишнее в багажник загрузили, остальное в рюкзаки сложили...

И теперь мы сидели за столом, подводя итоги. Билеты на поезд были взяты. Правда, поедут ребята только через три дня, на самом весёлом, и совсем-совсем не скором поезде. Семьсот какой-то почтово-багажный... Слышал я про такие, но сам на таких никогда не ездил. От Москвы до Сочи что-то около двух суток в пути.

Невероятно. В космос летаем и на Северный полюс парашютистов высаживаем, а поезда ходят со скоростью деревенской телеги...

Чувствую я, что их поезд будет останавливаться не только на каждой станции, но и у каждого фонарного столба...

Ну и ладно... Самое главное, что мы уточнили время прибытия наших парней на вокзал в Сочи. Эта информация была самая важная и нужная. А остальное — это детали. Главное нам не разминуться на вокзале в Сочи. Иначе нам на побережье друг друга не найти. Времена сотовых телефонов ещё не настали...

Может придумать какое-то место встречи на всякий случай? Типа: Явки, пароли, адреса... Каждый день у фонтана ровно в полдень?

Бред... Даже не буду заморачиваться на эту тему. Ничего не случится и мы вовремя будем на вокзале встречать наших друзей...

Почему-то вспомнилось, что одна из детских повестей Кира Булычёва про приключения девочки Алисы, называлась: «Девочка, с которой ничего не случится.»

Но у меня складывается мнение, что я сейчас играю роль девочки, с которой всегда что-то случается... Нет, не то чтобы я, каждый раз выходя из дома наступаю ногой в собачью какашку, но всё же... Стоит в магазин сходить, на грабителей нарвались... После ресторана в Иваново... На грабителей нарвались... А про то, как в городе Шуе я решил на лавочку присесть, да булочку съесть... Даже вспоминать не хочется...

Неужели у меня в этом теле такая карма, и я такой вот, блин, «магнит для идиотов»?

Ладно... Хватит думать о плохом. Думай о хорошем! Надеюсь, что хоть поездка на море не принесёт никакого негатива, но кроме как обгоревшего на солнце носа...

Я передал Сергею столярник. Наказал, чтобы он его обязательно маме отдал, и пояснил, что это на еду и на хозяйство. Ну а на дорогу пусть свои тратят. А у Вадима денег прилично с собой. Вполне хватит и на юг смотреться, и обратно всем вместе вернуться.

Пора ехать...

Долгие проводы — что-нибудь забудешь.

Но вроде бы ничего не забыли.

Провожали нас, чуть ли не со слезами на глазах.

Трогательная сцена, как в кино...

Ну, разве что платочками не махали...

Рулить машиной я доверил Натану. По крайней мере, пока из Москвы не выедем... А сам я занялся подробным изучением атласа автомобильных дорог СССР.

Вроде бы всё ясно и понятно. Сначала до Воронежа, потом до Ростова-на-Дону, Дальше до Краснодара доехать... Потом через Горячий ключ на Джубгу. А дальше на выбор. Мы можем остановиться где угодно: Туапсе, Сочи, Адлер... И ещё есть много разных мелких населённых пунктов на протяжении всего Черноморского побережья... Выбирай любое!

Нас никому не сбить с пути! Нам всё равно куда идти!

Вообще-то, маршрутом этим я ездил много-много раз... Но там... В своём будущем. И было это уже гораздо позже этих времён. То есть это было уже в начале девяностых. А там уже и дороги были пошире, и заправок было побольше.

Да, кстати... Надо было бы ещё одну канистру прикупить. На всякий случай. Хотя бы литров на десять. Чтобы была как НЗ (неприкосновенный запас).

Выехали мы из Москвы без всяких проблем. Ну и попыли по дороге в направлении на юг...

Скучной дорогу нельзя было назвать. Почти везде: один ряд туда, другой на встречу.

Местами появлялся третий ряд, там надо было ухитриться быстро сделать обгон грузовика, который как обычно по традиции плёлся впереди, сдерживая весь поток. Умудрялись и обгоняли... Чтобы сразу после обгона, снова упереться в задницу другого такого же тихоходного грузовика.

Часа через полтора Натан начал дёргаться и нервничать. В районе Каширы заехали на заправку. Залились снова под пробку. Сбегали по очереди в деревянный домик неизвестного архитектора. До сих пор понять не могу, как можно промахиваться так широко. Отхожее место было загажено с усердием художника авангардиста. Ну да ладно. Мы люди простые. Нам и это не проблема, лишь бы слой не по колено...

Уговорил Натана поменяться местами. Но не сейчас, а чуть позже. Должен быть пост ГАИ на границе Московской области. Вот после него мы и сменим неопытного водителя, на более опытного.

Нас на посту даже не тормознули. Видимо вид нашего лимузина, с привязанным чемоданом сверху на багажнике, не вызывал никаких чувств у служителей полосатой палочки.

Теперь уже за руль сел я, подложив под себя небольшую подушку и подогнав сиденье. Завёл машину, и погнал нашего Росинанта в направлении юга.

А ближе к вечеру мы уже въезжали в Воронеж. Темнело, но гостиницу мы нашли довольно легко. Подсказал сотрудник ГАИ на въезде в город. К тому времени мы уже снова поменялись, и я опять изображал пассажирку.

На удивление в местном «отеле», ну то есть в гостинице были в наличии свободные номера. И даже место для нашей машинки нашлось во дворе.

Называлась гостиница традиционно — Воронеж. Но нам это было как-то до фонаря. Мы даже умудрились поужинать в местном ресторане на скорую руку. На этот раз обошлось без пафоса и без последующих приключений.

Выспались, слегка отмылись от дорожной пыли, позавтракали, да и поехали утром дальше. Чего уж там задерживаться... Нам на море надо ехать...

Почти всё время за рулём был я. По дороге мы с Натаном трепались обо всём и ни о чём одновременно.

Магнитолы с кассетами явно не хватает. Но с этим придётся подождать. Ибо самые первые кассетники для машин начнут клепать в Союзе только лет через пять. А воровать их из машин перестанут только после 2000-х.

Поэтому мы просто ехали и болтали... Болтали и ехали.

Днём обедали в обычной столовой в Ростове-на-Дону, но задерживаться в этом городе не стали...

А ужинали мы снова в ресторане, но уже при гостинице «Кавказ» в городе Краснодаре. Здесь пришлось немного дать денег, а то изначально мест для нас не было. Но червонец сверху, и номер на двоих нам был обеспечен.

В ресторане я впервые за всю поездку почувствовал себя некомфортно, когда горячие кавказцы с характерными усами стали пялиться на меня, и что-то громко обсуждать своими гортанными голосами на незнакомом мне языке. Блин... Мне ещё четырнадцати нет... хотя... Одет я вполне стильно, да и короткая стрижка вкупе с рыжим окрасом — тоже в

глаза бросаются сразу.

Ну да ладно. Вроде знакомиться не лезут пока. А, ерунда... Не стоит даже заморачиваться...

Кстати, когда мы возвращались из ресторана в номер, нам администратор дала очень «ценный» совет. Поставить машину под охрану. Через пару кварталов находится отдел милиции. Там обычно договариваются с дежурным и за совсем небольшие деньги можно припарковаться на ночь. А то не дай бог открутит кто чего, и наша поездка на юг накроется медным тазом.

Вняв мудрому совету, я opravил Натана перепарковываться, а сам пошёл в номер. Спать уже пора. Завтра же нам снова в путь. Надо до вечера пройти горный серпантин и уже искать ночлег на побережье.

Я умылся, переоделся в так любившийся мне удобный красный полукомбинезончик, лямки с шортами, и стал готовиться ко сну.

Вот Натан вернётся и всё...

Спа-ать хочу...

На часах уже пол одиннадцатого... Зевота уже челюсть разрывает...

Где там бродит этот автомобилист?

В это время в дверь номера постучали...

Глава тринадцатая

Вот ведь как бывает...

Ну и что мне делать?

Что делать?

Стучат — откройте дверь!

Позёвывая, плетусь открывать...

Как вдруг в голову молнией ударила мысль... А вдруг это не Натан?

Подойдя к дверям, я внутренне собрался... зевнул... и спросил сонным голосом:

— Кто там?

В ответ послышался незнакомый мне мужской голос с явно кавказским акцентом:

— Э-э, слюшай! Открой, да!

— Папы нет. Что вам надо?

— Зачем папа? Я тока спросить...

Не открывая дверь, предлагаю собеседнику поговорить так... Но как-то машинально не раздумывая натягиваю кроссовки и завязываю шнурки.

— Спрашивайте!

— Ты. Эта... Двери открой! Что я буду... вся коридор кричать...

— Папы нет. Уходите! Я не открою...

— Э-э, ни бойся. Я тока спросить... — и снова стук в дверь...

Блин. Задолбал уже... Вот настырный какой...

А чего я собственно боюсь? Этого чужого мужика? И что он мне сделает? Всё-таки это Советский союз, а не негритянский квартал в Нью-Йорке, и не фавелы Рио-де-Жанейро...

Открываю дверь... Но не запускаю незваного гостя в номер, а сам выхожу к нему в коридор:

— Ну и чего надо?

Передо мной стоит тот самый черноволосый кавказец с усами, из ресторана. Ростом не намного выше меня, но такой бодрый толстячок.

— Зачем так со старшим говоришь?

Стараясь произносить слова отдельно, практически по слогам, чтобы понял любой малообразованный дебил, спокойным голосом, снова спрашиваю:

— Что... вам... надо?

— Ты. Эта... Куртка у тебя... Сыну моему нравится... Продай, да!

Блин горелый... И весь этот кипеш только из-за этого? Да они чё тут, совсем охренели на этом юге? Они считают, что всё в мире продаётся и всё покупается... А ещё они думают, что им никто не может отказать... Вот такие вот всемогущие, самые богатые и самые усатые... Это они сейчас такие... Да и в будущем вряд ли что изменится. Ну разве что, вместо усов будут в моде бороды... Может это южное солнышко на них так действует. Может, мозги у них от солнца плавятся?

Ну да... Конечно... Щас... Прямо вот так возьму и продам по дешёвке свою вещь, какому-то «хозяину жизни»...

Да пошёл он...

Причём это хочется сказать ему прямо в наглую усатую рожу: «А не пошёл бы ты дядя

на х... мелкими шагами!»).

Но так говорить сразу нельзя. Потому что тогда будет скандал... Громкая ругань и прочее, прочее, прочее...

А тогда к нашему спокойному началу большой поездки на море, подкрадётся и придёт большой полярный лис... Песец, который...

Где этот Натан бродит? Вот когда он позарез так нужен, его как всегда нет. Придётся видимо самому базары базарить и разговоры разговаривать.

Отвечаю этому усатому нахалу, спокойным уверенным тоном, но абсолютно безапелляционно:

— Куртка — моя... Она не продаётся!

Пытаюсь ретироваться в номер и закрыть за собой дверь, но тут происходит то, чего я не ожидал. Воскликая своё излюбленное:

— Э-э! Куда?

Меня грубо пытаются схватить за плечо, но рука его соскакивает и цепляет лишь ляжку моего красного полукомбинезона. Пуговица, за которую зацеплена лямочка, отрывается «с мясом». Нет, не с моим мясом, а с нитками, на которые была пришита.

Я уже распахнул двери в номер и дёргаюсь внутрь, но его рука, тянущая за ляжку, тормозит моё движение.

Не знаю, как так получилось, но мои ноги зацепились за коврик перед входом, и я, поскользнувшись на тряпачном коврике, лечу на пол, а незванный покупатель моей куртки, держась за ляжку моего комбинезона, летит вслед за мной.

Да чего там вслед? Грохается на меня сверху, бугай здоровый. Аж, дыхание на секунду спёрло...

В процессе падения... Даже можно сказать, что не падения, а полёта в сторону пола, меня каким-то образом развернуло. Но крепко вцепившаяся в левую ляжку моего комбеза, рука кавказца умудрилась стащить с правого плеча и вторую ляжку. Я не понял, как это, всё произошло.

Ну как можно было вот так вот в падении развернуться на сто восемьдесят градусов?

Так обычно только кошки падая, разворачиваются в воздухе. Но я же не кошка пока ещё...

Эх, мне бы сейчас один из моих стилетов... Я бы показал этому здоровяку, что в здоровом теле может быть не только здоровый дух, но и здоровый нож.

Но при моём цыплячем весе борьба в партере с клиентом втрое меня тяжелее — это явно не моё любимое хобби.

Зато я очень быстро соображаю. И вспомнив, что я маленькая девочка, включаю сирену своего голоса на всю мощь девичьего горла:

— Па-ма-ги-те! А-а-а-а-а!

Децибел примерно на двести получился мой дикий крик, переходя в такой же дикий визг.

Да... Это вам не девяностые, когда на такой крик все очевидцы постараются поплотнее задёрнуть шторы на окнах... И даже не две тысячи двадцатые, когда все бросятся не спасать и помогать, а достанут свои смартфоны, чтобы снять забавное видео...

Это семидесятые годы двадцатого века! Союз Советских Социалистических Республик!

Все люди — братья... и сёстры! И все помогают друг другу... Ну, или почти все...

Послышались голоса в коридоре. Распахивались и хлопали двери. Чей-то женский голос громко спросил: «А что случилось?».

Ну, а я что? А я продолжаю свою сирену:

— По-мо-ги-те!

Это усатое чучело уже пыталось встать с меня, но я делаю вид, что отталкиваю его, «случайно» крепко держал его за отвороты пиджака... И орал... О, как я орал...

— А-а-а-а-а!

Но потом вдруг, кто-то схватил «негодяя» то ли за шиворот, то ли за волосы, и наконец-то оторвал от меня его потное тело. Я ещё лежал на полу, в порванном полукомбинезоне с почти стянутыми с меня шортами и задравшейся на животе футболке, как услышал в коридоре характерные звуки.

Кажется, кого-то бьют.

И я, кажется, даже знаю кого...

Ко мне наклонилась темноволосая женщина. Несмотря на довольно большой нос и тёмные «усики» под ним, лицо её было милым, и очень добрым. С каким-то мягким, кажется армянским акцентом, она спросила меня:

— Что он с тобой сделал? С тобой всё в порядке?

Её руки ласково пробежались по моему телу, она поправила на мне футболку, пыталась приладить на место лямки, комбинезона, но поняв, что одну из лямок «с мясом» оторвали, повернулась к «злодею». Боюсь, что её лицо в тот момент уже не было таким же милым и добрым, как секунду назад.

Усатого кавказца уже держали за руки несколько мужиков разного возраста. На его лице уже стали проявляться следы тумаков от тех, кто поспешил мне на помощь. Но это не остановило эту добрую женщину. С гневным криком: «Негодяй!», она залепила ему такую звонкую пощёчину, что казалось голова его должна лопнуть, как спелый арбуз.

Как всегда на самом интересном месте... Вдруг откуда ни возьмись, появился... Натан, конечно. Ему уже давно пора было появиться. Что-то он слишком долго гулял по ночному Краснодару.

Не раздумывая, продолжаю доигрывать роль маленькой девочки. Бросаюсь к нему с криком: «Папа!», обхватываю его двумя руками, утыкаясь лицом ему в грудь. От всей этой комедии, меня пробивает на смех. Пряча лицо у него на груди, практически до слёз пытаюсь подавить в себе совсем не нужное сейчас «ржание». Видимо со стороны всем показалось, что я горько рыдаю. Да и слёзы выступившие на моих глазах... Всё к месту.

Натан порывался высвободиться от моих объятий, и вершить свой отцовский «справедливый суд» над обидчиком, но я его не отпускал.

Когда появились два милиционера... А быстро тут у них... Короче, их глазам предстала следующая картина: Заплаканная девочка, вся в слезах и соплях, в объятиях рассерженного отца. Злодей-насилльник в руках бдительных граждан. И фурия, в виде доброй армянской тётушки, хлещущая злодея по щекам.

Женщину блюстители порядка подвинули в сторону, а вопрос был задан вслух, видимо для всех:

— Что тут происходит?

Армянская тётушка первая стала говорить. Говорила она быстро, вставляя в русскую речь незнакомые мне армянские слова:

— Я всё видела. Этот (незнакомое слово), — указала на усатого и побитого. — напал на эту девочку. Порвал на ней одежду, (незнакомое слово). Повалил на пол. Майку на ней задрал, (незнакомое слово). За грудь хватал...

Я посмотрел на свою грудь. Да... Было бы за что хватать...

В свою очередь, избитый, но всё ещё горячий усач, стал оправдываясь, кричать на армянку:

— Ти что, жэнщина? Что ти говоришь? Не так всё било...

— А вы помолчите, пока гражданин! — оборвал его строгий сержант. — Вам слова не давали.

— Э-э! — всё не успокаивался задержанный...

Но его уже никто не слушал.

— Сколько тебе лет, девочка? — обратился ко мне сержант.

— Тринадцать. — отвечаю я, при этом шмыгнув носом. Получилось очень даже жалостливо...

— Город, ответь восьмому! — это он в рацию.

— Город на связи... — едва разборчивый голос у него с плеча из маленького динамика.

— Пришли группу в Кавказ! Да. В гостиницу. Третий этаж. Попытка изнасилования несовершеннолетней...

— Быр, бр... — неразборчиво из рации...

— Подозреваемый задержан. Скорая? — он взглянул на меня. — Нет, скорой не надо... Инспектора ПДН, прихватите. Надо девочку допросить.

Да. Поспать сегодня явно не удастся. А возможно и уехать завтра тоже не получится.

Злодея увезли допрашивать в отделение. Армянскую тётушку допрашивали где-то там, за пределами нашего номера. Может, у неё...

Меня стала, в присутствии «папы», допрашивать немолодая сотрудница по делам несовершеннолетних. Я не стал особо ничего лишнего выдумывать. Просто рассказал вкратце, почти всё как было.

— Мы ужинали в ресторане. Потом папа поехал припарковать машину у отделения милиции. Я не знаю у какого. Я в номере была одна. Переоделась и готовилась лечь спать. Ждала, когда папа придёт. Нам же завтра ехать дальше.

— А мама твоя где? — перебила меня инспекторша.

Я вот подумал: А какое отношение имеет к сегодняшнему делу то, где находится моя мама? Но просто ответил, потупив глаза:

— Мама погибла полтора года назад. Мы живём вместе с папой. И сейчас с ним вместе едем на море.

Похоже, что этой тётке было всё равно. Ну, ещё бы, выдернули из дома, на ночь глядя. Вид у неё был, по крайней мере, именно такой, слегка недовольный. Как будто это я во всём виноват... К н и г о е д . н е т

— Я была в номере. Ждала папу. — последовательно продолжал я своё повествование. — В двери постучали. Я думала это папа...

На этом месте я сделал запинку, как бы собираясь с силами, чтобы снова не расплакаться.

— Открыв дверь, я увидела этого, незнакомого... Он говорил какую-то ерунду... Предлагал продать ему что-то...

— Что именно...

— Кажется куртку хотел у меня купить... Я его не очень поняла... Сказала ему, чтобы он уходил. Хотела зайти в комнату и закрыться. Мне было страшно... Я уже пожалела, что открыла дверь...

— Ну и что дальше?

— Он схватил меня... Порвал на мне шорты вот эти... Лямку оторвал... И когда завалил меня на пол... Так получилось, что он почти с меня шорты стянул и футболку задрал. Я не поняла как это всё произошло... Он так навалился на меня сверху. Я испугалась... Стала кричать. Прибежали люди... Его с меня сняли и оттащили... этого дядьку... мужчины схватили и держали... А потом папа вернулся... и милиционеры пришли. А я...

Я замолчал. Вроде бы всё сказал, нигде не соврал. Так лучше. Говорить почти всю правду. И не запутаешься, и не забудешь.

— Он тебя трогал? Руками куда-то залезал?

Я, как бы стесняясь, посмотрел на своего «папу»...

— Ну... Его руки были под моей майкой... Вот здесь... — я указал на грудь. — Футболку он вверх задрал, а шорты как бы вниз сползли... Я не знаю... Но там внизу он не успел меня потрогать... Его оттащили...

Я опять стал играть в эту «ромашку» — помню, не помню... Хватит уже. И так много наговорил. Спать пора уже...

Интересно, а эта тётя знает, что проводить всякие следственные действия в ночное время с несовершеннолетними не слишком законно. Наверное, всё-таки знает. Но если я стану ей на это указывать, то выдам себя. Сейчас я — наивная девочка, а не матёрый опер и знаток уголовного права... Но намекнуть ей на это можно...

— Простите, а когда мы закончим. А то я хотела бы помыться. У него руки были такие... потные...

— Подожди. Сейчас следователь подъедет. Возможно, что он тебя тоже допросит. Вот подпиши здесь... Пиши: «С моих слов записано верно и мною прочитано», а потом подпись.

— Я тогда прочитаю сначала.

Тётка недовольно сунула мне бланк объяснения.

— На! Читай! Давай только быстрее.

Я стал не спеша читать неразборчивый почерк. Из принципа буду читать долго...

Вроде бы всё так, как я и говорил. Только как-то более скупое и без эмоций. Но так и надо, наверное. Это всё правильно пока. Подписываю, а потом протягиваю Натану.

— Папа тоже должен подписать...

— Но его же там не было... — возражает тётка-инспектор.

— Но здесь-то он есть. И он всё слышал. Пусть прочитает и тоже подпишет...

Натан быстро читает и пишет, что допрос проходил в его присутствии.

— Это не допрос. — снова влезает в разговор тётка. — Это всего лишь объяснение. А допрос будет следователь проводить...

— Что? — смотрю на неё со слезами на глазах, — Прямо сейчас? Ночью?

Видимо тут инспекторша начинает что-то вспоминать из умных книжек по юриспруденции.

— Нет. Завтра утром придёте с папой к следователю. Адрес вам скажут. — обращаясь ко мне, снова спросила — Он точно с тобой ничего не успел сделать?

— Нет. Только порвал одежду и за грудь трогал.

Посмотрев с иронией на мою «грудь», она встала, собрала бумаги, и позвав Натана с собой, напоследок разрешила мне умыться и всё такое, раз ничего не было...

А Натана Борисовича ещё долго, где-то там за дверями нашего номера, допрашивали или опрашивали. Хрен их разберёт, местных юристов.

Я умылся и лёг спать. От всего пережитого сон пришёл не сразу... Куча вопросов в голове мешали мне отправиться в царство Морфея...

Интересно дело о попытке изнасилования возбудят или отделаются «хулиганкой»?

Ладно. Завтра посмотрим и узнаем, как творится правосудие в этом городе...

Натана я не дождался... Заснул раньше...

Глава четырнадцатая

Я даже не проснулся, когда вернулся Натан, после ночных допросов. Вот ведь как. НКВД уже давно нет, а евреев снова по ночам допрашивают злые следователи. Непорядок...

С утра я вкратце рассказал «папе» всю историю в подробностях. А он мне сообщил, что азербайджанец не совсем простой человек. На местном рынке торгует чем-то. Богатый, в общем, дядька. Зовут его Магомед, а фамилия то ли Гулиев, то ли Кулиев... На слух похоже и так, и эдак.

Когда ночью следователь задавал Натану вопросы, то их подтекст звучал не очень хороший. Типа: А вы уверены?

И словечки проскакивали: «якобы попытка изнасилования». Из этого «якобы» стало понятно, что возбуждение уголовного дела может и не состояться, а проблему у нас могут и появиться.

Позавтракав, мы направили наши стопы в местный отдел правопорядка. Следователь нас сразу не принял. Промурыжил минут сорок в коридоре...

Знаю я такой приём. Назначено на десять, например. Человек приходит вовремя, а ему говорят: «Подождите!». И приходится ждать перед дверью минут полчаса... У не слишком подготовленных людей это вызывает нервозность перед допросом. В коридоре ждать не слишком-то удобно и присесть особо не на что. Было желание выйти на улицу и ждать там. Погода была солнечная, а в ментовском коридоре было довольно душно, пахло потом и всем остальным сразу...

Но всё-таки мы дождались. Следователь вышел и кивком пригласил нас в кабинет. В кабинете было накурено. Два стола, два стула для сотрудников. Большой сейф и два потёртых стула для посетителей. Сколько задниц протирали эти стулья, я не знаю, но вид у них был такой же, как и у стульчака в придорожном сортире у заправки. Омерзительный.

Взяв у Натана свежую газетку, которую он купил по дороге сюда, я постелил её на стул, а потом только сел. Сегодня на мне было лёгкое летнее платье синего цвета. И мне очень не хотелось его пачкать.

Следователь делал вид важного человека при исполнении. Разве что щёки не надувал от усердия... И всё никак не начинал. Ждал чего-то что ли...

Дождлся в конце концов. В кабинет вошёл сотрудник в форме капитана. Но не звание его первым делом бросалось в глаза. А кавказская внешность и усы. Почти такие же, как и у вчерашнего Магомеда.

Капитан уселся за соседний стол, как бы за нашими спинами, а следователь начал свои процессуальные действия. Взяв бланк протокола допроса, он подложил копирку, и скрепив два листа канцелярской скрепкой, стал заполнять его. Вписав в верхние строки число и свою фамилию вкупе со званием и должностью, он обратился ко мне:

— Фамилия, имя отчество... Число, месяц год рождения, место рождения. Адрес места жительства.

Всё это я ему воспроизводил с должным спокойствием, но когда он подсунил мне на подпись место, где была указана ответственность за дачу ложных показаний... Вот тут уже я не выдержал...

— Простите! А вы уверены, что на несовершеннолетних лиц эта ответственность по

указанной уголовной статье тоже распространяется?

Тут проснулся капитан за моей спиной:

— Ты тут ни умничай! Подписывай, давай!

Я встал со стула, собрал газетку с сиденья, сложил её, и сказал, обращаясь к Натану:

— Папа! Пойдём отсюда! Они тут делают что-то не то.

— Э-э... Что не то? — снова возник капитан.

Судя по этому «Э-э», он либо родственник, либо земляк вчерашнего «злодея».

— По закону, к несовершеннолетним не относится ответственность за дачу ложных показаний, ни ответственность за отказ от дачи показаний.

— Э-э... Чё ты сказал? Умный, да? Иди тогда! Чего приходил?

— Пойдём, пап! — дёрнул я Натана за рукав, а в полголоса добавил: — Пойдём... в прокуратуру...

Услышал гад ушастый... Чебурашка усатая...

— Э-э! Какой прокуратур?

— А какая тут ближе?

— И что ты там им скажишь?

— Расскажу, как вы нарушаете законы СССР.

— И чем ты докажешь? Свидетели твои уже уехали.

— Тогда я расскажу о нарушении должностными лицами уголовно-процессуального законодательства совершённые в составе группы, в отношении несовершеннолетней. О попытке сокрытия события преступления, совершённого Магомедом Кулиевым...

— Гулиевым. — машинально поправил меня капитан азербайджанец.

— Гулиевым, — продолжил я. — Совершённые сотрудником правоохранительных органов с целью выгородить своего родственника...

— Он мне не родственник, земляк...

— А это ничего не меняет уже.

Я уже взялся рукой за ручку двери, когда наконец-то в разговор вмешался следователь:

— Ты куда? Я тебя не отпускал...

Открыв уже дверь, я обернулся и ответил, глядя в его злые холодные глаза:

— А ты меня и не задерживал...

— Вот сейчас возьму и задержу.

— И за что, если не секрет?

— За... — он не мог подобрать слова... — По подозрению...

— Подозревалка у тебя ещё не выросла... — я пристально посмотрел ему прямо в глаза, и добавив к словам немного внутренней энергии, продолжил: — А если ты сейчас рискнёшь силой задерживать в отделении тринадцатилетнюю девочку, то я тебе такое сейчас представление устрою, что ты точно не сможешь потом засунуть это дело под сукно. И местная прокуратура тебе покажется цветочками. Понял?

В момент произнесения своего этого «Понял?», я заметил лёгкий зелёный отблеск в его глазах. А продолжая своё «наезд» на этих охреневших от вседозволенности ментов, спросил у Натана мимоходом:

— Пап! Ты позвонил с утра дяде Вадиму из генпрокуратуры?

— Да... — подыграл мне поддельный «папа», — Его уже не было дома. Уехал на службу, но его жена Ася всё записала, и обещала передать мужу.

— Ну, тогда нам и нечего тут задерживаться. Свидетелей потом найдут по спискам

проживающих в гостинице в этот день, если, конечно, эти коррупционеры их не уничтожат. Но им же тогда хуже будет.

Это я уже говорил, идя с «папой» под руку по коридору к выходу. Позади нас сперва было тихо. Видимо следак слегка завис после моего ментального посыла. Но капитан всё же никак не унимался.

— Э-э. Стой! Кто там? Задержите их!

Мы были уже в конце коридора, почти у выхода. Никаких решётчатых дверей на выходе, с электрозамками, открываемыми из дежурки, ещё и в помине не было. Не те времена, однако. Но один сержантик молодой, видимо из служебного рвения дёрнулся было к нам, но мой взгляд приковал его к месту.

— Даже не думай! — тихо прошипел я, стреляя в него зелёными искрами. Спокойно выйдя из дверей отдела, я тут же потащил Натана за угол. Я уже узнал, где он припарковал наш автомобиль. Взяв у него ключи, я быстро открыл двери и завёл машину. Натан уселся на пассажирское место. Выезд был в сторону противоположную главному входу. Мы беспрепятственно отъехали в сторону гостиницы. Никто нас больше не преследовал.

Вряд ли капитан такой борзый, что сразу начнёт какие-то «боевые» действия против нас. Такие люди слишком подлые, они любят по-тихому пакостить своим врагам.

— Сейчас срочно собираешь наши вещи и в машину. Надо валить отсюда...

— А прокуратура?

— Ты ещё вспомни про дядю Вадима из Генпрокуратуры! Не смешите мои тапочки... Кстати, тапочки тоже не забудь забрать.

— А ты не поднимешься? Вдруг я что-нибудь забуду...

— Не забудешь. Это же просто. Бери всё, что есть! И ничего не забудешь. А я тут за входом пригляжу. Вдруг враги подъедут, а мы там копаемся...

Натана нет уже около получаса. Чего он там тормозит? Блин горелый...

Машина наша стоит так, что мне вход видно, а от входа меня не особо и заметно. Я закрыл машину и вышел. Стоя за кустами, продолжаю наблюдать за входом в гостиницу. Натана всё нет.

Зато подъехал машина. Не милицейская. Просто Жигули первой модели. «Копейка».

Тьфу... Какая на хрен, «копейка»? Их ещё нет на дорогах.

Это Москвич-408 с круглыми как у «копейки» фарами. Просто слишком блестит, как новый. Припарковался с противоположной от меня стороны гостиницы, ближе к ресторану, но так же как и я, не у входа. А из машины вышел... Капитан-азербайджанец. Но уже без формы. Хотя нет. Только сверху гражданская куртка, а штаны на нём серые ментовские.

Ну-ну. Видимо не по службе приехал. Уговаривать что ли будет? Или угрожать?

Идёт в сторону входа в гостиницу. Надо бы его как-то опередить... Я быстро бегу к чёрному входу... или выходу? Там есть такой... пожарный типа выход. Через него сразу можно попасть на лестницу, минуя официальный ресепшн. Бегу наверх. На нашем этаже торможу, осторожно выглядываю из-за угла.

Оба-на, как я вовремя. Или наоборот не вовремя...

Натан с чемоданом и сумками стоит у двери лифта. Я не стал ему кричать, чтобы не шуметь. Только я дёрнулся в его сторону, но успел лишь увидеть, что он уже вошёл в кабину лифта. Когда я добежал, то лифт уже уехал. И что странно: Из него так никто и не вышел.

А это значит, что мент либо внизу сейчас Натана встретит, либо...

Тут в гостинице два лифта. И второй сейчас как раз открывает двери на моём этаже. А из дверей появляется злой капитан и таращится прямо на меня.

А я на него.

А он на меня...

Но я срываюсь с места и бегу к лестнице.

Второго раунда борьбы в партере с кавказцем я не вынесу. Мне вчерашнего хватило. А этот сегодняшний не меньше того по размеру и весу.

Бегу я быстро... Я же убегаю всё-таки... Но стараюсь не сильно отрываться от погони...

А позади меня, в отдалении топают ментяра.

Бежит быстро, но тихо. И не кричит ничего из ментовского лексикона, типа: «Стой! Стрелять буду...»

Молча бежит. Только пыхтит...

Может, он плохое чего задумал? Хорошие милиционеры громко кричат, преследуя злодея, привлекая своим криком себе на помощь широкую общественность.

А этот молчит... Ну, это лишь значит, что либо я не злодей, либо он... плохое задумал...

Сворачиваю на лестницу, и нарочно очень громко топаю по ступеньками...

Ага...

Первые три ступеньки топаю... А потом на цыпочках, на цыпочках, возвращаюсь обратно и встаю рядом с дверью, прижавшись к стене.

Топот из коридора. Тяжёлое дыхание всё ближе. В проёме двери появляется туша мента. Кажется, что в последний момент, он всё-таки умудрился меня заметить. Может, интуиция? А может просто он не дальтоник.

Платье у меня синее, причёска рыжая, а стена салатная.

Короче... Он умудрился резко затормозить на самом крае первой ступеньки.

Ну, как тут не помочь человеку, который только что куда-то спешил? А тем более, если это целый милицейский капитан...

Всем телом толкаю его в спину. Инерция его тяжёлого тела, его же и подвела. Красиво он летит, кувыркаясь по крутым ступенькам. То головой, то шеей приложится...

Бегу за ним следом, но аккуратно, чтобы не упасть. Ступеньки-то крутые. Нас ещё в школе ругали за то, что мы бегали по ступенькам. А у капитана этого, то ли ступенек в школе не было, то ли не такие они были и крутые. Догоняю его уже на самых нижних ступеньках, где он красиво упал вниз лицом на кафельный пол... Прыгаю ему на спину, пытаюсь попасть коленями в середину позвоночника... Резко бью кулаком в основание черепа, а после быстро сворачиваю шею. Несмотря на то, что шея у него такая же толстая, как и он сам, слышу хруст... Тело подо мною обмякает и лежит без движения... Даже не проверяю. Чего там, и так всё видно...

Перешагиваю через застывшее тело, и быстро вниз. Незаметно покидаю гостиницу, через боковую дверь.

Вспомнил... Через эту дверь ещё и мусор выносят. Сам видел. Так что это лестница как раз и предназначена для избавления от «мусора»...

Натан уже мялся возле машины. Хотя он уже закинул чемодан на верхний багажник, осталось только его привязать. А верёвочка-то внутри, а ключики-то у меня... Но я быстро открыл ему дверь, и пока он укладывал сумку в салон, на скорую руку закрепил чемодан.

Минута и мы уже не спеша едем на выезд из города.

Интересно, какие будут последствия у этого моего экспромта?

Может, ещё и следака надо было зачистить? Да и Кулиева-Гулиева тоже не мешало бы.

Ну, хватит уже... Сколько уже можно быть таким кровожадным?

Надо всего лишь перестраховаться, и всё-таки написать в генпрокуратуру подробно и обстоятельно как всё было, а потом отправить по почте, с указанием всех моих данных, с описанием внешности всех свидетелей и очевидцев. Время действия и прочие подробности. Упомянуть про угрозы капитана-родственника. Про бездействие следователя и опасения за свою жизнь...

Нет... не получится... Если писать от имени Маши Левиной, то быстро выяснят, что Машу убили уже больше года назад...

Ну а то, что капитан с лестницы упал и лицом шибко ушибся... С кем не бывает? Надо было на лифте ехать с его-то лишним весом, а не по лестницам скакать, как горный сайгак... Или сайгаки по горам не скачут? Да какая разница...

Моих следов там не найдут. Наверняка, спишут на несчастный случай. А мы тем временем письмо отправим, и поглядим, что будет дальше... Или ничего не будем отправлять... Просто уедем и всё... И так почти целый день потратили на этих ублюдков. Теперь надо навёрстывать. Время идёт... А море нас ждёт.

Помню, что там, на трассе, постов много. И про некоторые нехорошая слава шла ещё в те времена.

А может быть поехать другой дорогой?... Есть ведь ещё пути через Кубань в сторону Новороссийска... Или...

Или можно поехать через Майкоп, сразу на Туапсе, минуя Джубгу. Там, правда дорога не очень, и все пугают «страшным» Шаумянским перевалом. Горы, серпантин, грунтовая дорога и оползни. Но это же даже интереснее получится. Целое приключение. И там нас точно никто не будет искать...

— Заряжай фотоаппарат свежей плёнкой дядя Натан!

— Зачем?

— А мы не поедem на море по прямой дороге... Как сказал в своё время Владимир Ильич Ленин: «Мы пойдём другим путём!»

Конец второй части четвёртой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net